

А. Воронель

**ПО ТУ СТОРОНУ
УСПЕХА**

А. ВОРОНЕЛЬ • ПО ТУ СТОРОНУ УСПЕХА

АЛЕКСАНДР ВОРОНЕЛЬ

**ПО ТУ
СТОРОНУ
УСПЕХА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**Тель-Авив
1986**

**КНИГОТОВАРИЩЕСТВО
МОСКВА—ИЕРУСАЛИМ**

© Copyright by A. Voronel

Обложка Г. Веницкий

Дорогим родителям

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
КАК СУБ'ЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ**

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ ЕВРЕЕВ

На первый взгляд ответить на вопрос о причинах возрождения национального чувства у евреев СССР в последние годы очень просто.

В тысячелетней истории еврейского народа середина двадцатого века несомненно явилась поворотным пунктом. Если будущий историк сопоставит гибель миллионов евреев в Европе в 1940—45 гг. с образованием в 1948 г. государства Израиль, ему не придется особенно задумываться. Скорее у него может возникнуть недоумение по поводу поразительной беспечности, позволявшей целым поколениям евреев в XX веке вручать свою судьбу в чужие руки.

Но если рассматривать это явление не в масштабе тысячелетий, в котором теряются многие характерные черты, а в узком временном интервале порядка десятков лет, мы сталкиваемся со значительной сложностью проблемы.

Действительно, как перешла еврейская традиция

Впервые опубликовано в сборнике "Евреи в СССР", № 1, Москва, октябрь 1972; перепечатано в сб. "Еврейский самиздат", т. 4, Иерусалим, 1974.

через два поколения практически ассимилированных, лояльных советских людей к современной молодежи. Почему, несмотря на наличие объективных и субъективных факторов, способствующих ассимиляции, евреи сохранились как компактная группа? Почему национальное чувство евреев пробудилось не в 50-х годах, когда все, казалось, так явственно напоминало о нем, а только в конце 60-х? Почему, вообще, несмотря на то, что за последние 50 лет евреи в большинстве перешли на русский язык, утратили религию, изменили социальный состав и образ жизни, они продолжают оставаться выделенным меньшинством, регулярно о себе напоминающим? Как и на все вопросы типа "почему", на эти вопросы не может быть дан категорический ответ, так как категория причинности здесь не определена. Но можно проследить некие связи этих явлений с одновременно протекающими в обществе процессами в надежде, что эти связи окажутся устойчивы.

Оставив в стороне как высшие, так и чересчур глубокие возможные причины наблюдаемых явлений, попробуем сосредоточиться на простых социальных и юридических фактах. При этом для того, чтобы сохранить неизменным уровень рассмотрения, нам придется игнорировать множество фактов (например, политических), которые при другом угле зрения могли бы претендовать на роль перво-причин.

Существование в Российской Империи "черты оседлости", ограничения в выборе профессии и традиционный интеллектуализм привели к тому, что получение образования укрепилось в сознании российских евреев, как одна из высших ценностей. Для очень многих — просто высшая.

В течение последних ста лет доступность образо-

вания была настолько жизненно важным требованием для евреев, что все остальные и, в частности, национальные требования бессознательно отодвигались ими на второй план. Отмена соответствующих ограничений после 1917 г. вызвала такой подъем, что даже экономические интересы значительной части еврейского населения (более 30% евреев в конце 20-х годов были лишенцами, то есть относились к мелкой буржуазии) отступили перед этими стремлениями. В результате, уже в тридцатые годы произошли радикальные изменения в социальном составе и образовательном уровне евреев (1).

К нашему времени советские евреи сложились не только (и, может быть, далеко не столько) как этническая, но и как социальная группа, уровень образованности которой гораздо выше среднего по стране. Практически все взрослые евреи входят в эту группу имеющих среднее образование и 20% (треть всех взрослых) всего народа имеют высшее (2). В среднем же по СССР только 22% (треть взрослого населения) входит в группу лиц с законченным средним образованием и лишь 4% населения имеет высшее.

Такому разрыву между евреями и остальными народами СССР отчасти способствовало то, что на оккупированных гитлеровцами территориях СССР во время войны 1941—1945 гг. было убито больше миллиона евреев, принадлежавших, в основном, к необразованной части народа, проживавших в маленьких городах и сохранявших многие еврейские особенности. Оставшиеся в живых, таким образом, потеряли все то, что обычно зовется корнями, народной средой и т.п.

Резкий рост квалификации и народного образования евреев сопровождался разрывом традицион-

ных связей, массовым переселением в большие города и падением влияния религии. Сейчас около половины всех евреев проживает в Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве.

Неясно, в какой мере получение европейского образования само по себе связано с выходом из первоначальной еврейской общности, но ясно, что образовательный уровень европейских евреев в СССР был достигнут за счет потери значительной части национального своеобразия. Теперь, когда эта цена уже заплачена, оказалось, что жертва, быть может, была напрасной.

Начиная с 50-х годов, евреи сталкиваются с систематическими трудностями в получении высшего образования, которые воспринимают как проявление национальной дискриминации даже и тогда, когда они связаны, в действительности, с другими причинами.

В приложенной таблице 1 помещены цифры, характеризующие развитие высшего образования в СССР. Пять групп лиц, к которым относятся приведенные цифры, характеризуют структуру советской интеллигенции в ее динамике. Первые три группы являются материнскими по отношению к двум последним, поэтому в таблице приведены также относительные цифры, характеризующие воспроизводство этих групп.

Мы видим, что, в то время как величины, дающие количества научных работников, лиц с высшим образованием и лиц с законченным средним образованием, монотонно растут, рост числа студентов, начиная с 1965 г. заметно тормозится, а прием на первый курс практически неизменен последние семь лет.

Цифры, запланированные на 1975 г., также подтверждают эту тенденцию. В результате относитель-

ТАБЛИЦА 1

	1939- 1941	1950- 1951	1959- 1961	1965	1967	1970	1971- 1972	1975*
Число на- учн. раб. (тыс.чел.)	98	163	354	665	770	928	985	
Отн. число н. р. на 1 перво- курсн.	0,37	0,48	0,59	0,77	0,91	1,02	1,07	
Число лиц с высш.о. (млн.)	1,2	3,8	5,7	6,4	8,3	9,4	11-12	
Отн. число лиц с в.о. на 1 студ.	1,5	1,6	1,5	1,5	1,8	2	2,2-2,4	
Число лиц с в. нез. о. и полн. сред. о. (млн.)		23	35	48	54	66-67		
Отн. число лиц Ш гр. на 1 ст.		9,6	8,3	10,4	11	13		
Число сту- дентов (тыс. чел.)	812	1250	2400	3800	4200	4600	4800	5000
Число перво- курсн. (тыс.)	263	349	593	854	888	912	921	984

* — в этой колонке приведены цифры, запланированные

ные цифры, характеризующие трудности воспроизводства группы (количество членов группы, приходящееся на одного, идущего им на смену, студента), резко растут в конце 60-х годов. Этот рост менее всего проявляется для менее образованной группы и, по-видимому, максимален для научных работников.

на 1975 (6) год. Полная погрешность приведенных данных складывается из погрешности округления исходного статистического материала и погрешности отнесения к определенному году. Эта сумма нигде не достигает 10% от рассматриваемых величин и не может сказаться на выводах. Исходные данные для таблицы (абсолютные численности групп) взяты из (1), (3), (5) и (6). Относительные цифры вычислены мною. Эти цифры не имеют прямого житейского смысла и представляют собой коэффициенты, характеризующие трудности социального роста или воспроизводства групп.

К сожалению, в моем распоряжении нет столь же подробных данных об аспирантуре, которая для группы лиц с высшим образованием представляет такой же следующий этап, как высшее образование для группы Ш.

Так, на протяжении десяти лет (с 1959 по 1970) для группы лиц с законченным средним образованием эти трудности были приблизительно постоянны.

Один из десяти лиц этой группы мог рассчитывать получить высшее образование и перейти в группу П. Начиная с 1970, трудность такого социального продвижения растет приблизительно на 10% за каждые два—три года.

Группа П стабильно пополнялась в течение 25 лет, так что на каждых трех интеллигентов приходилось двое студентов, готовящихся к умственной деятельности.

После 1967 года это число неизменно снижается, так что в 1971 уже только один студент приходится на двух интеллигентов, а после 1975 один студент будет приходиться на трех, что вдвое меньше, чем до 1967 г.

Образование не такая вещь, потребность в которой может быть однажды и навеки удовлетворена. Напротив, потребность к образованию, становясь частью образа жизни, в образованных группах выше, чем в слаборазвитых. Если в 20-х и 30-х годах приходилось в среднем по одному образованному человеку на семью, то сейчас типичны случаи, при которых в семьях несколько образованных или даже все взрослые. Так как это означает, что все дети из таких семей стремятся к образованию, мы можем вычислять количество желающих поступить в вузы просто по возрастным соотношениям для соответствующих групп (1).

В СССР ежегодно получает законченное среднее образование, необходимое для поступления в вуз, около 3 млн. человек. Из них происходят от образованных родителей (III группа) около одного млн. человек (соответствует, приблизительно, 1970 г.). Таким образом из одних только образованных кругов набирается больше абитуриентов, чем могут обеспечить имеющиеся вузы.

Потребность в образовании, следовательно, не удовлетворяется даже при условии предельной объективности приемных комиссий. Однако на приемные комиссии воздействует настойчиво провозглашаемая руководством СССР необходимость режима максимального благоприятствования для выходцев из рабочих и крестьян. Против такого благоприятствования самого по себе трудно возражать. Но при отмеченном выше замедлении роста количества абитуриентских мест и нехватке мест в институтах для образованной группы режим благоприятствования для кого бы то ни было автоматически означает ограничение для всех других, болезненно воспринимаемое всеми. Посмотрим, как вы-

глядят данные таблицы 1 для евреев (данные на 1971 г.) (7).

1	1/V	II	11/1V	111	111/1V	1V	V
100	5	420	4	1300	13	105	20
тыс.		тыс.		тыс.		тыс.	тыс.

Согласно этим цифрам евреи из третьей группы (наименее образованные) испытывают такие трудности в получении высшего образования, какие все остальное население будет испытывать в 1975 году. Однако евреи из второй группы испытывают гораздо большие трудности (см. четвертый столбец), которые могут встретиться остальным не раньше 1990 года. Первая группа населения (научные работники) вообще не воспроизводится среди евреев, так как один поступающий в институт приходится на пять научных сотрудников (см. вт.ст.). Отсюда мы видим, что евреи действительно выделены среди других, но эта выделенность растет по мере роста образованности группы и, действительно, в значительной мере является социально обусловленной.

Вышесказанное не значит, что в резком отклонении относительных цифр для евреев от общих показателей не играет роли национальный элемент. Напротив, повышение трудностей в получении образования для евреев, бросающееся в глаза при сопоставлении с таблицей 1, находится в согласии со многими выступлениями деятелей народного образования и изданиями, пропагандировавшими мысль о желательности приведения национального состава интеллигенции в соответствие с национальным составом советского народа в целом (8).

Так как евреи составляют меньше 1% населения СССР, постановка такой задачи означала бы планирование деградации еврейского народа, ибо сейчас среди лиц с высшим образованием евреи составля-

ют около 5%, а среди научных работников — 10%. При отмеченном выше практически неизменном числе мест в институтах, ориентация общества в духе (8) должна привести к вытеснению евреев в будущем из областей, которые десятилетиями казались им наиболее достойным полем приложения сил — медицины, физики и т.п.

Табличка на предыдущей странице показывает, что такая тенденция уже наметилась, хотя, в целом, идеал обрисованный автором (8), еще очень далек от реализации. Потенциальную угрозу, скрытую в подобного рода идеях, интеллигенция (мы видели, что больше трети самодеятельного еврейского населения имеет высшее образование и, следовательно, относится к интеллигенции) воспринимает не менее остро, чем действительные гонения, так как идейные обоснования реально существующих и известных им ограничений они понимают, как окончательное утверждение этого несправедливого приговора.

Затруднения в получении образования теперь евреи встречают гораздо болезненнее, чем в XIX веке. Если тогда стремление евреев к образованию означало для них некоторую экспансию, то сейчас такое стремление есть лишь функция от их образа жизни. Если ограничения в прошлом стесняли евреев, то сейчас угрожают самим основам их существования как группы. Променяв традицию на эту единственную ценность — образование, евреи, лишаясь образования, — лишаются всего.

Интеллигенты, построившие свою жизнь на профессиональных успехах, ощутив препятствие в этом пункте, оказываются перед лицом кризиса, равносильного потере смысла жизни. Именно на поисках этого смысла все больше сосредоточиваются совет-

ские интеллигенты всех национальностей по мере того, как темп развития высшего образования, а с ним и социальная динамика замедляются.

Наталякаясь на механическую преграду на пути своего развития, интеллигенция, которая может и хочет развиваться, прилагает усилия, чтобы продолжать это развитие в духовном плане. Причем эти усилия прилагают не столько те, кому угрожает опасность остановки, сколько те, кто способен приложить такие усилия. Происходит спиритуализация общей культуры и, так сказать, гуманитаризация научной и технической элиты. Повышение внимания к гуманитарным ценностям с неизбежностью приводят к повышению роли национальных и традиционных элементов в культуре в противовес техническим.

Таким образом национальное пробуждение евреев связано не с усилением антисемитизма, а с ростом культуры самого еврейского народа. Аналогичные явления происходят, конечно, и в русской среде, но перед евреями здесь стоят особые трудности, связанные с их положением нацменьшинства.

Как, собственно, может осуществиться ограничение прав евреев? По какому признаку? Выделение и, следовательно, ограничение прав еврея начинается с того момента, как в паспорте или анкете он заполняет графу "национальность". Эта характеристика, будучи совершенно неопределенной с научной точки зрения, является юридическим источником выделенности, не зависящим от воли человека. Он заполняет эту графу не на основе самоощущения, а на основании документов о происхождении и, следовательно, не волен выбирать.

В то время как для русского или украинца наличие такой отметки в паспорте в реальной обстановке

никак не сказывается на его судьбе, для еврея эта деталь может оказаться краеугольным камнем биографии.

В глазах лиц, определяющих кадровую политику, в глазах окружающих и, наконец, иногда и в собственных глазах он может стать представителем категории, а не личностью. Излишне напоминать, насколько неприемлемой является такая возможность с моральной точки зрения и насколько разлагающе действует она на нееврейское население.

Несущественно здесь также и то, что отмена этого "пятого пункта" вряд ли заметно улучшила бы положение евреев. Существенно для нашей задачи выяснить, существуют ли какие-то дополнительные духовные возможности, хотя бы отчасти компенсирующие евреям юридический ущерб, происходящий от произвольной выделенности.

Что известно об этой категории самим ее представителям и что знает советский человек о прошлом и настоящем еврейского народа? Что могут евреи узнать и сообщить своим детям о своем происхождении и свойствах?

Ответ на все эти вопросы, к сожалению, слишком прост: почти ничего. Евреи в СССР вынуждены смотреть на себя глазами других. В их распоряжении нет никаких средств самопознания. Они лишены своей литературы, своей истории, своего искусства. Рассеянные среди других народов, они мыслят категориями, принятыми среди этих народов. Лишенные своей традиции, евреи вынуждены внутренне мириться с той, более чем скрсомной, ролью, которую отводит им традиция русская или украинская. Может быть, по этой причине евреи в СССР до недавнего времени были самыми яркими поборниками интернационализма. Этот их интернациона-

лизм оказывался зачастую не столько глубоким пониманием общечеловеческой природы культурных ценностей, сколько поверхностной реакцией на их неукорененное, внациональное положение. Идеологическая ситуация сложилась таким образом, что на вопрос "кто Вы такие?", еврей должен был ответить: "мы — русские второго сорта". Стидливая формула — "Граждане СССР еврейской национальности" отчасти эту тенденцию уже зафиксировала.

Во всех странах и у всех народов люди получают национальное воспитание и затем, если обстоятельства благоприятны, поднимаются от ценностей национальных к общечеловеческим. Гуманизм и понимание других культур опирается на опыт собственной национальной культуры. Иначе обстоит теперь дело у евреев в СССР. Не имея своего языка и специфических форм общения, они вынуждены сначала дойти до уровня общечеловеческих ценностей и лишь на этом этапе ощутить, что их гуманизму недостает глубины, происходящей от собственных национальных традиций. Для того, чтобы хорошо понимать других, нужно уметь понимать себя. Этому пониманию обычно способствует изучение своей истории, восприятие своего культурного и психологического своеобразия через национальное искусство и т.д.

Однако в советской культуре обнаруживается в этом отношении пугающая пустота. Нет не только никаких изданий, посвященных, например, истории евреев, но даже из учебников истории древнего мира, начиная с пятидесятых годов, исключены главы, повествующие об Иудее и Израиле.

Несмотря на богатые театральные и музыкальные традиции, случаи выступлений артистов с еврейской программой за последние годы можно сосчитать по

пальцам. Никакой живой еврейской литературы (тем более на русском языке, на котором говорит более 80% евреев) нет, несмотря на то, что в Союзе писателей состоит около тысячи писателей-евреев. Большая часть еврейской художественной интеллигенции занята интерпретацией и популяризацией достижений русской и других национальных культур.

Евреям, которые прославились своим всепониманием в прошлом, грозит теперь культурное ничегонепонимание, ибо они не осознают себя. Без такого осознания никакое восприятие культурного объекта не является полным, ибо содержит неизвестное, присущее субъекту. Еще хуже, если эти неизвестные подменяются предполагаемо известными, зачастую просто литературно обусловленными качествами.

Хотя далеко не все евреи понимают эту опасность, все они с бессознательной тревогой отмечают падение числа людей знающих еврейский язык (процент считающих идиш родным языком, снизился с 21% по данным переписи 1967 до 17% в 1970) несмотря на общее падение численности евреев, исчезновение еврейской советской литературы, театральной и музыкальной жизни. Если на предшествующем этапе техническое образование, культура, как таковая, — “цивилизация”, казалась им ценностью большей, чем то, что они имели, в настоящем подошел момент, когда на первый план выдвигается ощущение потери. Потеряна традиция, язык, своеобразные формы общественной жизни, понимание предшествующих поколений, общность с евреями всего мира.

Было бы несправедливо винить в этих потерях советское правительство. Вековая традиция еврейства была прервана в значительной мере по вине

(назовем это лучше заблуждением) самих евреев старшего поколения. В тех грандиозных преобразованиях, которые происходили в СССР в 20-е и 30-е годы, у слишком многих, к сожалению, возникло ошибочное убеждение, что человеческая психология формируется из немногих простых компонентов, и социальный фактор в этом формировании — решающий.

Если бы это было действительно так, в СССР сейчас вовсе бы не было евреев, поскольку их психологические особенности приспособились бы к их социальному бытию, а графа в паспорте заполнялась в те годы по желанию. Однако мы, вопреки этому взгляду, видим, что и в 1970 г. в СССР проживает более двух миллионов людей, считающих себя евреями.

В СССР широко распространено мнение, что евреи не представляют собой целостной нации, а лишь этническую группу. Соответственно этому взгляду евреи разных стран принадлежат к разным этническим группам и имеют с народами этих стран больше общего, чем между собой. Однако, невзирая на эти дефиниции, во всем мире отличают евреев, и они тоже отличают друг друга по множеству признаков. Этого, вообще говоря, достаточно как для того, чтобы они осознали и защищали свои общие интересы, так и для того, чтобы, по крайней мере, часть из них захотела и добилась самоопределения как нация.

Но у евреев есть гораздо большее. Общее происхождение и двухтысячелетняя история рассеяния закрепили в еврейском народе некие характерные черты и принципы взаимоотношений, создающие психологическую общность, и оставили нам громадное литературное наследство, на котором основыва-

ется общность культурная. Это богатство воплощено в еврейском языке (иврит), еврейской истории и Библии.

Развитие национального чувства и поиски корней еврейского своеобразия, ставшие заметными в последние годы, проявились в возникновении устойчивого интереса именно к этим культурным ценностям. Любопытно, что европейское образование и длительный опыт равноправия таким образом повлияли на психологию советских евреев, что свою древнюю историю и библейскую литературу они воспринимают гораздо охотнее, чем культуру недавнего прошлого, напоминающую им об их униженном положении в дореволюционной России. По-видимому, именно этим следует объяснить практическое отсутствие интереса к Шолом-Алейхему и идишистской культуре вообще на фоне резко выросшего интереса к Библии и Талмуду. Несмотря на повышенные, в этом случае, трудности молодежь рьяно изучает иврит и довольно пренебрежительно относится к языку идиш.

Аналогичная тенденция проявляется в изучении молодежью еврейской истории. В этом стремлении проявляется естественная психологическая потребность людей (и народов) ощущать себя самодовлеющим целым, а не второстепенной частью чужой жизни и истории.

Русская история, которая представлена советским евреям, как источник сведений о прошлом, не удовлетворяет эту потребность. Например, изучая русскую историю, евреи, в лучшем случае, узнают, что их предки способствовали экономическому развитию западных областей Российской Империи. Но вряд ли именно эта цель составляла содержание жизни еврейского народа в предыдущие два столетия. Также и та постоянно страдательная

роль, в которой выступают евреи в истории России начала этого столетия, никак не соответствует активному мироощущению советских евреев. Возникает необходимость начать историю с более отдаленных времен, и тут мы сталкиваемся с острым интересом интеллигенции к Библии.

Необходимо подчеркнуть разницу в восприятии Библии русским человеком и евреем. Для русского человека Библия имеет значение общекультурной ценности и религиозной книги. На основе этого второго значения построено отношение к Библии всех официальных кругов в СССР. Но для евреев Библия — основа национальной традиции и исходная точка истории. Она не может быть отделена от светской еврейской культуры и перевешивает любую другую культурную ценность, которую можно было бы ей противопоставить. Поэтому, обращаясь к духовным ценностям, евреи не могут миновать Библию и связанные с ней традиции.

Значительная часть еврейской религиозной традиции сложилась как своеобразное одухотворение светской еврейской истории и национальной жизни. Поэтому отделить эту национальную жизнь от религии, означало бы ее обеднить. Так, например, невозможно отделить празднование исторических освобождений евреев в Пасху, Пурим и Ханука от религиозного содержания этих событий. Многие, становясь на путь поиска национальной традиции и углубления духовности, не останавливаются и перед формальным обращением к религии. Во всяком случае, молодежь регулярно собирается вокруг синагог, отмечает национальные праздники, старается вникнуть в смысл и соблюсти букву еврейских обычаев. Вообще говоря, такое стремление не тождественно религиозным поискам, так как синагога в еврей-

ской традиции отнюдь не храм, а просто средоточие еврейской общественной жизни (буквально, собрание), празднования приурочены к различным политическим и культурным событиям многовекового прошлого евреев, а большая часть обычаев имеет вполне рациональное происхождение. Но ситуация в диаспоре такова, что окружающие, а иногда и сами евреи, начинают смотреть на эти вещи в контексте привычных представлений, сложившихся под влиянием иных религий. Это и приводит к отождествлению национальной традиции с традицией религиозной.

Выше отмечалось, что такая тяга к традиции связана отчасти с замедлением социального развития группы и, как бы превращением части кинетической социальной энергии в потенциальную. Это явление противоположно тому, что происходило в 20-е годы, когда потенциальная духовная энергия, накопившаяся за столетия, реализовалась в мощном социальном развитии евреев.

Некоторая односторонность этого развития теперь выправляется благодаря отмеченной спиритуализации, и это означает дальнейший рост культуры. Однако, эта форма развития наталкивается на серьезное препятствие, связанное с традиционной антирелигиозной политикой руководства СССР. Как было сказано, в еврейской традиции нельзя формально отделить религиозный элемент от светского. Поэтому вся традиция оказывается внеположной по отношению к советской культуре.

Какие намечаются в советском обществе пути преодоления охарактеризованных трудностей? Могут ли они быть преодолены вообще? Среди евреев оказывается все больше людей, которые предпочитают решить эту проблему радикально, выехав в

государство Израиль. Таким образом, для этих людей, которые отказываются позволить кому бы то ни было распоряжаться их национальным развитием и человеческой судьбой, вопрос сводится к техническому.

Не менее радикальным выглядит путь полной ассимиляции евреев, выбранный многими из них и столь же многими с негодованием отвергнутый. В сочетании со спиритуализацией, о которой говорилось выше, этот путь толкнул некоторых даже к принятию православия.

Мне кажется, не имеет смысла обсуждать моральную и культурную приемлемость такого пути до тех пор, пока имеются юридические препятствия (паспорт, анкеты), делающие этот путь совершенно нереальным. Во всяком случае можно предвидеть, что здесь, и после устранения технических трудностей, вопрос не будет исчерпан.

Промежуточная точка зрения, с которой развитие еврейской национальной культуры возможно в настоящих условиях и даже на русском языке, обладает всеми недостатками оппортунистических доктрин, но лишена их главного достоинства — широкой распространенности, связанной с приемлемостью для среднего человека. По целому ряду исторических причин в России никогда не были популярны умеренные взгляды, и умами всегда завладевали радикальные теории. В этом отношении евреи России не отличаются от русских и также склонны к идеологическим крайностям. Однако справедливость требует заметить, что только такое постепенное национальное развитие, возможно, поставило бы еврейскую интеллигенцию в положение сравнимое с русской.

Подытоживая свой анализ, я хотел бы сформули-

ровать условия, при выполнении которых проблемы евреев, как кажется, перестали бы выделяться среди проблем многих других народов СССР:

Если бы было разрешено:

- а) Уехать из СССР всем евреям, желающим переселиться в Израиль, так, чтобы все оставшиеся действительно считали СССР своей Родиной.
- б) Ассимилироваться всем желающим ассимилироваться, так, чтобы евреями оставались только те, кто добровольно хочет этого.
- в) Развивать свою национальную культуру всем, кто хочет ее развивать, и на том языке, на котором они этого захотят.

Мы могли бы считать, что евреи оказались в положении русских или украинцев, и, в соответствии с вульгарно социологической точкой зрения, принятой в этой статье, ожидать от них сходного поведения.

Только если бы и в этой ситуации их поведение оказалось бы резко отличным, мы смогли бы обоснованно утверждать, что народами движут другие силы, и различия между ними внесоциальны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) БСЭ, 1931 г.

2) "Мед. газета", 5 окт. 1971.

3) "Население Мира", П Л, М, 1965 г.

4) "Экономическая газета", № 21, май 1972 г.

5) "СССР в цифрах", справочник 1968 г.

6) "СССР в цифрах", справочник 1972 г.

7) "За рубежом", № 38, сентябрь 1972 г.

"Против тенденциозности и дезинформации"

(Письмо посла СССР П. Абросимова Ф. Миттерану)

8) В.Н. Мишин. "Национальная политика СССР в области образования", г. Горький, 1970.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

Стремление к объективности играет с нами, быть может, наиболее злые шутки. Когда царю Соломону предложили определить, кто настоящая мать ребенка, и за которого спорили две женщины, он велел разрубить ребенка пополам и "справедливо" отдать по половине каждой. Более объективная согласилась с этим справедливым решением, и именно по ее "объективности" Соломон безошибочно узнал самозванку. Настоящая мать предпочла отказаться от ребенка и стерпеть несправедливость, лишь бы сын ее остался жив.

Наш еврейский ребенок чудесным образом еще жив, несмотря на то, что уже много лет он воспитывается чужой, слишком объективной матерью. Посмотрим же на него не со строгостью профессиональных поборников разных типов благочестия, удивляющихся, что он еще жив вопреки очень правильным теориям, а с любовью и пониманием, про-

Впервые опубликовано в самиздатском сборнике "Евреи в СССР", № 7, Москва, май—июнь 1974; перепечатано в сб. "Еврейский самиздат", т. 10, Иерусалим, 1976.

диктованными родственным чувством! Вглядитесь! Вы увидите у этого приемыша, беспризорника свои фамильные черты, свои наследственные признаки, даже свои типичные (и небезобидные) чудачества.

Некоторая переоценка роли политических факторов вообще, и в судьбе евреев России в частности, внешние обоснования антисемитизма, основанные на представлении, что мы якобы ничем от других не отличаемся и нас не за что ненавидеть, и постоянно присутствующий в сознании образ некоей планируемой и всеудовлетворяющей справедливости очень характерны для взглядов советских евреев. Также, и в неменьшей степени, некий голубиный, вневременный и внепространственный гуманизм, позволяющий рассматривать жизненные нужды своего народа "объективно", как бы с высоты птичьего полета, при котором "нет ни эллина, ни иудея", типичны для "русского интеллигента еврейского происхождения", которым и стал в своей определяющей группе советский еврей.

Наш собственный агностицизм происходит не от отсутствия всякой точки зрения, а от понимания, что любая точка зрения в этом ряду не может быть научно обоснована. Научным в этой ситуации является только изучение всей совокупности имеющихся взглядов как некоего целого, отвечающего конкретной социальной и этнологической реальности.

Однако в реальном мире непрерывно происходят различные изменения, и характер этих изменений, возможно, тоже меняется со временем. В отличие от реальностей, слова, которыми мы их обозначаем, долгое время могут оставаться неизменными. Это обстоятельство часто создает почву для трагических конфликтов даже внутри одной души, а тем более — между разными людьми, употребляющими одни и

те же слова в их разных значениях: отжившем и вновь приобретенном.

В еще большей степени, чем сами слова, источником недоразумений в меняющемся мире оказываются сцепленные в сознании пары слов, связь между которыми определяется старой семантикой, а не сегодняшним течением жизни. Такие пары создают в сознании мнимые антиномии, вынуждающие нас занимать одностороннюю позицию в споре, которого в действительности нет. Так, мы в СССР с детства привыкли к навязанной нам антиномии "религия — разум" (иногда в форме "вера — знание"), присутствие которой всю жизнь мешало нам понять, что наш рационализм носит в заметной мере религиозный характер и основан на нашей вере в достоверность знания, полученного эмпирическим путем.

Множество таких окаменевших антиномий угрожают наше поле зрения, не давая взглянуть на явление или другого человека без участия некоего третьего действующего лица. Это таинственное лицо, представляющее Сложившееся Мнение, а точнее, обломки сложившихся в прошлом мнений, оказывается тем влиятельнее, чем меньше его присутствие осознается и учитывается нами. "Революция и реакция", "прогресс и консерватизм", "правые и левые (и еще новые левые)", "гуманизм и насилие", "национальное и общечеловеческое", "субъективное и объективное", "свобода и ограничение", "внутреннее достижение и внешний успех" и даже "ум и глупость". Все эти противопоставления в конкретной жизни могут быть оспорены и вывернуты наизнанку. Реальный мир не описывается двоичной логикой и для языка недостаточно пары "да — нет".

В этом номере собраны материалы, которые такое двоичное, поляризованное сознание должно

было бы охарактеризовать антиномией: "ассимиляция евреев или сохранение их национального своеобразия". Мне кажется, что здесь мы имеем типичный случай, когда традиционная постановка вопроса только запутывает его и уводит в сторону от реальных задач, а противопоставление не затрагивает существа проблемы, лежащей в иной плоскости.

Во всех обычно употребляемых смыслах слова "ассимиляция" около двух миллионов русских евреев давно ассимилированы и вопрос об ассимиляции для них не стоит. Но зато вопрос об их национальном своеобразии только теперь, после окончательной ассимиляции в России, приобрел действительную остроту и выступил в незамаскированном виде. Если прежде, чтобы удовлетворить национальные чувства евреев, предполагалось достаточным открыть для них театр на идиш, то теперь мы сталкиваемся с таким комплексом культурных и политических проблем, который даже в СССР (стране, где нет нерешенных вопросов) вывел этот вопрос из числа скрытых и превратил чуть ли не в один из самых актуальных вопросов советской политики.

Чтобы объяснить этот феномен, совершенно недостаточно жалоб на антисемитизм властей или ссылок на положение на Ближнем Востоке. Необходимо еще признать наличие чего-то реального, что вызывает этот антисемитизм и может использовать положение на Ближнем Востоке, поскольку оно ему безразлично. Это что-то, по-видимому, двух-трехмиллионный еврейский народ в России, обладающий еще достаточным своеобразием, чтобы стать объектом антисемитизма, и достаточной исторической (или этнической) памятью, чтобы интересоваться положением на Ближнем Востоке. Даже среди сверхобъективных русских евреев мало та-

ких, которые станут утверждать, что положение в Юго-Восточной Азии волнует их так же живо.

Людей, задумывающихся на эту тему, обычно сбивает с толку тот несомненный факт, что родным языком всех этих евреев оказывается русский язык. Не означает ли это, что мы и сами уже русские? Да. Означает. В такой же степени, как "сефард" означает испанец, а "ашкенази" — немец. Но все же это не больше, чем названия разных групп евреев.

Грузинские евреи уже несколько веков говорят на грузинском языке, но никто еще на этом основании не отрицал существования грузинских евреев как национальности. Конечно, грузинские евреи зато сохранили гораздо больше традиционных особенностей в своем житейском и духовном обиходе, но сам по себе этот факт свидетельствует о второстепенности языка как признака, определяющего национальную принадлежность. В тысячелетней истории диаспоры разные группы евреев в разное время переходили на иранский, испанский или верхне-немецкий (а в античное время и на греческий) языки, создавали даже богатую литературу на этих языках и, тем не менее, оставались евреями для себя и других. Смена языка переоценивается нами в случае русских евреев, потому что она произошла в исторически рекордный срок и почти на наших глазах. Мы не можем отнестись к этому факту академически спокойно и переоцениваем его идеологическое содержание. Но вчуже мы все отлично знаем, что язык вовсе не определяет национальную принадлежность (ирландцы, мексиканцы и т.п.).

Можно было бы привести еще множество примеров, по которым было бы видно, что и все остальные объективные признаки национальности столь же второстепенны, чтобы не сказать несущественны.

Среди других признаков следовало бы выделить вероисповедание, которое традиционно определяет национальную принадлежность евреев. Но распространенность атеизма (вернее, его внешнего проявления) в СССР сделала евреев и в этом пункте объективно неотличимыми.

Национальная принадлежность никогда не является абсолютно несомненной — даже цвет кожи зачастую может оспариваться — и не может быть превращена в объект изучения сама по себе. Национальная принадлежность в существенной степени определяется субъективно (самими членами этнической общности или окружающей средой), как, например, принадлежность к семье (Иванов может принадлежать к семье Хаима Рабиновича, а Абрам Рабинович оставаться однофамильцем) и может изучаться только по своим последствиям и отражению в поведении. Но разве наше поведение определяется научными соображениями? Наше поведение (в национальном вопросе, скажем) определяется осознанным выбором (пусть даже не всегда свободным; у людей с черной кожей или с особенно выдающимся носом выбор существенно ограничен), который в свою очередь определяет судьбу. А разве мы строим свою судьбу в угоду каким-нибудь теориям (особенно научным)?

По-видимому, в основе национального самоопределения всегда лежит миф об общности происхождения, причем степень достоверности, так сказать, реалистичность этого мифа есть наименее существенное его свойство. Важным в действительности оказывается его духовное богатство, содержательность, определяющая приемлемость или неприемлемость для народа соответствующей традиции и ее способность быть основой мировоззрения. Нет нужды до-

казывать, насколько определяющим было влияние Пятикнижия на формирование душевного строя и культурной ориентации евреев. Пока молодая идишитская культура внушала советскому еврею, что он произошел от героя Шолом-Алейхема, он не спешил откликнуться на зов предков. Но когда советский еврей, перейдя на русский язык, дошел в своей русской культуре до необходимости прочитать Библию, свершилась победа Моисея, и множество ушей отверзлось, чтобы слышать.

Когда русский человек читает Библию, он может и не соотносить слова об избранном Богом народе с известными ему из обыденной жизни востроглазыми людьми. Но еврею читать Библию и не соотнести ее с собой невозможно. Немало способствует этому процессу происходящая в широких слоях советской интеллигенции консолидация русских национальных сил... Пока речь шла о противопоставлении Ф.Тютчева и Ф.Достоевского Н.Некрасову и Н.Чернышевскому, простодушные евреи бежали в самых первых рядах. Но теперь доходит до необходимости предпочесть сбивчивый и малопонятный миф о русском народе-богоносце чуть ли не Синайскому откровению. Тут задумаются и самые бойкие.

Спектр русской национальной мифологии очень широк: от "Москва — третий Рим" и, соответственно, "Всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя", до "Сплотила навеки великая Русь" и "Я русский бы выучил только за то..." Но в любом варианте этот миф оспаривает историческое первородство Израиля, и поэтому отношение к евреям в русской культуре не может быть уподоблено другим этническим предрассудкам и предпочтениям — это вопрос онтологический, как и для христианской цивилизации в целом. Принять

этот миф для еврея — значит повторить подвиг Исава. Вот почему все евреи в русской культуре — западники и предпочитают чаадаевскую линию в этой культуре славянофильской.

В нашей жизни в СССР, кроме национальных мифов, присутствует еще миф, обещающий в конечном счете интернациональную общность людей — миф социального детерминизма. Вообще говоря, обсуждать мифы с точки зрения их достоверности — непродуктивно. Мифу может противостоять только другой миф, и оцениваться они могут только по их приемлемости и духовному содержанию. Но, возможно, миф, претендующий на научную обоснованность, должен составить исключение и может обсуждаться с точки зрения методологических обоснований.

Наука, чтобы оставаться наукой, должна иметь предмет изучения, существующий не только внутри нашего сознания, не зависящий хотя бы от сознания пишущего. Но национальная принадлежность и связанное с ней самочувствие, определяющие мотивы действий, принадлежат как раз к кругу понятий, целиком зависящих от нашего сознания и вне его даже несуществующих. Поэтому наукой в этой области могло бы быть только эмпирическое наблюдение фактов и лишь отчасти объяснительная интерпретация. Последняя уже может сильно зависеть от национального сознания наблюдателя. Марксизм, однако, напротив, исходит в национальном вопросе (как подчиненном к основному, классовому) из предписывающих теорий (например, "что полезно для дела пролетариата"). Поэтому в научном отношении он не более доказателен, чем любая другая предписывающая идеология: "возлюби ближнего

твоего", "не противься злему" или "падающего толкни".

Очень хорошо представляет марксистскую точку зрения большая работа Р.А. Медведева, помещенная в этом номере сборника. Р. Медведев придает проблеме ассимиляции евреев откровенно гражданский характер, благодаря чему его рассмотрение проблемы обладает известной логической законченностью. Существенными здесь мне представляются три четко сформулированных положения:

1) Ассимилированный еврей — не еврей, а русский.

2) Признаком ассимиляции является язык и общая культурная ориентация, а также участие в соответствующей общественной жизни.

3) Добровольная ассимиляция есть процесс прогрессивный (то есть, по-видимому, полезный для дела пролетариата), а антисемитизм, мешающий ассимиляции, — явление реакционное.

Должен сказать, что эта система взглядов представляется мне вполне последовательной и я не мог бы указать в ней на логические изъяны, кроме той мелочи, что насильственная ассимиляция кажется мне несколько не менее прогрессивной, чем добровольная, поскольку само понятие прогрессивности определено без всякой оглядки на субъективные ощущения ассимилируемого. Как всякая дедуктивная система, имеющая аксиоматический фундамент, она может существовать, лишь пока суровая действительность не заставит нас усомниться в самих аксиомах. А нужно сказать, что действительность, в отличие от теорий, логически безупречной не бывает и, похоже, только тем и держится.

Если всерьез принять точку зрения Р. Медведева, то следует признать, исходя из двух первых его по-

ложений, что евреев в России, по сути говоря, нет, хотя их исчезновение и нельзя назвать вполне добровольным. Тогда официальные журналисты в сущности правы, когда они утверждают, что в СССР нет еврейского вопроса (ведь нет евреев, откуда же вопрос?) Но тогда и антисемитизма, в сущности, тоже нет (и третий пункт работы повисает в воздухе).

Чтобы избежать таких парадоксальных выводов, Р. Медведеву приходится создавать у читателя своей работы такое впечатление, будто бы где-то в СССР есть современная еврейская культура и еврейский язык, и советскому еврею только еще предстоит выбор (добровольный или какой-нибудь другой) между русской и еврейской культурами. Между тем уже больше двадцати пяти лет (время созревания целого поколения) русские евреи не имеют никакой альтернативы русской культуре, если не считать Арона Вергелиса, чьи дети уже не способны прочитать издаваемый им журнал "Советиш Геймланд", потому что они действительно русские (не только по определению Р. Медведева). Таким образом, русские люди (многие даже и по паспорту) вызывают неприязненные чувства, называемые в просторечии антисемитизмом, тысячами толпятся в последнее время у синагог и изучают иврит, по-видимому, с единственной целью — опровергнуть марксистские теории. Правда, можно было бы еще предположить, что они мстят за свою недобровольную ассимиляцию, если бы большинство современных русских евреев не происходило как раз от той части российского еврейства, которая ассимилировалась еще до войны и, следовательно, почти добровольно (больше миллиона традиционных евреев погибло в своих местечках во время войны). Внело-

гическая природа реальности, таким образом, самым пагубным образом сказывается на применимости марксистской теории.

Люди, которые вызывают раздражение окружающих, выдумывают про себя антисемитские анекдоты и с замиранием сердца следят за судьбой государства Израиль, виртуозно владеют русским языком (и никаким другим) и в остальное время, в разной степени и с разной интенсивностью, занимаются развитием русской технической и гуманитарной культуры. Многие из них достигли в этом деле заметных успехов. Но еще ни один не достигал предела, за которым окружающие забыли бы, что он еврей. Это редко удается даже и тем, у кого только мать еврейка.

Означает ли такая неотступная память патологический антисемитизм среды, в которой мы живем? — По правде говоря, вовсе нет.

Видеть чуждое чуждым еще не значит ненавидеть. Иногда это даже означает — любить. Максим Горький, например, очень любил евреев. Он был филосемитом. Но суть здесь в том, что он их отличал, а это делает все разговоры о прогрессивности ассимиляции по меньшей мере бесплодными. Любить евреев или не любить — дело индивидуальное, а быть русским или считаться им, вопреки видимому, хотя бы и по праву — это проблема массовая. Решить эту проблему, рекомендуя русским людям прижмуривать глаза, чтобы не так ясно различать, вряд ли когда-нибудь удастся.

В статье Р. Медведева приведены (со ссылкой на Л.З. Копелева) два случая национального самоопределения личности в сомнительной ситуации, которые кажутся мне очень удачными для характеристики общей проблемы.

Русский дворянин Р. Пересветов, принимаемый всеми окружающими в сталинских лагерях за еврея, не стал оправдываться, выучил еврейский язык, принял на себя все неприятности, связанные с таким отождествлением, и был хорошо принят в еврейской среде.

Сам Л.З. Копелев, записавшись в начале 30-х годов (когда это делалось добровольно) евреем, несмотря на свою полную поглощенность русской культурой, был пристыжен своим комсомольским руководителем. Комсорг (одобряемый Л. Копелевым) упрекал его в "мелкобуржуазном уклоне", состоявшем в том, что Копелеву было почему-то стыдно отказываться от своего еврейского происхождения при наличии на свете антисемитизма (как пережитка капитализма, конечно). Он, таким образом, как бы делал им ("классовым врагам") послабление.

В обоих случаях, на мой взгляд, выступает на первый план тот несомненный факт, что человеку недостаточно самому считать себя русским (или евреем). По-видимому, существенно также, что по этому поводу думают окружающие.

Национальность — это в значительной степени конвенциональная (условная и обусловленная) характеристика, связанная с взаимным принятием обязательств: личность берет на себя обязательства, необходимые с точки зрения ее среды, а среда-народ выполняет обязательства-условия, достаточные для существования этой именно личности. Такой принцип "принятия в народ" (равносильный заключению Завета с Богом) господствует в Ветхом Завете и остается определяющим во всей Западной цивилизации, высоко оценивающей обоюдность в договор-

ных отношениях и соблюдающей равновесие прав и соответствующих обязанностей.

Можно возразить, что так в партию вступают. Действительно, похоже. Но так вступают и в семью. Глубина согласия личности со средой может быть очень разной, и личность может как угодно далеко продвигаться по пути этого слияния либо как угодно рано остановиться на этом пути. Р. Пересветов, конечно, поступил лучше тех евреев, которые навязываются в братья людям, упорно желающим избежать этого родства, но он, наверное, продолжал все же считать себя русским для самого себя и вряд ли скрывал это от своих товарищей-евреев. Таков уровень причастности личности к народу в том гражданском смысле, который, по-видимому, исчерпывается марксистскими определениями. Он объективно существует и всю внутреннюю душевную (и духовную) жизнь человека оставляет почти незатронутой, как всякая объективация.

Неизмеримо глубже взаимоотношения с родом Иакова у библейской Фамари, добившейся удела среди сыновей Израиля для своего потомства. Здесь (а также в книге "Руфь") выступает религиозный смысл приобщения к народу как семье. Но и судьба Фамари построена на тех же договорных началах и чувстве ответственности, заставившем Иуду сделать шаг ей навстречу. Когда он сказал: "Она правее меня"..., он признал ее права равными своим. На любом уровне (договор или Завет) принятие в члены любого сообщества остается актом двусторонним и обоюдно обязывающим.

Совершенно иная ситуация осуществляется при ассимиляции еврея в русской среде. Вслепую, в ранней юности, он делает несколько шагов навстречу русскому народу и, прозревая с возрастом, убежда-

ется, что никто не спешит ему навстречу. Нужно сказать, что так было не всегда. Вернее, не во всех группах населения громадной, способной заслонить человеку весь остальной мир, России.

С начала двадцатого века, и особенно после революции, в русской культуре намечалась универсалистская тенденция, захватившая множество людей нерусской крови (в том числе и евреев) иллюзией сверхнациональной общности на богатой почве русской литературы XIX века. Этот соблазн для евреев, грузин, украинцев и др. сопровождался искренним порывом навстречу со стороны какой-то части русской интеллигенции. Но сколь бы ни были искренни чувства этой небольшой группы, они не скомпенсируют того факта, что она никак не была уполномочена своим народом на такие авансы. Наивный, восторженный комсорг Л. Копелева в 30-е годы мог не знать, что антисемитизм распространен не только среди "классовых врагов", но, вообще говоря, и тогда это было известно многим и, во всяком случае, всем, кто желал знать правду. Л. Копелев при выборе своей национальности вопреки своим идеалам поступил правильно из соображений интуитивных, нравственных, которые всегда, в конечном счете, оказываются точнее наукообразных рассуждений.

Никаких обязательств быть справедливее к евреям за то, что они будут лучше говорить по-русски и меньше размахивать руками, русский народ на себя не брал. Наоборот, возникает впечатление, что не говори мы так хорошо (прямо заливисто) по-русски и отличайся хоть длинными пейсами, что ли, русские терпимее относились бы к нам. Они таким образом как бы чувствовали, что с нашей стороны нет претензии на хозяйские права по отношению к

русской культуре и национальным святыням. Но в том-то и дело, в этом-то вся трудность и реальная боль, что такая претензия есть.

Добровольно лишились евреи в России своей культуры или насильственно, во всяком случае теперь они не имеют никакой другой культуры, кроме русской. Добровольно ли они оказались вне собственной религии или это произошло под нажимом, но теперь они не имеют никакого выхода своей религиозной энергии, кроме того, который возможен на русском языке и в пределах русской культурной ориентации. Для народа с такой громадной культурной и религиозной потенцией, как евреи, это означало творческое, хозяйское отношение ко всем сферам русской культурной жизни, оказавшее на нее заметное (может быть, еще не оцененное) влияние. В литературе, науке, живописи и даже в православной церкви евреи создают прецеденты профессиональной деятельности, которые не могут оставить русского человека равнодушным и своим ярким своеобразием вызывают столько же высокое уважение, как и лютую неприязнь. Евреи составляют всего 1—2 процента населения России и Украины, но в русской культуре их процент в десять раз больше. А их действительная культурная роль непропорционально выше количественного соотношения, потому что культура — не производство мануфактуры. Совершив по отношению к евреям некоторое неосознанное насилие, русская культура попала в плен, последствий которого никто не мог предвидеть. Так народ, угнетающий других, оказывается несвободным сам.

Вопрос, обогащают ли евреи при этом русскую культуру, в таких условиях лишен смысла, хотя бы потому, что сложился массовый потребитель куль-

туры — еврей*. Среди лиц с высшим образованием евреи составляют около 5%, а среди научных работников, врачей, адвокатов и артистов около 10%, но уже среди докторов наук в Москве они насчитывают больше 25 процентов... Писатель, который издает книгу тиражом 0,5 млн. экземпляров, может никогда не узнать, что ста миллионам русских книга эта могла бы не понравиться, если он сумел угодить своим читателям-евреям.

Русский человек вовсе не склонен отказываться от кавказского шашлыка, цыганской песни или еврейского анекдота. Но он бессознательно (а часто и с намерением) хочет оставить их на периферии своего сознания. И вклад евреев в русскую культуру остается для него периферийным, побочным явлением.

Однако еврей, которого не спросив сделали русским, не таков, чтобы позволить себя не замечать. Он всегда танцует в самой середине сцены. Он навязывает окружающим свои вопросы как коренные вопросы бытия**, и антисемитизм становится гвоздем, за который русский человек зацепляется, куда бы он ни шел по своему узкому коридору. "Культура общая — значит и моя!" — вот формула, перед которой многие русские интеллигенты отступают, но

* Интересно, что Р. Медведев в качестве примера, обогащающего развитие русской культуры, настойчиво рекомендует широко известного артиста Аркадия Райкина, который вызывает особенно злобную реакцию русских националистов (см. журн. "Вече"), как опоздатель и засоритель русской культуры, чуть ли не подосланный им мировым сионизмом.

** Они и есть коренные вопросы бытия, но каждый народ ставит их в присущей ему специфической форме и только тогда, когда его культура созреет для этого. Форма вопроса часто предопределяет ответ, который для данной культуры может быть неорганичен.

почти никто не смиряется. Если права евреев на русскую культуру рассматриваются евреями как прямое продолжение их гражданских прав, многими русскими они воспринимаются как экспансия и покушение на их неотъемлемое достояние. Но... Культура — не материальная ценность и вовсе не принадлежит поровну всем, кто работает и ест.

Отсутствие традиции договорных отношений в России, непонимание взаимности обязательств и, таким образом, самого духа Завета, оказывало и оказывает чудовищное воздействие на всю историю и общественную жизнь СССР. В очень большой мере сказывается этот фактор и на рассматриваемой нами проблеме. Самозванство евреев, желающих во что бы то ни стало и вопреки всему развивать русскую культуру*, с избытком компенсируется наглостью властей, не желающих расплачиваться за многолетнее использование и эксплуатацию еврейских талантов и трудолюбия, лишивших евреев собственной общественной жизни и культуры и теперь вытесняющих их из общей. Так многолетнее пренебрежение взаимностью интересов приводит к взаимности претензий и обид...

На наших глазах сейчас творится история русского народа, и мы должны признать его право на свободный исторический выбор. Я даже думаю, что мы сейчас должны отойти в сторону и, пока не поздно, отделить свои проблемы от его проблем. Иначе он

* Один из любопытных видов этого развития состоит в разоблачении русской исторической мифологии, которая, как все в СССР, имеет наукообразный характер. Когда обнаруживается недостоверность большей части исторических "фактов", составляющих национальные святыни, многие не удерживаются от антисемитского негодования по адресу разоблачителей. Но ведь мифы и не претендуют на достоверность!

решит наши проблемы вместе с нашей судьбой, и это решение будет радикальным.

Русский народ, даже в лице лучших своих представителей, ведет себя сейчас по отношению к евреям так же, как евреи периода восстановления Храма вели себя с самаритянами. Было ли это справедливым? — Такой вопрос по отношению к Истории неправомерен. Русская интеллигенция сейчас пытается восстановить свой храм и при этом имеет право на некоторые иллюзии, что бы мы ни думали об этом. Мы — не самаритяне и не так бедны, чтобы навязываться к русской истории в нахлебники (в настоящей ситуации, как и полвека назад, это наполовину значит — в наставники). Достаточно было сделано исторических бестактностей в прошлом.

Может быть, основа исторического нонсенса, в который превращается проблема ассимилированных евреев, коренится в том недостатке чувства меры, который всегда выделял нас среди других народов. Когда наши деды вышли из местечек в большие города и отцы перешли от еврейского партикуляризма к еврейскому же универсализму, для нас было самое время остановиться на этом. "Я положил песок границею морю и, хотя волны его устремляются, хоть они и бушуют, но перейти не могут... А у народа сего сердце буйное и мятежное... Они отступили и пошли..." Продолжая этот путь, мы прогневили Бога, не заметив, как идя все дальше, отошли назад. От еврейского универсализма наше поколение, воображая, что идет к общечеловеческому, скатилось просто к русскому великодержавию. Недаром на Украине и в Литве к обычному антисемитизму добавляется еще ненависть к евреям как к русификаторам.

Наверное, всякий путь "дальше" был бы путем

назад, потому что мы еще не исполнили свой Завет, от которого не освободит ни ассимиляция, ни идишская народная культура. Мы лишены традиционной веры, но религиозное ощущение призванности и миссионерский пыл еще живы и постоянно искушают вопросом: "Кто, если не ты?" На том языке или на этом, по материальным причинам или по глубокой вере, в гневе или обдуманно, мы не в силах разорвать Завет, заключенный на тысячелетия в точке, которую никогда не перестанем считать началом нашей истории.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

“Увы! Шум народов многих! Шумят они, как шумит море. Рев племен!..

Ревут народы, как ревут сильные воды...” (Исайя, 17, 12). Как различить в этом многоголосом реве родной звук? Есть ли он, этот единственный пароль, отзыв на который, хотя бы неосознанно, хранится в нашей душе? Те ли мы, за кого нас принимают? Те ли, за кого себя выдаем?

В своей статье о “Социальных предпосылках национального пробуждения евреев в СССР” я сделал попытку рассмотреть проблему, оставаясь на уровне наблюдаемых социологических или психологических факторов. Точнее говоря, я сознательно ограничился явлениями, которые сводятся (образовательный уровень и его динамика) или могут свестись (повышение интереса к духовным аспектам культуры и т.п.) к статистическому материалу.

При этом, естественно, за пределами рассмотрения осталось почти все специфически национальное, так что я вынужден был сделать вывод, закономерный внутри этих пределов, что евреи перестали бы вы-

Впервые опубликовано в сборнике “Евреи в СССР”, № 2, Москва, декабрь 1972.

деляться среди других народов, если бы в отношении их были выполнены определенные социологические условия. Однако, фактически такие условия в истории иногда на протяжении значительного времени (средневековая Испания, Германия конца XIX — начала XX в.) выполнялись, а направление развития и судьбы евреев оставались своеобразными.

Представляет интерес охарактеризовать это своеобразие, как таковое, вне связи с социологической действительностью.

Здесь мы сразу сталкиваемся с принципиальными методологическими трудностями, касающимися как субъекта исследования, так и самого предмета.

Когда предметом исследования оказывается нечто легко формализуемое, сводимое к цифровому материалу, субъект исследования также не вызывает сомнений. Это — развитая европейская наука (точнее, ее носитель), имеющая за плечами вековой опыт членения объекта, выделения скелетных абстракций и соподчинения уровней реалистичности приближений. Если рассматриваемый объект недостаточно формализован, как это имеет место в социологии, и не характеризуется числовым материалом, мы не получаем точных количественных результатов. Однако характер субъекта и, следовательно, схема подхода остаются теми же.

Сложнее обстоит дело при постановке задач, имеющих заведомо качественный, описательный, например, этнопсихологический характер.

Я буду считать предпочтительной точку зрения, включающую наиболее представительный материал и, вместе с тем, сохраняющую ограниченность формулировок, которые позволят выявить своеобраз-

зие объекта. Мера и направленность этого предпочтения определяются, конечно, субъектом.

Субъект исследования в таких случаях не всегда осознается. Он может быть, однако, сравнительно легко угадан по контрасту с выделяемыми свойствами.

Поставив вопрос о самопознании, мы должны дать себе отчет в том, кто познает. Может ли вообще группа изучать себя изнутри? Может ли народ понимать себя, как способен на это человек? Да и отдельный человек, способен ли действительно к самопознанию? Эмпирически мы знаем, что это возможно. Правда, при этом отказываются от научности, то есть доказательности выводов, но полученный материал зачастую кажется весьма убедительным, и поэтому объективным.

Возможность такой объективности есть свойство субъекта, и от противостояния "субъект—объект" мы не избавимся, пока сохранится в нас вера во всеобщее значение знания, пока остается надежда поделиться достигнутым и понять друг друга. В значительной степени это проблема языка.

Положение евреев в России как меньшинства, вкрапленного в "большую систему", представляет характер самоизучения, как перевод наших особенностей на язык этой системы.

"Большой системой" я здесь называю не столько государственную или национальную идеологию, сколько эмпирическую реальность русской культуры, на языке которой мы говорим. В то время, как язык этой культуры большинству из нас понятен, наши собственные особенности до тех пор, пока они не выражены на этом языке, осознаются нами очень смутно или не осознаются вообще.

Такое положение, вообще говоря, не есть функ-

ция Галута, а сопровождает всякое сосуществование народов и культур. Национальное сознание часто оттачивается на сравнениях. Мы, собственно, всегда понимаем себя в отличиях. Россия осознала себя только в европейском контексте и по-настоящему лишь после того, как Чаадаев, Хомяков и другие перевели язык русских чувствований на европейский философский язык.

Хотим мы этого или не хотим, мы живем в мире, который в очень сильной мере определяется европейской литературой, европейской философией и европейской религией, то есть христианством. Поэтому субъектом нашего исследования почти всегда невольно оказывается европеец и набор его представлений.

С этой точки зрения исключительный интерес для нас представляет одна из ранних работ Мартина Бубера, посвященная особенностям еврейского национального характера, как он их видел. Эта работа была написана в начале века в немецкой среде, в которую немецкие евреи исключительно глубоко проникли и, подобно советским евреям, на протяжении, по крайней мере, двух поколений ощущали культурно "своей".

Чтобы пойти дальше, мне придется обильно процитировать Бубера, поскольку он у нас не так хорошо известен, чтобы я мог просто на него сослаться:

"Еврейство как духовный процесс выражается в истории, как стремление ко все более совершенной реализации трех взаимно связанных идей: **идеи цельности, действия и идеи будущего**. Каждый народ имеет присущие ему тенденции и созданный им мир собственных творений и ценностей, так что этот народ живет дважды: один раз мимолетно и относительно в чреде земных дней, в нарождающихся и

уходящих поколениях, а второй раз — в то же самое время — постоянно и абсолютно в мире странствующего и ищущего человеческого духа. Относительная жизнь остается достоянием только народного, абсолютная же, непосредственно или опосредствованно, входит в сознание человечества...

Идея и стремление к цельности в национальном характере основывается на том, что еврей более способен усматривать связь между явлениями, чем отдельные явления. Он видит лес более подлинным, чем деревья, море более подлинным, чем волны, общину более подлинной, чем людей. Поэтому у него больше настроения, чем образов, и потому он часто склонен создавать понятия о полноте явлений, которые им еще полностью не пережиты.

Впервые, в завершенном виде, у пророков возникает идея трансцендентального единства: творящего мир, царящего над миром, любящего мир Бога...

Вторая идея еврейства — это действие. Она тоже коренится в народном характере. В том, что еврей более предрасположен к подвижности, чем к восприимчивости: его двигательная сила работает более интенсивно, чем его познавательный аппарат. В действии он обладает большей субстанциональностью и более индивидуален, чем в восприятии. Для его жизни важнее то, что он осуществляет, чем то, что ему противостоит. Поэтому, например, все искусство евреев так своеобразно по форме. Потому они сильнее в выражении, чем в содержании. И поэтому им, как людям, действие важнее, чем переживание.

Уже в древности в центре еврейского религиозного сознания была не вера, а дело. Во всех книгах Библии о вере говорится весьма мало, но много — о делах... Впоследствии из религиозного сознания возник обрядовый закон.

Против такого окостенения восстало стремление к действию, которое и создало общины, жаждавшие совершать живое, связанное с Богом дело. Только лишь в синкретическом христианстве Запада вера, переданная его обитателям, стала главной задачей: главной задачей раннего христианства было действие...

Первоначальный хасидизм, — который имеет столь же мало общего с современным, что и раннее христианство с церковью, — так же можно понять только, если убедиться, что он является возрождением идеи действия... Свободное действие, противопоставленное закону, само здесь может явиться совершенным законом свободы, как у тех, кого мы называли ранними христианами.

Третья тенденция еврейства — идея будущего. Она основывается в народном характере на том, что чувство времени у евреев развито намного сильнее, чем чувство пространства: красочные эпитеты Библии говорят, в противоположность, например, гомеровским, — не о форме и цвете, а о звуке и движении. Наиболее присущей евреям формой художественного выражения является специфически временное искусство — музыка, и связь поколений для нас более важный жизненный принцип, чем вкус к современности. Еврейское национальное сознание и богопознание в существенной мере питается исторической памятью и исторической надеждой, которая и является, собственно, созидательным элементом.

Мессианиззм до самой глубины своей — самобытная идея еврейства. В будущем, в изначально вечно близкой и вечно далекой сфере, текучей и неподвижной, как горизонт; в царстве будущего, в которое дерзают проникнуть лишь прихотливые, шаткие и непостоянные мечты, еврей задумал построить дом

для человечества, дом для истинной жизни. Здесь впервые со всей силой абсолютное было провозглашено целью, целью человечества, реализуемой с его помощью.

Истинная жизнь еврейства, как истинная жизнь любого творческого народа, есть то, что я назвал абсолютным. В настоящее время еврейский народ знает только относительную жизнь; опасность, которая ему угрожает, состоит в том, что утрачивается его духовная жизнь и ослабевает сознание бессмертности его субстанции. Он должен воспрянуть в самой своей глубине, где зародились некогда великие тенденции еврейства, и где из горнила вышли на мировое поприще три гиганта: Ягве — Бог единства, Мессия — выразитель будущего и Израиль — человек, борющийся за свое дело, не жалея сил... Только тогда, когда еврейство расправится как рука и возьмет каждого еврея за волосы и подхватит его, как буря в Иерусалиме между небом и землей, как некогда рука Господня..."

Нужно сказать, что рука Господня действительно схватила и понесла европейского еврея через двадцать или тридцать лет после того, как были сказаны эти слова, с такой неземной силой, что мощь этого броска до сих пор отзывается в сердцах и сказывается на международной политике.

Но мы, евреи СССР, зададим себе вопросы, соответствующие поставленной здесь задаче: Верно ли все это в отношении нас? Не упущено ли что-нибудь существенное?

На оба эти вопроса одновременно хочется ответить положительно.

С одной стороны, все это верно. Все три тенденции ярко проявились в характере русских евреев во время Революции. Я имею в виду невероятно активное, полное героических и злодейских подви-

гов поведение евреев во всех трех русских революциях, их громадную роль в Гражданской войне в России и выдающееся участие в послевоенном строительстве.

Их цельность в сочетании с деятельной активностью толкнули их на простор общероссийской (а многих и интернациональной, всемирной) деятельности прежде, чем они успели осознать смысл и характер своей роли. По-видимому, чисто еврейская среда того времени не могла дать им такого ощущения полноты действия, абсолютности его, слитности убеждения и поступка, и даже, казалось, будущее требовало этого отказа от национальной ограниченности.

Впоследствии, в относительно мирное время, те же тенденции приковывали внимание евреев к научному монизму, заставляли их неистово строить, выдумывать, изобретать и, жертвуя собственным благополучием, давать во что бы то ни стало образование своим детям, навязывая окружающим свой идеал справедливости, "правильной жизни" и пренебрежения настоящим ради будущего.

Теперь, составляя значительный слой советской интеллигенции, евреи внесли свое чувство цельности в советские научные школы, своей неформальной деловитостью смертельно надоели администраторам, языковой изощренностью повергли в уныние любителей русского языка и наполнили открытую печать, закрытую отчетность и иностранное радио мрачными социологическими и экономическими прогнозами, отчаянными политическими призывами и другими формами заклинания будущего.

Но есть и другая сторона. Я чувствую, что в характеристике Бубера недостает какого-то очень существенного элемента, достоверного признака,

который бы заставил меня воспринять ее как характерологическую реальность, а не просто как романтическую апологию.

Действительно, все три элемента — цельность, деятельность и ориентация на будущее — предопределили участие русских евреев в революции под социалистическими лозунгами. Но те же три элемента мы находим и в таком совершенно внутриеврейском движении, как хасидизм. Это различие проявлений объяснить нелегко. Прямым влиянием окружающей среды оно не исчерпывается, так как остались же, в свое время, евреи совершенно глухи к европейской Реформации, несмотря даже на прямые попытки реформатов к сближению.

Может быть, мы лучше поймем это различие, если заметим, что та "духовная революция", о которой говорит Бубер, имея в виду христианство, сопровождалась длительной социальной революцией, высшая точка которой зафиксирована в истории под названием Иудейской войны, о которой он не упоминает. Между тем, только рассматривая еврейскую историю 1 в. н.э. как целое, можно понять, краской какого спектра явилось христианство.

Может быть, чувство неполноты характеристики, данной Бубером, возникает от его повышенной духовности, заставляющей относить к так называемой "относительной жизни" народа всякую реализацию его устремлений. Но только эта реализация и обнажает народные стремления во всей их природной силе без эстетических прикрас и ограниченности временем и местом. Только рассмотрение исторической реальности во всем объеме может дать представление об источнике, порождающем полярные феномены и противоборствующие течения. Нельзя понять ранних христиан или ессеев, если не говорить

о современных им фарисеях и зилотах, и нельзя понять ни тех, ни других, если не выделить тот круг вопросов, при разрешении которых они разделились. Подобным же образом я буду исходить из того, что и в наше время источник, порождающий участие русских евреев в революции (безудержно социологическую трактовку ими мессианских идеалов) и, скажем, такое далекое от социальной действительности движение, как хасидизм, один и тот же и, возможно, тот же самый, что и в 1 в. н.э. Тогда и сионизм и интернационализм, и социальный радикализм и мистика, и М. Бубер и даже Л. Шестов также могут оказаться цветами одного спектра.

Рассматривая христианство только в его противостоянии "окостенению закона" и только в его национально-еврейском контексте, мы не сможем увидеть истоков его будущей распространенности и объяснить явление "апостола язычников" Павла. "Окостенению закона" по-своему противостояли и фарисеи, представлявшие патриотическое крыло иудаизма, и при этом враждебные христианству. Возможно, еще в большей степени этому окостенению противостояли зилоты, которые во время Иудейской войны зашли в этом противостоянии так далеко, что силой захватили Храм и вынудили к бегству из Иерусалима законоучителя Иоханана Бен Заккаи и многих других. Если бы римляне не разрушили Храм, еще неизвестно, что бы с Храмом сделали зилоты. Эти древние радикалы не останавливались ни перед чем, и их по справедливости нужно поставить перед левеллерами и якобинцами в ряду революционных учителей человечества.

В гораздо большей мере, чем окостенению закона, христианство 1 в. противостояло ограниченному узкому патриотизму фарисеев и социальному ре-

форматорству зилотов. Притчи Евангелий ("добрый самаритянин", "динарий кесаря" и т.п.) настойчиво уводят от традиционно узкой постановки вопроса и формула "царство Мое не от мира сего" прямо направлена против всякого иудейского реализма и закономерно рождает в сознании противопоставление веры делам.

Проследим коротко историю зилотов, поскольку это течение, определяющим образом повлиявшее на историю еврейского народа и явившееся проявлением его страстей, которые по моему мнению определили и нашу судьбу, менее всех других у нас известно.

В начале 1 в. Иегуда Галилеянин из Гамалы выступил с учением, которое вскоре привело его к восстанию и смерти на плахе. Согласно этому учению признать над собою какого-нибудь господина, помимо Всевышнего, значит для иудея отчасти умалять свое почитание Господа и, таким образом, нарушить Завет. Поэтому абсолютная свобода есть неперемнное условие благочестия. Нет земных царей для того, кто знает царя Небесного. Но Бог помогает лишь тому, кто помогает себе сам. К этому времени рабби Гиллель уже произнес свои знаменитые слова: "Если не ты, то кто?" и "Если не сейчас, то когда?" Поэтому каждый немедленно должен был сделать выбор между рабством и свободой и этому выбору подчинить всю свою жизнь.

Таким образом, первый теоретик и практик анархизма родился в Палестине и производил свою идеологию от интерпретации библейского источника. Его последователей называли ревнителями (зилотами) и, наряду с садуккеями, фарисеями и ессеями, считали "четвертой школой". Два сына этого человека были впоследствии распяты римлянами на

кресте еще за двадцать лет до начала Иудейской войны, третий его сын был одним из предводителей зилотов, захвативших Иерусалим в 66 г., а внук, Элеазар бен-Яир, возглавлял гарнизон знаменитой Массады и, может быть, впервые в истории провозгласил альтернативный лозунг: "Свобода или смерть!"...

Так же, как о Революции в России нельзя думать, что ее значение сводится к борьбе с германской оккупацией на том основании, что она возникла во время Русско-Германской войны, так и о Иудейской войне нельзя судить, забывая, что это была война гражданская. Уже в 66 году, сразу после начала восстания, зилоты сожгли все, хранившиеся в Храме, долговые обязательства и убили корыстолюбивого первосвященника Ананию, а, спустя короткое время, вождь умеренной партии Элеазар расправился с ними и казнил одного из их вождей, Менахема. Однако, в 68 году зилоты снова победили, освободили всех рабов в Иерусалиме, стали ставить первосвященников по жребию и выполняли обрядовые предписания по своему разумению (в 1 веке нашей эры это, наверное, не намного отличалось от разрушения церквей и антирелигиозной борьбы).

Если ортодоксальное иудейство и раннее христианство (в разной степени и, конечно, в разных направлениях) от чего-то отталкивались, то не столько друг от друга, сколько от материалистического воплощения Закона, от социологической вульгаризации идеи Царства Божьего, от хирургической попытки воплотить бесконечное в конечном, веления Духа — в правилах общежития.

Сами эти попытки есть, очевидно, органический результат цельности и действенности природы, кото-

рая не может примириться с частичной реализацией абсолютного в относительной жизни человека и, будучи не в силах реализовать абсолют, склонна абсолютизировать относительную реализацию. Это, конечно, полностью относится и к жизни и идеологии ессеев, которые в своем монастырском рвении существенно упростили Учение.

Если мы будем постоянно держать в памяти эти определяющие черты национального облика, неоднократно воспроизводящиеся в истории евреев, нам не покажутся странными их обычный политический радикализм, современная распространенность среди них марксизма и антирелигиозных предубеждений. Попробуем найти им законное место в более общей схеме.

Если можно определить одним словом, что представляется недостоверным в описании народного характера, данном Бубером, то это слово будет — **совместимость**. Три тенденции, отмеченные в вышеприведенной цитате, вполне совместимы. Они не противоречат одна другой и могут с успехом сочетаться в одной личности и внутри любого из анализирувавшихся исторических течений, не создавая напряжения и внутренней основы для трагедии.

Истинные реальности всегда парадоксальны. Как всякая природа, дух народный состоит из элементов, взаимоисключающих, и только эта **несовместимость** сообщает объекту содержательность, привлекающую внимание; превращает историю в загадку, разгадка которой для каждого поколения своя.

Вернемся опять к цитате. Итак, из еврейства "вышли на мировое поприще три гиганта: Ягве — Бог единства, Мессия — выразитель будущего, и Израиль — человек, борющийся за свое дэло, не жалея сил". Почему человеком, борющимся за свое

дело, не жалея сил, здесь назван Израиль? Разве Библия не полна такого рода людьми? Разве Моисей, Иисус Навин, Гидеон, Давид не боролись за свое дело или жалели силы? — Нет, просто Израиль — это самоназвание еврейского народа, и Бубер должен был его упомянуть. Это имя дано было Богом нашему родоначальнику Иакову в начале времен.

Но почему мы тогда не иаковиты? И с кем, собственно, боролся Иаков, не жалея сил? — Вот тут мы приближаемся к настоящей тайне.

Израиль означает — Борющийся с Богом. Это имя Бог дал Иакову после того, как тот не уступил Ему в борьбе, "длившейся всю ночь". Только после этого Бог продемонстрировал Иакову свое всемогущество и возобновил с ним Завет, заключенный впервые еще с Авраамом.

По какой странной прихоти назовет народ себя Богоборцем?

Предположение, что евреи называли себя богоборцами из фанфаронства вряд ли было бы оправданным. Сам тип идеологии, в которой такое фанфаронство возможно, возник гораздо позже.

В книге Исхода евреи много раз называются народом жестоковым, то есть непокорным, упрямым, и из контекста видно, что гордиться здесь нечем. Скорее они всегда ощущали это свое качество, как тяжкий крест (если здесь можно использовать христианскую терминологию), свою буйную природу — как порок.

"...если бы Я послал тебя к ним (другим народам), то они послушались бы тебя, а дом Израилев не захочет слушать.., потому что весь дом Израилев с крепким лбом и жестоким сердцем... ибо они мятежный дом". (Иез. 3, 6, 7, 9).

Избранничество этого народа возникает в Библии

не столько как результат покорности Божьей воле, сколько направленной интенции к абсолютному. Завет с Богом — акт двусторонний, предполагающий субстанциональность и правоспособность обеих сторон. Кто-то еще в самом начале истории понял, что Завет Израиля неразрывно связан с его богоборчеством; что только тот может заключить союз, кто способен бороться и противостоять. Поэтому богоизбранность евреев всегда предстает в Библии, как бремя, которое они на себя взвалили сами.

Так Закон всегда предстает нам, как презумпция свободы воли.

Если мы с этой точки зрения взглянем на Библию и историю евреев, мы увидим, что каждое действие и каждая мысль там были связаны с идеей свободы воли и самостоятельного выбора между добром и злом.

От грехопадения Адама, которого он перед Богом стыдился (следовательно, сознавал, что сам выбрал грех вместо неведения), через преступление Каина, который нагло пытался отпереться (сознавая, следовательно, преступность своей выходки), к Завету Авраама, готового отдать Богу любимого сына, красной нитью проходит мысль, что человек сам выбирает свою судьбу, что наша свобода есть наша ответственность, и природой мы не осуждены на покорность высшей воле, но можем принести ее в дар, и этот дар для нас нелегок.

История Иакова полна эпизодов, когда он борется с Предначертанным, будь это первородство Исава или обручение с Лией. Так же упорно борется с роком Фамарь за право произвести великое потомство, и столь же неукротим Иосиф.

В ситуации исхода из Египта евреям множество раз предоставляется возможность принять божествен-

ные предначертания или смалодушничать, уверовать либо струсить. В Мидраше по этому поводу приводится притча, которая показывает, что сознание добровольно сделанного выбора, представление о свободе воли человека даже перед лицом Бога, не оставило евреев и в средние века:

“Когда у Предвечного возникла мысль даровать людям Завет Свой, Он предложил Тору потомкам Исава.

— А что написано там? — спросили потомки Исава.

— Не убивай.

— Нет. Вся жизнь людей рода нашего основана на убийстве. Мы не можем принять Твою Тору.

Предлагал Господь Тору потомкам Измаила.

— А о чем заповедано в ней? — спросили потомки Измаила.

— Не кради.

— Только кражею и грабежом мы и существуем. Нет, мы не можем принять Завет Твой.

Обратился Господь к Израилю.

— Будем исполнять и слушать! — был их ответ”.

Таким образом идея **свободы воли**, проявляющейся, как **обязанность** самому отличать добро от зла, и предполагающей **вменяемость** перед высшей инстанцией всегда была присуща евреям. В этом смысле и уклонение от правильного действия тоже оказывается грехом и, возможно, идея действия является развитием этой внутренней необходимости реализовать свой выбор наиболее эффективным образом. В религиозном плане такая потребность порождает примат дела перед верой, а в светском приводит к принципу: “Бог помогает только тому, кто помогает себе сам”.

Идея свободы воли и Завета с Богом, так же, как и другие тенденции, происходящие от народных ин-

стинктов и имеющие свою темную сторону, тесно связана с "жестоковостью" и "мятежностью" евреев. Возможно и сейчас общеизвестное еврейское упрямство, гордыня и склонность к самоутверждению остаются признаками той же душевной структуры, которая породила идею свободы и личной ответственности.

Насколько, на самом деле, эта идея нетривиальна видно из того, что вся античность построена на противоположной идее судьбы и предопределения. Нечто от этого эллинского взгляда проникло в христианство, не говоря уже об ессеях, которые эту идею полностью приняли.

От библейских и до нынешних времен иудеи не любили и всячески охаивали разного рода гадалей и предсказателей судьбы, ощущая в них моральных антиподов. Пророков можно скорее понять как полярную противоположность гадалей, чем как их коллег. В то время как пророк провозглашает некую моральную необходимость, с которой люди не обязаны, но должны считаться, преступление которой возможно, но губительно, гадалец предсказывает необходимость фактическую, так что человеческая судьба разворачивается независимо от его воли, как явление природы. То есть пророк предупреждает (и, значит признает, что спасение в руках человека), а гадалец предсказывает (следовательно, сообщает ему приговор, вынесенный без его участия и обжалованию не подлежащий). Так же и мессианская идея абсолютного будущего скорее противоположна предопределенным античным циклам, чем похожа на них.

Почему такой глубокий писатель, как Бубер, мог упустить столь существенную особенность еврейства, как одержимость идеей свободы воли?

Бесчисленными проявлениями этого комплекса переполнены исторические явления, анализировавшиеся им, и потому нельзя предположить, что он не видел этого элемента в еврейской жизни. Одним из основных моментов, по отношению к которым, еще до новой эры, расходились школы садуккеев, ессеев и фарисеев, была свобода воли. Садуккеи предполагали неограниченную свободу воли, даже по отношению к Богу, подобно тому как сказано у Иеремии: "Я положил песок границую моря, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут. А у народа сего (Израиль и Иудея) сердце буйное, мятежное: они отступили и пошли..." Напротив, ессеи вообще отрицали свободу воли человека, полагая все помыслы его и поступки предопределенными от начала времен (см. "Кумранские рукописи", АН СССР, 1971. Напр.: "Еще до рождения их, Я знал все их деяния".) Фарисеи высказывали по этому вопросу взгляды близкие к христианству и равноудаленные от вышеупомянутых крайностей.

Бубер, конечно, не мог не знать или не помнить этого. В своей книге о хасидизме он достаточно много говорит об идее свободы, о чувстве индивидуальной призванности, присущих этому учению, но не отмечает их специфически еврейского характера и происхождения.

Я думаю, что идея свободы и добровольной избранности казалась Буберу не специфически еврейской и даже ее несомненное библейское происхождение не наводило его на эту мысль не случайно. Воспитанный в европейском мире, построенном на Библии и свободе воли, он должен был ощущать эту идею в основе взглядов всей своей среды. Эта

идея вошла в христианство и, во всяком случае, в протестантском варианте также присуща сейчас европейцу, как и традиционному еврею.

Европеец, привыкший к Библии с пеленок, не может ощущать своего отличия от еврея в коренном вопросе Ветхого Завета.

Субъект исследования оказался в данном случае неотличим от объекта и, по закону Архимеда, выталкивающая сила в точности уравновесила силу тяжести.

Аналогичный казус проявился в анализе еврейского народного характера, произведенном русским христианским философом В. Соловьевым в конце XIX века. Содержание анализа Соловьева не только остается актуальным и сейчас, но, как мне кажется, обнаруживает глубину проникновения, которая недостижима для многих русских евреев-интеллигентов по сию пору. Значительную роль в этом проникновении играет четкость осознания субъекта исследования и его взаимоотношений с объектом. Действительно, будучи представителем русской культуры по духу и крови, В. Соловьев, несмотря на глубокую симпатию к евреям, ощущал их как противостоящий его мысленному взору объект и не мог миновать тех коренных особенностей этого противостояния, которые определяют его драматизм: ощущения глубинного сходства, совмещающегося с психологическим и даже как бы физиологическим различием. Благодаря этому его характеристика еврейского народного типа выглядит более полной, чем у М. Бубера. Наряду со свободой воли, он включает также повышенный реализм евреев, который, конечно, вместе с этой свободой обладает приоритетом перед принципом действия, вводимым, как характеристика народа, Бубером.

Зато в отличие от М. Бубера, Соловьев вообще не упоминает о еврейском мессианизме и эсхатологическом сознании, подчиненном идее абсолютного Будущего. Это упущение очень характерно.

В. Соловьев принадлежит к той ветви русской культуры, которая мессианизм положила в основу своего существования и, впоследствии, под пером Н. Бердяева превратила эсхатологическую идею в основную черту русского сознания. В какой мере это действительно верно, мы здесь обсуждать не станем, но несомненно, что значительный интеллигентский круг в России думал и чувствовал именно так и потому еврейского приоритета и даже отличия в этом не видел.

Настаивая на том, что свобода воли есть один из основных исторических элементов еврейской жизни, присутствующих в ней и сейчас, я, чтобы не быть неправильно понятым, должен подчеркнуть, что это вовсе не значит, что евреи всегда и всюду стремятся к свободе. Наоборот, большинство из них только и смотрят, куда им свою внутреннюю свободу девать и как бы превратить ее во внешнюю связанность. Но суть дела в том, что независимо от того, хотят ли они ее реализовать или стремятся от нее избавиться, эта свобода выбора ими осознается и соседствует с понятием совести.

Сознание проданного первородства и вкус чечевичной похлебки на губах, вопреки любому ультра-современному мировоззрению, остается даже у самых бессовестных, самых бесстыжих. Когда еврей пасует перед трудностями, он всем надоедает своими рассказами о том, что у него не было выхода. Конечно, иначе бы он не уступил! Когда еврей делает вам подлость, он еще дополнительно будет мучить вас объяснениями, что он поступил единст-

венно правильным образом, что по-иному поступить было нельзя. Конечно, иначе он так и поступил бы! Он не отпустит душу на покаяние, пока не добьется от вас согласия, что он прав.

Это происходит именно потому, что в глубине души он знает неприятный для себя выход, знает, что он неправ, и ищет оправдания перед невидимым судом.

Он поступает, как согрешивший Адам, спрятавшийся среди деревьев, когда Бог спросил: "Адам, где ты?" Он поступает, как Каин, который на вопрос Бога об Авеле, отвечает с полемическим задором: "Разве сторож я брату моему". Он поступает, как человек, знающий добро и зло, свободный принимать решения и ответственный за них перед судом совести.

Человек, действительно покорный судьбе,веряющийся необходимости, не рефлектирует по этому поводу. У того, кто не ощущает свободы и ответственности, совесть спокойна. Угрызения совести посещают лишь того, кто знает выбор и может себе позволить этим выбором злоупотребить.

Хотя, разумеется, выбор между добром и злом (как идея) хорошо известен русскому человеку, и имеется множество черт сходства русского характера с еврейским (определяющих неотразимую привлекательность для евреев русской культуры), все же изо всех европейских народов, по-видимому, русский в наибольшей степени усвоил эллинскую идею судьбы, которая в реальной обстановке предстает как Идея Необходимости ("Надо, Федя!").

Под разными личинами религиозной, национальной, государственной и общественной необходимости нечто, не зависящее от воли отдельного человека, управляло русской историей в течение веков и создавало невыгодную альтернативу свободе, пока,

наконец, не была открыто принята формула: свобода есть осознанная необходимость. Эта формула с ударением на последнем слове правильно выразила то, что русский народ сознавал. Не всегда охотно, но от души искренне.

Иное дело — евреи. Произнося эту формулу, каждый из них знает, что смысл, который он вкладывает в эти слова, отличается от общепринятого ударением на предпоследнем слове. Он знает, что, несмотря ни на какие слова, ему самому придется в ответственную минуту решать, как поступить. И потом всю жизнь нести за этот поступок всю полноту ответственности.

Быть может, в пределах западной цивилизации, которая выросла на индивидуализме и представлении о свободе воли, это незаметно, но в русском окружении бросается в глаза повышенное чувство "Я" евреев, проявляющееся и в крайних формах эгоцентризма, и в гипертрофированных формах всеответственности. Грубо говоря, евреям "до всего есть дело" и "им больше всех надо". Так как этот инстинкт действует в сочетании с противоречащим ему инстинктом единства, цельности, требующим общения и отождествления с другими людьми, еврей в реализации своих стремлений мечется между индивидуалистическими и коллективистскими доктринами, оставаясь общественником среди индивидуалистов и индивидуалистом в коллективе.

И вот бесчисленное количество русских евреев, исповедующих, что свобода есть осознанная необходимость, переполняет все коммунистические оппозиции от 1918 до самого 1948 года, когда, наконец, это надоело Сталину, и он их всех как народ поставил под подозрение.

Едва миновали страшные годы, как реабилитиро-

ванные евреи опять со всех ног кинулись улучшать, протестовать и выступать с предложениями, так что даже возникло ощущение широкого демократического движения в России.

Конечно, объяснение всего этого состоит не только в том, что евреи слишком деятельны, а скорее в том, что их чувство свободы-ответственности принуждает их действовать даже тогда, когда действие практически бессмысленно.

В большинстве случаев такие действия и не направлены на практические цели, а служат удовлетворению какого-то внутреннего чувства, верность которому важнее безопасности.

Можно было бы, в определенном смысле, сказать, что отказавшись от обрядности и традиций, русские евреи сохранили, тем не менее, религиозное сознание, в котором дело по-прежнему выше веры. Тем более, когда веры — теоретически нет. Поступок в этом комплексе идей важнее мотива. Высказывание ценнее мнения.

Вернемся теперь, на новом уровне, к элементам народного характера: идея единства-цельности, идея свободы-ответственности, приводящая к идее действия, и идея времени, устанавливающая примат будущего перед прошедшим.

Теперь мы имеем единство, взрывчатая парадоксальность которого создает ощущение жизнеподобия. Действительно, одновременное реалистическое восприятие всех этих трех или четырех элементов так же невозможно, как и всякое рациональное восприятие полноты жизни; и так же возникает у рационального сознания потребность подчинить элементы для облегчения схематизации, и упростить то, что живет только сложностью и в сложном.

Разве может цельность мира, единство Бога

удовлетворительным для сознания образом совмещаться с потусторонней суверенной волей — человеческой? Да еще не одного, а множества? Разве совмещается в сознании эта свобода воли с верой в известное будущее, с царством Мессии?

А разве необходимо совмещать все эти противоречивые тенденции в рациональном сознании? Может быть, сама эта потребность и соответствующая ей гипертрофия сознания у евреев вызывается тем же психологическим механизмом, который предопределяет и идею свободы воли? Когда человек предоставлен самому себе в выборе добра и зла, он должен напрягать все свои силы, чтобы не ошибиться и не дать увлечь себя на ложный путь. Может быть, талмудисты сознавали, что рациональные построения надежней страхуют от ошибок, чем неосознанные влечения? Но, может быть, и наоборот — в еврействе имеется неосознанное влечение, вопреки темпераменту, положиться на сознательный элемент, связывающий страсти, неудержимо овладевающие буйной душой ("Стройте ограду вокруг Закона!"). Но страсти, конечно, могут принимать и обличие рационально выстроенных систем, а страсть к схематизации — одна из самых захватывающих среди искушений еврейства.

И вот возникает то, что можно было бы в истории назвать "частными реализациями" библейских идеалов. Столь любимые Бубером эссеи осуществили свою попытку "жизни в абсолютном" за счет фактического и теоретического отказа от свободы воли и раздвоения целостного мира. Они облегчили реализацию неисполнимой в конечные времена программы за счет приспособления самой программы к земным условиям. Не удивительно, что это не вызвало восторга ортодоксального иудейства,

для которого целостность мира важнее любой реализации.

Христианство возвращается к некоторой свободе воли за счет усложнения (чтобы не сказать — снижения) единства Бога. Появление Бога-Сына должно было очень болезненно отозваться на еврейском чувстве цельности, что бы ни говорил Бубер о близости этих учений. Но зато идея Завета с Богом в христианстве существенно выигрывает, приобретая трогательный личный оттенок, возвращающий верующего к самым начальным представлениям Книги Бытия. Также и перенос Царства Божия из реального мира в духовный защитил учение от воплощения в конечных формах и, таким образом, оградил его от вульгаризаторов всех направлений. Возможно, что и апостол Павел, открыто противопоставивший веру делам, был вынужден к этому необходимостью еще больше смягчить парадоксальность учения, которое в руках реалистов быстро превращалось в сектантство ессейского толка. Сама эта необходимость — противопоставлять веру делам — рождается из той же потребности осуществить свой выбор в реальном мире, который настоящего выбора человеку не дает. Принуждаемый, вопреки своему чувству свободы, к жизни без выбора между добром и злом, человек само это безличное принуждение и весь связанный с ним реальный мир ощущает как зло. И вот, вместо выбора между добром и злом возникает выбор между верой и делом.

Зилоты, опираясь на единство Бога и свободу воли, как отправные моменты, принимали мессианизм и самое будущее, как непосредственную функцию своей волевой деятельности и социальных преобразований в духе уравнительности. Возможно,

близким упрощением общей концепции вдохновлялись и повстанцы Бар-Кохбы.

Можно только поражаться стойкости ортодоксов, донесших идеи еврейства во всей их полноте до наших дней, вопреки столь мощному напору равно героических вульгаризаторов: детерминистов-эссеев и волюнтаристов-ревнителеев. Если к этому еще добавить эллинизацию и христианство, которые с идейной точки зрения совсем не являются вульгаризациями, то само сохранение еврейства, как религии, кажется чудом.

Нам, наблюдавшим и пережившим, казалось, полное исчезновение и растворение еврейства и, затем, его неожиданное возрождение, это чудо представляется следствием того, что идеи, заложенные в еврействе, как идеологии, суть характерологические особенности еврейства, как народа, или точнее, как типа личности.

Эти идеи и особенности сохраняются не только вследствие целенаправленных усилий мудрецов и законоучителей, но, еще в большей степени, вследствие биологической и культурной жизни людей с такими особенностями (независимо от происхождения), передающимися от отцов к их детям.

На современном языке это означает, что библейская идеология экзистенциально близка определенному типу человека, часто реализующемуся в еврейском народе (хотя отнюдь не только в нем...).

XIX и XX века дали людям много новых возможностей для упрощения и вульгаризации первоначального библейского единства, но отнюдь не угасили страсти, из которых это первоначальное единство складывалось. И нимало не смягчили их безысходной несовместимости. Напротив, повысив роль соз-

нения в жизни человека, наше время еще туже завязало узел.

Научный монизм, эволюционизм, удовлетворяя чувству цельности и однонаправленности времени, одновременно жертвует свободой настолько радикально, что его не устраивает и Бог, как альтернатива детерминизму. Гнет научного детерминизма был так велик, что весь мир с восторгом ухватился за квантовую механику, как будто индетерминистский принцип родился в ней изнутри, а не был внесен человеческим же попечением. Эйнштейн потому и не мог примириться с квантовой механикой, что, сосредоточившись на идее цельности, не мог допустить случайности событий в микромире, нарушавшей его представление о гармонии.

Точно также закономерно фанатик индетерминизма Лев Шестов вынужден был отказаться от науки и всякой надежды на благотворность действия вообще, разделить мир на видимый и потусторонний, жертвуя цельностью, чтобы утвердить безграничную свободу души и веру в будущее, как в чудо.

Экзистенциалист Бубер создает концепцию "Я — Ты", направленную на совмещение свободы с единством и смягчающую волюнтаристские установки экзистенциальной философии, а З. Фрейд строит фантастическую цельную систему идей, детерминистски определяющую и религию, и науку, и всякую деятельность вообще, как прямую функцию физиологического фактора — подсознания.

Я не собираюсь называть все эти феномены проявлениями чисто еврейского духа, но несомненно, что все они коренятся в библейской идеологии.

Революция и Гражданская война в России дали возможность всем этим страстям выплеснуться в

действительность в необычайно действенной, напоминающей эпизоды Иудейской войны, форме. Снова возникли широкие возможности для творческих вульгаризаций и еврейского социального экспериментаторства. Но теперь эти жуткие и грандиозные эксперименты проводились на расширенной основе вместе с русскими революционерами и контрреволюционерами.

Экономический детерминизм, анархизм, коммунизм, с одной стороны, и толстовство, веховство, богоискательство, с другой, рожденные и реализованные русской интеллигенцией, захватили массы евреев, как решение их собственных внутренних вопросов. Такими они, на самом деле, и были, но на другом материале и уровне. Содержание вопроса зависит от того, кто его задает.

Понадобилось полвека, чтобы понять, что никто не решит наших проблем за нас; что решение, которое устраивает другого, может не быть решением для тебя, и что сходство людей не отменяет различия между ними.

Так вот для чего понадобилось нам прожить жизнь в России! Вот зачем нужно нам было подвергаться стольким превращениям и, в конце концов, остаться самими собой! Осознанием своей нерастворимости, своего коренного неустранимого свойства, мы обязаны особенностям русского национального характера, которые так отличают его от типа европейца.

Нужно было сначала, с младенчества привыкнуть к тому особому типу сознания, которое свободу отождествляет со своеволием, чтобы, наконец, понять себя, как человека, для которого свобода есть главное условие жизни.

ИУДЕЙСТВО И ЭЛЛИНСТВО В НАУКЕ

“Мир построен... из двух времен, наличного и отсутствующего... История культуры есть цепь уравнений в образах, попарно связывающих очередное неизвестное с известным, причем этим известным, постоянным для всего ряда, является легенда, заложенная в основание традиции...”

Б. Пастернак, “Охранная грамота”

В статье Г. Соколика о теоретическом мышлении, теологических конструкциях и идее богоизбранности, наряду с очень интересными замечаниями есть утверждения, с которыми я никак не могу согласиться.

Высказанный Г. Соколиком тезис о глубокой связи теоретического мышления с теологическими

Г. Соколик, “Об элите и единстве”, самиздатский сборник “Евреи в СССР”, № 5, октябрь 1973 г., Москва (перепечатано в сб. “Еврейский самиздат”, т. 7, Иерусалим, 1975). Публикуемая статья является откликом на выступление Г. Соколика. Она впервые напечатана в сборнике “Евреи в СССР”, № 5 и перепечатана в сб. “Еврейский самиздат”.

схемами представляется мне совершенно убедительным. Действительно, в теологических построениях речь идет обычно о воззрениях на явление и сущность, возможное и невозможное, законы природы и чудо (флуктуация, например), единство мира и множественность, то есть все те вопросы, представления о которых неизбежно включены в исходные посылки физика и математика и зачастую определяют его будущие теории. Несомненно, что варианты мыслимо возможного определяются еще здесь, и часто встречающееся среди ученых повышенное самоуважение, связанное с существованием якобы у нас по сравнению с профанами дополнительных возможностей для интуиции по меньшей мере недостаточно обосновано. Единственно в чем мы преуспели, это в однозначности понимания наших конструкций, и здесь, действительно, как бы мало ни было достигнуто, все полностью оказывается общим достоянием и, таким образом, выгодно отличается от религиозно-философских систем, записанных гуманитарным языком.

Эта однозначность в значительной мере достигнута за счет особого способа рассмотрения объекта исследования вне контекста, в котором он обычно встречается, то есть за счет изъятости объекта, превращающей его из эмпирической реальности в мысленный (математический) образ. Законы взаимоотношений этих образов обычно отождествляются нами с законами нашего сознания, то есть с законами логики, что по отношению к собственно мысленным объектам вполне естественно (но по отношению к эмпирическим реальным объектам совершенно необосновано). Основы такой практики были заложены античными философами-греками, которые вслед за Гомером (и, по-видимому, под влияни-

ем особого мировосприятия гомеровских поэм) проявили удивительную, совершенно оригинальную способность видеть мир разделенным на предметы, а предметы — расчлененными на качества. Нетривиальность этого видения трудно оценить по достоинству теперь, когда воспитание в нашей цивилизации в значительной мере нас к этому приучило. Во всяком случае, эта способность не имеет ничего общего ни с еврейством, ни с "гетто", ни с еврейской склонностью к моноидеям, ни с идеей богоизбранности. Внимательное чтение Библии показывает, что такое членение **видимого** еврейскому сознанию почти не свойственно. Чтобы доказать противоположное и связать идею изъятости с идеей богоизбранности, Г. Соколику приходится рассматривать в качестве представителей "еврейской" науки Евклида, Галилея, Канта, Гаусса, Лобачевского и Б. Рассела. Я — не расист, но полное отсутствие в этом ряду евреев наводит на мысль о некоторой неадекватности сделанного Соколиком определения.

Нужно признать со всей прямотой, что эта часть европейской культуры, по крайней мере на раннем этапе, совершенно не связана с евреями и даже сейчас остается в каком-то смысле им враждебной.

Теоретическое мышление произошло, конечно, не от тех, кто способен был увидеть связи (*religio*) в мире вещей и взаимопроникновение в мире понятий, а от тех, кто был способен потрошить, анатомировать мир, чтобы узнать, что у него внутри и исследовать текущие понятия как неизменные вещи. Гениальные греки придумали длину без ширины, пространство без времени, атомы без качеств (а индусы еще и число без количества — ноль). Этим они обязаны своей особой способности наблюдать окружающее, расчленяя наблюдение на элементы и выде-

ляя из них субстанциональное зерно, как будто это наблюдение не есть непосредственное переживание, требующее немедленной деятельной реакции или хотя бы оценки.

Совершенно нетривиальным (однако в нашей европейской цивилизации общепринятым) является убеждение в том, что результат наблюдения не должен зависеть от наблюдателя. Напротив, обывательское сознание всегда учитывает, что на улице, где женщина заметила парикмахерскую, булочную и ателье мод, мужчины могли видеть только пивную, табачный ларек и стадион. Всем известно, что слово "наблюдать" в языке может означать не только созерцать, то есть "следить за тем, как...", но и например, "следить, чтобы" и "следить, чтобы не...". Разумеется, это не случайно и связано с обычной определенной целевой функцией наблюдения и необходимой эмоциональной реакцией на него в обыденной жизни. Библия, которая много столетий формировала еврейское сознание, очень ясно отличается в этом вопросе от Илиады. Если Иеремия, видя отрубленные руки и ноги своих соплеменников, так мечется и стонет, что, собственно, о подробностях зверств вавилонян мы почти ничего не узнаем, Гомер описывает убийства даже своих любимых героев так подробно, что временами возникает ощущение, будто он этим любитесь*.

* Такая особенность Гомера и всей последующей греческой литературы положена С.С. Аверинцевым в основу различения античной "литературы" от "ближневосточной словесности", которая, по-видимому, в основном, сводится к Библии. Нижеследующие заметки можно было бы рассматривать как распространение этого различия на научное мышление, если бы я мог добиться такой же полноты аргументации ("Вопросы лит.", № 2, 1971). Однако в другом отношении различие, которое отмечает С. Аверинцев, не

Культура объективного наблюдения у евреев еще в I в. н.э. находилась на столь низком уровне, что им приходилось каждую пятницу всходить на Масличную гору в Иерусалиме, чтобы, увидев первую звезду, узнать про наступление субботы (календарь для этой цели начал применяться только с II в., уже после разрушения Иерусалима). В эти времена у евреев была богатейшая литература и очень высокая грамотность — практически все мужчины умели читать и писать, так что этот факт характеризует не уровень культуры, а ее особую направленность. Исключительно гуманитарный характер этой культуры (даже врачи-евреи появились несколько веков спустя) определялся ее синтетическим (в отличие от аналитического в эллинизме) подходом к жизни и ее проявлениям и сугубой социально-психологической или гуманитарной направленностью Библии. Если Филону Александрийскому удавалось найти в Библии элементы учения Платона, это означает не то, что в ней имеются образцы абстрактного мышления, а то, что в Библии, как во всякой реальности, схематический анализ может выделить абстрактные элементы. По-видимо-

полно. Он видит (как и многие предшественники) в библейском сознании примат времени в противоположность гомеровскому примату пространственного восприятия. Но для физика очевидно, что различие между ними — не различие временного и пространственного восприятий (в Библии и в Гомере можно найти множество гегенбайшпилей, опровергающих общее впечатление пространственной обедненности Библии и статичности Гомера), а различие между четырехмерным миром, в котором время — одна из координат и трехмерным, в котором время — уникальная обшая ось, на которую насажены все системы координат, то есть различие между эйнштейновским и ньютоновским мирами (уникальность оси времен в классическом мире и вызывает искушение отделаться от времени вообще, например, системой вложений или путем введения циклов).

му, и М. Бубер прав, когда он утверждает, что в еврейском вероучении содержатся все элементы кантианства. Но и здесь связь такая же: из расчлененной картины реальности можно выделять элементы, но обратная задача однозначно не решается — по элементам исходная картина не восстанавливается. Из Канта воссоздать еврейское или какое-нибудь другое вероучение невозможно. И Платон, сколько бы его ни расширяли, не может превратиться в Библию. Так, анатомируя тело, язык и мышление, мы достигаем многого, но все попытки, исходя из нашего знания, построить что-нибудь жизнеподобное пока что оканчивались неизменным крахом.

Таким образом мы видим, что по крайней мере в традиции еврейское мышление было в чем-то противоположным аналитическому научному подходу и, в соответствии со спецификой своего объекта на протяжении почти двадцати веков (в Библии, Талмуде и Каббале) отличалось нерасчлененным, синтетическим характером, который ближе к тому, что мы сейчас называем художественно-образным типом мышления, чем к логическому строю теоретического сознания. В этом смысле диалектика Гегеля, включающая естественный разум, гораздо более "еврейская", чем тавтологическая логика Б. Рассела.

Обратившись к современности, мы увидим, что и творческий вклад евреев в современную науку, будь это теории Н. Бора и М. Борна, К. Маркса и З. Фрейда, А. Эйнштейна и Н. Винера, с точки зрения логических обоснований, отнюдь небезупречен. На хорошо знакомом нам материале советской науки мы видим, как проигрывают в логической завершенности идеи Л. Ландау на фоне идей Н. Боголюбова и как настолько же при этом они выигрывают в применении к физической реальности. Целая

школа физиков, воспитанная на "Курсе Теоретической Физики" Л. Ландау и Е. Лифшица настолько, что называют его попросту "Книгой", воспринимают этот курс как "естественный разум", в то время как математики совершенно не могут понять возможности работать с таким логически несовершенным аппаратом. Именно этот логически несовершенный аппарат оказывается сравнительно плодотворным при анализе физической реальности, причем чем сложнее эта реальность, тем настоятельнее потребность у физиков прибегнуть к логически еще менее совершенным идеям.

Если уж как-то характеризовать еврейское мышление в целом, то скорее следует отметить его постоянную замутненность эмоциональным элементом, его повышенный реализм, заставляющий все время сбиваться с формального уровня на семантический, его тотально-универсалистский религиозный характер, заставляющий больше ценить **содержательный результат**, хотя бы и логически необоснованный, чем эстетику правильного построения, хотя бы и тавтологического*. Конечно, все эти качества противоположны основным качествам правильного теоретического мышления, которое, будучи формальным и тавтологическим по необходимости, вынуждено этим страстям противостоять.

По-видимому, величайшее богатство, которым Диаспора одарила евреев, гораздо большее, чем золотые и серебряные сосуды, вынесенные из Египта, это вкус и способность к правильному наблюдению и абстрактному мышлению. Теоретическое

* Л. Ландау говорил, что есть два способа научной деятельности: "Делать то, что нужно — так как можно; или то, что можно — так как нужно".

мышление пришло к евреям вместе с эллинизацией и греческим языком и было отчасти враждебно воспринято. Но уже у творцов Талмуда и Филона Александрийского возникло понимание абстрактного мышления ("греческой мудрости") как бесценного инструмента, который может быть использован для долговечного закрепления эфемерного и субъективного смысла, так быстро улетающего из чисто образных конструкций по мере изменения обстоятельств и стирания свежести образов*.

По-видимому, величайший вклад, который евреи сделали в мировую культуру в новое время, напротив, состоит в том, что, овладев этим инструментом, они сумели на новом уровне внести свой реалистический оттенок обратно в теоретическое мышление, а субъективизм — в условия наблюдения, уже как конструктивный, обогащающий элемент в современной культуре. Так называемые величайшие открытия физики XX в. ввели в науку, в качестве формализованных принципов, особенности реалистического сознания — нераздельность времени и пространства, необходимость включения наблюдателя в общую картину мира, взаимодействие наблюдателя с наблюдаемым объектом и делокализацию частиц в пространстве-времени. (Именно эту часть физики нацисты обоснованно называли "еврейской" и, в отличие от теоретического мышления, как такового, преследовали.)

Тот, кто скажет, что все вышеперечисленные

* В мусульманской Испании X—XII вв. "греческая мудрость" настолько прочно вошла в культурную жизнь евреев, что ученые не верили, будто когда-то евреи существовали без нее. Бытовало предание, что Сократ и Платон были учениками пророков и что греческая мудрость заимствована из еврейских книг, затерявшихся во время разрушения Второго Храма.

“новые” научные принципы совершенно новы для него и не умещаются в сознании, докажет только, что современное образование настолько плохо, что еще в школе совершенно заглушает нормальную интуицию и приучает о науке думать почему-то совершенно другим способом, чем о жизни вообще. Действительно, новым в этих принципах является только то, что они “научные”. В обывательской практике никто не сомневается, что чем интенсивнее ты работаешь, тем быстрее бежит время (тривиальность этого обстоятельства зафиксирована во множестве анекдотов об Эйнштейне и теории относительности) и что мир без “меня” не существует (когда ребенок закрывает глаза, он уверен, что его никто не видит), следовательно, не может быть адекватно описан. Также все знают, что павловские собаки в клинике, звери в зоопарке и в лесу, пейзажи и радиоприемники, автомобили и женщины ведут себя и выглядят по-разному, в зависимости от того, кто, когда и с каким намерением их наблюдает. И, наконец, всем известно, что одновременное присутствие движущегося и распространяющего о себе информацию объекта в разных местах более естественно, чем его точная локализация в пространстве. Так, если человек бежит и кричит, то свойства его характера проявляются за сотни метров от его тела с такой явственностью, с какой, быть может, они не смогли бы проявиться при непосредственном контакте, и, заслышав издали свист бомбы, человек бросается на землю, не дожидаясь ее точной локализации. Также и присутствие наших умерших близких иногда сильнее влияет на нашу жизнь, чем материальное давление обстоятельств.

Таким образом, вся та чепуха, которую полстолетия распространяют популяризаторы науки о

якобы революционных сдвигах в сознании человечества, означает только, что в научной среде, привыкшей свысока относиться к обывателю и его "предрассудкам", произошла паника и возникло ощущение, что, быть может, некоторые из "истин", которые за пару столетий до того они освоили и вколотили в обыденное сознание через школу и университет, такие же предрассудки (если не худшие), как и те, на смену коим они пришли.

Классическая механистическая точка зрения, с которой следствие однозначно определяется причиной, вовсе не является порождением "естественного" разума, а отражает всего лишь многовековую традицию применения логики к научным вопросам. Однозначность логики, которая есть лишь результат соглашения между людьми, вовсе необязательна для природы, которая ничего не знает о наших соглашениях. Тем не менее детерминизм всегда связывался с научным мировоззрением и даже с "естественным" разумом.

На самом деле весь этот набор представлений, с которым пришлось бороться "новой" физике, вовсе не является порождением естественного разума, которому естественнее всего думать, что время бежит быстрее, когда ему веселее живется, и которому небо зачастую кажется "с овчинку". Классические детерминистские воззрения, которые укоренились с XVII в. в Европе, так тяготили естественный разум, что он не без оснований пытался эмансипироваться от науки, изыскивая ей религиозные, художественные и спиритические альтернативы. Если бы мыслители XVIII в. действительно были последовательны в своем предпочтении естественного разума, лапласовский детерминизм не смог бы возникнуть, а опытов Фарадея и теории Максвелла ока-

залось бы вполне достаточно для построения специальной теории относительности (на полстолетия раньше ее фактического возникновения) *. Специальная теория относительности настолько очевидно является частью теории поля, что в любом разумном учебнике излагается в самом начале ее, давая естественную основу для сближения теории поля с механикой, но и одновременно разрушая простую механическую картину мира. Только предрассудок "объективности" науки много десятилетий не позволял физикам включить в картину мира наблюдателя и освободиться от представления об "абсолютной" системе координат. Даже Эйнштейн, включив, наконец, этого наблюдателя в рассмотрение, снабдил его таким запасом объективности, чтобы его влияние никак не ощущалось (из результатов теории он выпадает). Поэтому уже принять квантовую механику, где этот наблюдатель так сильно напроказил, было не по силам и самому Эйнштейну.

Эта пресловутая объективность и детерминизм научных воззрений есть результат длительного прививания теоретического мышления (в его самой оголтелой форме) к обывательскому сознанию, которое постепенно привыкло загонять в подкорку свои естественные представления. Обе эти навязчивые идеи возникли в античные времена вместе с представлением об абсолютном пространстве, независимом от времени, когда теоретическое мышление греков породило принцип отвлечения (изъятости) и философское представление об "идеях вещей".

Хотя греки построили геометрию, астрономию, механику и другие дисциплины, под влиянием кото-

* Эйнштейн не знал об опыте Майкельсона и т. о. не использовал "новейших данных" при создании своей теории (см. УФН, 1972).

рых сложилось наше представление о науке как таковой, античная наука не представляет собой подлинного органического единства, содержащего тенденцию к развитию. Античная наука, будучи весьма развитой в смысле объема сведений, не складывается в единую систему, заставляющую увязывать одни сведения с другими. Рассказы о висячих садах Семи-раамиды, людях с собачьими головами и особых свойствах янтаря (статическое электричество) мирно сосуществовали с геометрией Евклида и системой Птолемея. Эта наука, возможно, представляет собой образ мыслей, но не мировоззрение, ибо явления в ней связаны не по происхождению, а по смежности. Она лишена той формообразующей тяги, которая заставляет ученого из-за наличия определенного факта предпринимать розыски других следствующих фактов и не дает успокоиться, пока либо соответствующие факты будут разысканы, либо исходный факт опровергнут. Эклектизм и плюрализм античной науки вполне соответствует античному политеизму и пространственно-статичной картине мира, включающей человека лишь как случайный элемент. Тесно связано с этой статичностью и преобладание описательного момента над объяснительным в науке того времени.

Настоящий импульс к развитию эта наука получает только после упрочения христианства в мозгах учеников и учителей. В соответствии с монотеистическим принципом христианство (независимо от желания воспитуемого) закладывает в сознание принцип иерархического построения природы, требующий непрерывного достраивания системы взаимосвязанных частей знания вокруг некоего смыслового центра. Нужно сказать, что аналогичная потребность дает себя знать и в арабском средневеко-

вом мире, где эта же библейская идея проявляется в мусульманстве.

Геометрия Евклида, которая была лишь наукой о линиях и фигурах (то есть образах, идеях, далеких от грубой действительности) и механика Архимеда, которая была наукой о механизмах (то есть игре фантазии, "чудесах искусства Изобретателя"), превратилась у Галилея, Декарта, Кеплера и др. в науку о **Природе**, которая составляла общее дело и общую цель всех ученых и приобрела черты некоторой законченности у Ньютона*.

Физика Фалеса Милетского, которая была лишь описанием окружающих нас чудес и атомистика Демокрита, которая была философией, то есть рассуждением об идеях вещей, превратились, благодаря Ф. Бэкону, у Гильберта, Дальтона и др. в опытную науку о самих вещах. Теперь нельзя было увидеть никакого удивительного явления без объяснения его причин либо пересмотра предшествующих представлений. И люди действительно стали меньше видеть...

Если в античные времена геоцентрическая система Птолемея могла столетиями сосуществовать с гелиоцентрической системой Аристарха Самосского, так же как и теория выживания приспособленных организмов Эмпедокла совмещалась с представлением о неизменности видов животных и растений,

* Обычно переоценивают значение опытных данных для Галилея, упоминая его закон инерции как шаг вперед по сравнению с Аристотелем. Нужно сказать, что представление Аристотеля о движении пропорциональном силе, гораздо больше соответствует земному опыту. Суть не в опыте, а во внутренней связи различных явлений между собой. Для Аристотеля нет никакой связи между его законом движения (на земле) и поведением небесных тел, а Галилей исходит из необходимости связать одно с другим.

во времена торжества христианства появление системы Коперника начисто зачеркивало ценность системы Птолемея, а теории эволюции Ламарка и затем Дарвина исключали как друг друга, так и представление о неизменности сотворенных Богом видов. Конечно, опытные данные, которые якобы приводят к торжеству "правильных" теорий, тут совершенно не при чем*. Во времена Коперника опытных данных в пользу его системы было столько же, сколько и против, а насколько малую роль сыграли опытные данные в теории Дарвина, видно из того исторического факта, что Г. Уоллес, совершенно не владевший тем громадным фактическим материалом, которым владел Дарвин, заметно опередил его, предвосхитил все его концепции. Таким образом, определяющим моментом в этом развитии наук был момент идеологический, требующий от мировоззрения единства и согласованности частей, которые были заложены в сознании ученых веками христианской монотеистической теологии**.

* Л. Ландау как-то сказал, что совпадение теории с опытом ничего не значит, "ибо среди бесконечного множества дурацких теорий должны найтись и такие, которые совпадут с экспериментом". (Он сказал: "Континуум теорий").

** Я не считаю возможным при подобной точности рассуждений различать христианскую и иудейские теологии, как делает Г. Соколик, сопоставляя общую теорию относительности именно с христианской интерпретацией мира. Связь научных концепций с теологическими достаточно опосредована, чтобы отличие христианства от иудаизма на ней не сказывалось. Идеи типа: "Во многом — Одно", "Внешнее — Внутреннее", "Будьте как дети!" и т.п. присущи обоим религиям и укладываются в один термин — "библейские".

Заключительное предположение Г. Соколика о расслепном римановом пространстве, где каждая точка есть кляновская геометрия, представляет собой научную проекцию идеи Церкви, как сообщества верующих, каждый из которых есть по-своему организованный мир. Это также совпа-

Это значит, что библейское синтетическое мышление уже включилось в основания науки, задавая ей лежащую вне ее цель (движение в направлении Единства Мира, как Истины), но еще не определило собой ее методов, оставив в неприкосновенности принципы изъятости и однозначного детерминизма.

Естественное развитие этой, все еще в основном евклидовско-демокритовой науки* привело, в конце концов, к конструированию Всеобъемлющего Интеллекта Лапласа, которому достаточно подставить все $6N$ начальных условий в $3N$ уравнений Ньютона, относящихся к N частицам, составляющим мир, чтобы получить все прошлое / $t \rightarrow -\infty$ / и все будущее / $t \rightarrow +\infty$ / этого мира на любой срок. Такой Всеобъемлющий Интеллект не был бы Богом, ибо он лишен воли, а только Големом, вычислительной машиной, которая осуществляет идею Рока. Вот каково последнее слово этой науки! Идея рока, которая возникает на этом пути как естественное обобщение эллинских представлений о детерминированности в сочетании с единством мира. Так европейская наука, стремясь все время вперед, пришла назад — к тому доантичному и почти доистори-

дает с идеей Израиля, обращенного к Богу, которого каждый еврей понимает по-своему в соответствии с ортодоксальным иудейским богословием (см. Д. Зильберман и Д. Сегал "О семиотической функции Каббалы..." в № 3 сб. "Евреи в СССР"). /См. издание Еврейский Самиздат, том 6, стр. 49/.

*В "Курсе лекций по физике", опубликованном недавно в США, Р. Фейнман говорит: "Если бы вся цивилизация должна была бы погибнуть и меня спросили, какую одну фразу завещать потомкам, чтобы в ней содержалось максимальное количество научной информации, я бы ответил: — все тела состоят из атомов, маленьких частиц, которые притягиваются на больших расстояниях и отталкиваются, если их прижать друг к другу".

ческому Началу, которое, объединяя разрозненные сведения в одном мистическом единстве, просвечивает у Гомера, возвышаясь над людьми и богами: "Но и бессмертным богам невозможно от общей Судьбы неминуемой милого им человека избавить..." (Илиада).

Гомер предшествует античности и науке, и в его художественном мире присутствует первобытное единство, которое распалось вместе с возникновением науки и падением мифологического сознания. Христианство и Возрождение, некритически восприняв греческую науку и неудержимо стремясь к единству, достигло его в научном мировоззрении ценой свободы воли. Эта пиррова победа для христианства равносильна самоубийству. Гомеровский Рок пробился через двадцать—тридцать веков забвения и снова гордо поднял голову. И христианский бог спасовал перед ним, поддавшись панике (по-видимому, именно эту несовместимость ощутил Б. Паскаль, бросивший науку, но не могший победить языческого идола внутри ее), отступив в монастыри (непознаваемость и непостижимость божьей воли есть убежище мыслителя — обитель спокойствия, монастырь), ограничившись гуманитарной сферой*.

Таким образом, идея Предопределения, Необходимости, Объективных Условий и Обстоятельств господствовала в европейской науке XIX в. всецело, не зная для себя — в своей сфере — никаких ограничений. Еще веком раньше влияние этой давящей

* Когда выдающегося астронома XVIII в., католического священника Секки спросили, как он может совмещать эти профессии, он ответил: "Когда я занимаюсь астрономией, я забываю о своем священничестве. Когда я исполняю обязанности священника, я забываю астрономию". Это ли не капитуляция для верующего христианина!

идеи стало распространяться и на гуманитарные области в форме различных утилитарных и "научных" теорий социального устройства и человеческого поведения*. Все это происходило отнюдь не благодаря "естественному" разуму, ибо естественному разуму также естественно ощущать свободу воли, а вопреки ему (а также вопреки "еврейству" и вопреки подлинно христианскому духу), благодаря усвоенной эллинской традиции рационального теоретического мышления.

Уму непостижимо, как материалисты и нигилисты разных оттенков в течение ста лет умудрялись избежать Харибды Предопределенности, неразрывно связанной с детерминизмом. Зато к концу жизни весьма многих, доказывавших "научно" (на лягушках), что "Бога нет", проглотила-таки Сцилла мистицизма, альтернативно дополнившая, таким образом, их мировоззрение.

Потребовалось двухсотлетнее укоренение христианства в сознании европейцев после перевода Библии на национальные языки, потребовался серьезный философский кризис, разрушивший веру в логику и дискурсивное мышление, потребовалось целое поколение еврейских мальчиков, воспитанных в немецких университетах, чтобы естественный, то есть приспособленный к сложной неоднозначной реальности, разум и стремление к цельности, единству создали совершенно новую, свободную от эллинской статичности (а отчасти и от гармонии, уравни-

* С. Кьеркегор так выразил эту мысль: "Если признать этическое, т.е. всеобщее, наивысшим, не понадобится никаких иных категорий кроме тех, какие знала греческая философия или какие можно извлечь из нее путем последовательного мышления" ("Страх и трепет", Проблема 1).

вешенности) картину мира, включающую неопределенность и непредсказуемость. Конечно, слово "создали" несколько предваряет события, так что лучше сказать "создают".

Хотя новая картина мира вовсе не завершена и даже весьма далека от завершения, ее основные черты уже ясно обозначились. Эти основные черты настолько противоположны старой детерминистской и объективистской картине, что изменение никак не может быть сведено к какой-либо форме развития. То, что многое в этой новой картине остается неизменным с античных времен, не меняет того факта, что последовательное движение не ведет от старых представлений к новым. Соотношение рационального, эллинского, и реалистического, иудейского (популяризаторы любят называть этот элемент "сумасшедшим" — "Безумные идеи"), логического и парадоксального, — в новой картине совершенно новое и не сводится к обогащению прежних представлений. (В некотором отношении современные представления даже беднее, так как заведомо запрещают нам некоторые мыслительные операции с природными объектами, а прежде таких ограничений не было).

Здесь кажется вполне уместным представление о системе вложенных друг в друга по иерархическому признаку теоретических картин реальности, которое использует Г. Соколик для того, чтобы устранить идею развития науки. Действительно, так же как вся геометрия Евклида входит частным случаем, клеткой, в Эрлангенскую программу, рассматривающую возможность существования целой системы различных геометрий, так и специальная теория относительности включает законы Ньютона в некотором частном случае, а квантовая механика может

в каком-то пределе включить, как частный случай, классическую, не зачеркивая ее области применимости.

Но тут же поджидает нас и разочарование в этой стройности: такие операции возможны только с "теоретической", то есть до конца формализованной, — то есть мертвой реальностью, заведомо схематической и в своих посылках конечной. В отношении живой науки как мировоззрения такая операция невозможна и несовместимость новой картины со старой остается свидетельством существования разных типов мышления, как различных цивилизационных признаков. Так, видя сходство кошки с тигром, мы, тем не менее, вынуждены признать, что между ними нет ни взаимоотношений общего и частного случаев (тигр не включает кошку в качестве частного случая), ни взаимоотношений оригинала и его развития (тигр не развился из кошки). Между тем, если мы уьем обоих и, подсушив, разложим их косточки во взаимоотнозначном соответствии, мы, возможно, и сумеем предложить такие геометрические преобразования, которые превратили бы эту "теоретическую" кошку в "теоретического" же тигра. Таким образом мы сразу видим, что и польза от этого могла бы произойти только для систематики и типологии, позволивших увидеть, что оба эти организма произошли от одного предка и типологически различны. Внутри времени жизни такого организма, пожалуй, актуально и понятие развития.

О современной науке можно сказать, что она развивается, но она развивается не от того корня. Генетически она представляет собой совсем иное сочетание эллинских и библейских элементов, чем наука XVII—XIX в.в., которая, возможно, умирает. Этот новый образ мыслей, связанный с современной на-

укой, не только новая идеология, но и — другой тип души.

Эйнштейн пришел к более общему единству, чем было достигнуто до него, не потому, что таков единственно возможный теоретически мыслимый путь, а потому, что цельность сознания у Эйнштейна и стремление к единству в современном ему мире сильнее, чем стремление к объяснению наблюдаемых фактов. Тот факт, что Джойс и Кафка, а также модернистская живопись, искажающая натуру в зависимости от настроения художника, оказались современниками теории относительности и квантовой механики — не случайность, а социальный признак, характеризующий специфический душевный склад, который начинает играть ведущую роль в духовной жизни современного общества. С. Кьеркегор, который был известен своим современникам только как блестящий стилист, — вдруг, благодаря Л. Шестову, М. Буберу и другим современникам Ф. Кафки (а, следовательно, и вышеупомянутых теорий в науке) стал основателем целой философской, — и даже более чем только философской, жизненной, — школы, так что его весьма своеобразная душевная жизнь превратилась в некую экзистенциалистскую норму, противопоставленную детерминизму "науки" и "объективизму" (гегелевской) философии.

Современного типа единство несомненно ближе к библейским запутанности и парадоксализму, определяющим динамику, чем к гомеровской пластической гармонии, но оно, конечно, продолжает заключать в себе оба элемента. Соотношение между иудейским (здесь это то же, что христианским) и эллинским элементами в современной научной картине мира совсем не то, что в картине, созданной Возрождением. Если наука того времени взяла от

христианства (здесь это то же, что и еврейство) только стремление к единству мира, то в науке XX в. явно присутствуют представления о свободе воли*, взаимодействии, обязывающем обе стороны, влиянии возможного и, следовательно, будущего на действительное, то есть настоящее, и другие признаки библейской идеологии. Также и ясно обозначившаяся тенденция к распространению на гуманитарные области научного подхода, соответствующего специфике объекта (теория информации, кибернетика, семиотика и т.п.) — в отличие от прежних вульгаризаторских попыток — свидетельствует о гораздо более высоком типе единства (и более близком к библейскому), которому соответствует современный идеал. Но принципы связи элементов между собой и вычленения образов из реальных объектов остаются эллинскими и в современной науке. Точно также осталась эллинская манера представлять результаты в качестве "объективной" истины при помощи логических или эмпирических доказательств. Только благодаря этому был возможен самообман, позволивший Эйнштейну или творцам квантовой механики думать, что они только дополняют и развивают существующую науку, а не создают в корне новую.

В нашем мире, по-видимому, действительно произошло нечто необычное. С одной стороны, подтверждается тезис О. Шпенглера о закате Европы, ибо закат определенного круга идей и чувствований произошел и старый тип гуманизма агонизирует. С другой стороны, почти на наших глазах сложились

* Э. Шредингер постоянно употребляет слова "свобода воли электрона" и "Господня квантовая механика". ("Что такое жизнь с точки зрения физики").

камни для фундамента совсем иной культуры, которая бурно растет и пугает своим витализмом приверженцев старой. Быть может, мы не заметили перелома, который заставит в будущем считать время между двумя мировыми войнами началом новой эры?

ПО ТУ СТОРОНУ УСПЕХА

С конца 30-х годов и особенно после 40-х годов евреи не могли больше строить себе иллюзий относительно исчезновения антисемитизма в России и перестали рассчитывать в своей повседневной жизни на справедливое отношение, выдвижения по службе или любовь избирателей. Все силы старшего поколения и все способности младших в течение 20—30 лет были сосредоточены на профессиональной компетентности, как единственной неотъемлемой ценности, и образовательном уровне, как единственном пути к благополучию и самоуважению.

Действительно, в 60-х годах евреи занимали прочные позиции во всех областях, требовавших компетентного подхода, несмотря на заметную дискриминацию. Даже в системе советской пропаганды для них был выделен специальный участок — “Литературная газета” и научно-популярные издания — требовавший особой живости ума и эрудиции, где эти качества поощрялись.

Речь на II Всемирной Конференции Еврейских Общин в поддержку советских евреев в Брюсселе, 17 февраля 1976 г. Впервые опубликовано в ж. “Сион” № 14, 1976.

Это непрерывное напряжение, эта воля к развитию привели к положению, при котором элитную группу — профессоров, писателей, музыкантов — можно рассматривать как репрезентативную. Не в том смысле, что они составляют большинство советских евреев, но в том смысле, что большинство хотело бы ими стать. Они как бы воплощают идеальный образ советского еврея, каким он представляется себе самому, "если бы обстоятельства не помешали его развитию".

Особенности психики этой группы присутствуют в зародыше у всех русских евреев, представляющих собою гораздо большее единство, чем это кажется на первый взгляд. В 20-х или 30-х годах, когда евреи в России были народом лавочников и парикмахеров, каждая еврейская мать мечтала, чтобы ее сын был инженером или врачом. В 40-х и 50-х это действительно произошло (сейчас около половины всех взрослых евреев имеют высшее образование), но матери уже мечтают, чтобы их сыновья стали профессорами и академиками. Все это время еврейский народ был похож на группу бегунов, растянувшихся после старта в длинную колонну, но сохраняющих единство поставленной задачи и направление движения. Рассмотрим настроение лидеров этого забега.

Большинство представителей лидирующей группы знает, что впереди их ожидает социальный и духовный тупик. Элитная группа не воспроизводится и их особое положение в обществе не может быть передано детям. Громадные усилия, которые тратят еврейские родители на дополнительное обучение детей и закулисную помощь друг другу в этом вопросе, разбиваются о советскую дискриминационную систему. Статистика показывает, что число вновь по-

ступивших в институты, приходящееся на одного человека с высшим образованием, среди евреев вдвое ниже, чем в среднем по СССР (данные 1971 г.), а по отношению к числу научных работников — в пять раз ниже. Барьеры теперь выше, чем способен перескочить средний, даже хорошо подготовленный юноша, и селекция перестала быть оздоравливающим фактором. ГРУППА деградирует и сыновья профессоров становятся сплошь и рядом даже не инженерами. Мы возвращаемся к народу парикмахеров и портных. Но это не просто возвращение...

Народ парикмахеров и портных, каким было русское еврейство начала века, имел богатейшую собственную духовную жизнь, которая была представлена не только десятками писателей, философов и тысячами раввинов, но и проникала во все сферы жизни портного и сапожника, давая ему некоторое утешение в его угнетенном и не слишком почетном положении.

Если русские евреи теперь станут парикмахерами и портными, они не смогут найти в своей жизни ничего, что поддержало бы в них искру духовности. Элита, добившись феноменальных профессиональных успехов во всех областях русской культуры и технической деятельности, не создала ничего, что могло бы объяснить простому человеку, почему он должен мучиться из-за "пятого пункта" (национальная принадлежность) и обречать на это своих детей. Но так как человек становится евреем в России не по своей воле (отметка в паспорте о происхождении родителей), у него одновременно отнято последнее утешение национальной гордости и не предоставлена возможность раствориться.

Успехи, достигнутые евреями в советском обществе, сопровождались внешней ассимиляцией и адап-

тацией нескольких идей, которые на первых порах казались связанными с советской идеологией и от которых советское общество фактически сейчас отказалось. Восприятие этих идей в абстрактной, внеисторической и вненациональной форме и определяет тот духовный тупик, в который углубляется ведущая часть советского еврейства и который осознается уже сейчас многими его представителями. Возьмем три идеи или принципа.

1. Предпочтение производственной сфере сфере потребления, доходящее до подчинения самой жизни человека нуждам производства.

2. Склонность рассматривать человека и его судьбу как средство к некоей великой цели, а историю как процесс, направленный ко всеобщему благу.

3. Интернационализм и стремление к миру между народами.

Я сознательно формулирую эти принципы таким образом, что они кажутся почти общечеловеческими. Их значение определяется конкретными условиями жизни в обществе и различно в России, Израиле или в других странах.

1. В советских условиях, где потребительская сфера очень ограничена, а продвижение по службе для евреев затруднено, производственные и творческие успехи превратились в единственный источник положительных эмоций, единственную веру и единственную надежду сотен тысяч людей. Эти люди так глубоко проникаются интересами своего производства, что их волнуют малейшие детали процесса и совершенно не интересуют взаимоотношения этого процесса с реальностью (им даже трудно себе это вообразить). Таким образом, многолетняя инерция приспособления к разветвленной экономике великой страны сделала многих рабами этой экономики,

причем самое печальное не то, что они рабы этой экономики фактически, а то, что это рабство внутренне ощущается ими как ценность. Действительно, в том идеологическом вакууме, который существует в СССР, эта преданность производственным интересам может рассматриваться как форма духовности и заслуживает самого высокого уважения, но в среде элиты зреет восстание против этого невероятного сужения понятия духовной жизни.

Десятки профессоров физики и математики ломают голову над чисто гуманитарными проблемами, сотни писателей пишут в стол или для самиздата и тысячи людей рискуют своим благополучием и карьерой, чтобы это прочитать. И все же мы обманывали бы себя, если бы считали, что такие люди составляют большинство. Большинство по-прежнему одержимо профессиональными интересами, причем это относится также и к людям, принявшим решение об эмиграции. Эта профессиональная одержимость с одной стороны, обеспечивает людям некую специфическую духовную (точнее интеллектуальную) жизнь, а с другой, — делает их совершенно беспомощными перед лицом всякого изменения социального статуса (и внутри страны и в случае эмиграции). При таком изменении лишь немногие умеют найти новые сферы приложения своим творческим способностям. Человек как бы уже превратился в деталь социальной машины, которая не может подойти ни к какому иному месту в этой машине, ни, тем более, к другой машине. Эта особенность затрудняет абсорбцию советского интеллектуала как в Израиле, так и на Западе.

Я заметил, что некоторые бывшие советские инженеры в Израиле начинают общественную деятельность "только для того, чтобы обеспечить себе

нормальные производственные условия”, но, втягиваясь в общественную жизнь, начинают говорить, что “только производственные успехи могут обеспечить нам нормальную общественную жизнь в стране”. Таким образом, налицо некоторая перестройка сознания в сторону подчиненности профессионального элемента в реальной жизни.

Вообще говоря, предпочтение производственной сферы и творческих видов деятельности идеологически очень близко к сионистским идеалам начала века, когда проблема превращения евреев в народ со здоровой производственной основой была перво-степенной. Однако это не превратило всех кибуцников в фанатиков сельского хозяйства, так как они не жили в замкнутом мире. Мы должны констатировать, что имеется общая основа, которая может подтолкнуть русских интеллектуалов к сионизму. Однако это же может их оттолкнуть, так как реальная практика далека от первоначальных идеалов как по духу, так и по деталям.

2. Подчиненность индивидуальной судьбы некоей великой цели есть общая предпосылка религиозного мировоззрения и сообщает смысл жизни миллионам людей. Однако в советских условиях эта цель была сформулирована как грубо социологическая (коммунизм), в результате чего в России произошло грандиозное разочарование в социалистической идеологии. В интеллектуальных кругах одно время было популярно “демократическое” движение, рассчитывавшее на некоторую либерализацию режима. Неудача этого движения привела также к разочарованию во всяком социальном движении вообще.

В то время как для русской интеллигенции, благодаря христианской идеологии, остается выход —

полагать, что царство Божие не от мира сего и потому стремление к земной справедливости не должно выходить за известные пределы, — для евреев этот вопрос остается одним из самых трудных. Природный темперамент или семейная традиция предпочтения деяний чистой вере заставляют евреев непрерывно протестовать против различных несправедливостей, среди которых дискриминация собственного народа не всегда кажется им самой главной. Еврейский мессианизм, подкрепленный русской мессианской традицией, приводит к тому, что как те евреи, которые остаются в России, так и те, что готовятся к отъезду в Израиль, желают осуществления идеалов абсолютной справедливости в земной жизни в избранных странах. Пожалуй, только группа прямиков готова признать, что справедливости нет на земле и потому они просто ищут себе удобное место. Но даже и среди них многие рассматривают это как слабость. Поэтому главное, чем Израиль может привлечь этих людей, ищущих правду, — это попытка осуществить в реальной жизни некие идеалы. Согласитесь, что это и есть сионизм. Привлекательность его для русских евреев определяется не столько теоретическими достоинствами (мы видели по социализму, что теоретические схемы не привлекают их больше), сколько практическим идеализмом его представителей.

Атмосфера идеологической свободы и духовного богатства есть то единственное, что могло бы быть противопоставлено униженному положению советского еврея в настоящем. Будучи ассимилированным по культуре и техником по складу ума, он все же остается евреем в главном — он остается носителем уникальной судьбы. Все больше людей в России готовы эту уникальность принять сознательно и

бесповоротно, но они готовы к уникальности, а не к банальности. К трагедии, а не к фарсу. К трудностям, но не к суматохе. Соотношение великого и житейского в реальной жизни видится им иначе, чем это представляется человеку Запада.

Я думаю, что настоящая художественная литература могла бы помочь им понять реальность в ее сложности и освободиться от некоторого схематизма. Такая литература спонтанно складывается. Издавая еврейский САМИЗДАТ в России, я убедился, что евреи собственными средствами вырабатывают свою идеологию и литературу, преодолевая препятствия. Сейчас, спустя год после выезда, я вижу, что эта идеологическая работа не только не заглохла, но превратилась в целое течение, которому есть чем поделиться с еврейством всего мира. Нуждается ли еврейство в этом? Мне кажется, что нуждается, хотя и не сознает этого.

3. Интернационализм в основе очень благородное учение, которое берет начало еще в Библии. Однако я боюсь, что привлекательность этого учения для русских евреев коренилась не в Библии, а в том простом факте, что они как национальность были угнетены. Поэтому им показалось, что путь радикального уничтожения различий между народами избавит их от этого угнетения. Поскольку русские не были в прошлом угнетены, у них не было никакого стимула к стиранию этих различий, и они остались теми же русскими. В результате евреи не приблизились к интернациональному идеалу, а просто обрусели. Это не принесло им никакого увеличения симпатий со стороны других народов. Напротив, такая способность к национальной мимикрии вызывает дополнительное раздражение у всех окружающих.

Сейчас вся молодая русская интеллигенция настроена националистически и интернационализм рассматривает как чисто еврейскую уловку в конкурентной борьбе. Для большинства евреев национализм их русских коллег так же неприемлем, как и крайние формы собственного, еврейского, шовинизма. В их сознании национализм противоречит принципам гуманизма и свидетельствует о недостатке культуры. В своих духовных поисках они нуждаются в некоей форме универсализма, который снимал бы крайности вражды народов. Немногие находят этот универсализм в христианстве. В сочетании с другими факторами ассимиляции этот путь ведет к исчезновению русских евреев как группы.

Однако подавляющее большинство остается на неопределенно гуманистической позиции и они представляют благодарнейшую почву для библейского универсализма, основанного на современной иудаистической философии. Однако ни единое семя еще не упало на эту почву. Русские евреи не имеют в своем распоряжении почти никаких еврейских знаний. Даже Библия на русском языке является в СССР громадной редкостью. И множество евреев узнают Новый Завет прежде Ветхого (и в лучших переводах).

Я хотел бы суммировать, что рассматриваемая мною группа прошла путь, предоставленный советскому еврею до самого конца и осталась неудовлетворенной, несмотря на заметные внешние успехи.

Они дошли до вершин творческой работы и убедились, что чисто профессиональная деятельность не может целиком наполнить их жизнь.

Они подчиняли свои жизни тем великим целям, которые формулировались в советском (и антисоветском) обществе и убедились, что цели эти — не-

существующие, а сами они были исполнителями в чужой пьесе.

Они прошли до конца по пути ассимиляции и не освободились от унижений, но и не отказались от своей еврейской судьбы.

Теперь эта группа находится на распутье. От того, куда она повернет, зависит судьба всего русского еврейства в целом. Тем, кто бежит в длинной колонне бегунов на дальнюю дистанцию, не приходится задумываться о дороге. Они видят впереди лидера в красной майке и заранее знают свой путь. Простой русский еврей десятки лет, надрываясь, бежал вслед за лидерами по той единственной дороге, которая была им открыта советской властью. Теперь его судьба зависит от того, хватит ли у этих лидеров мужества и чувства ответственности выбрать дорогу самим, быть может, и вопреки советской власти.

Мы можем помочь им в этом своим примером и своим сочувствием, мы можем расположить их к себе либо оттолкнуть, но мы не можем за них выбрать тот путь, от которого, на самом деле, зависит и наша судьба...

До сих пор я говорил лишь о том, что я знаю, видел, слышал и наблюдал. Теперь настал момент сказать о том, во что я верю: В России созревают условия для новой вспышки еврейского движения, и основной центр сионистской активности еще много лет будет там. Мы должны подготовиться к этому.

**ИЗРАИЛЬСКОЕ ГРАЖДАНСТВО
КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ**

УНИКАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА И ВЫЗОВ

Человек не может жить долго в присутствии великого. Иначе он становится поэтом. А это совсем другое дело. Поэтому всякий, поселившийся в Израиле, через некоторое время находит себя в трудном положении человека, которому задали скептический вопрос: "Ну, и что?" Сначала он несет в ответ лихорадочный бред, который естественно возникает в голове у каждого при столкновении с такими фундаментальными вещами, как Храмовая гора (Мория) или гора Мегиддо (Армагеддон). Потом — все чаще запинается, наблюдая, как подлинность переживаний вытесняет литературные образы и не оставляет места для словесного выражения. Только на первый взгляд эта беспомощность кажется чисто словесной. Только в первый момент эта безгласность кажется порожденной близостью к библейскому сверхлитературному канону. Главное все же — не в выражении. Главное — в нашем внутреннем состоянии.

Словесная растерянность пришельцев соответствует нашей внутренней растерянности, порождаемой

Впервые опубликовано в "22", № 20, 1981.

уникальностью жизни, которой мы живем. Эта уникальность не является следствием нашего жизненного опыта и потому не дает уверенности в понимании всего Замысла, как целого.

Нельзя сказать, что мы вообще не были готовы к уникальному. Некоторые из нас подготовили и весьма многие приняли исход из России с подлинным энтузиазмом. Я думаю, если бы судьба наша сложилась иначе и наши сорок лет нам предстояло бы провести в Сибири, многие сумели бы погибнуть достойно. Но исход наш был порождением и продолжением нашего российского опыта. Он родился как воплощение нашей мечты и идеальный выход из нашего безвыходного положения. Конечно, наш исход был чудом. Но он был, так сказать, чудом очеловеченным. Он отвечал скрытым упованиям и открытым стремлениям. Он позволяя себя эксплуатировать. Исход разрубая безнадежно запутанные узлы, оправдывал поспешные решения, отменял ежедневные заботы...

Первое, с чем мы столкнулись в Израиле, что любой знакомый гвоздь, подобранный нами на общей дороге, оказывался не от той стенки. Тот из нас, кто скажет, что он с самого начала все понимал, только подчеркнет, что он и сейчас ничего не понимает. Израильская жизнь, в отличие от исхода, родилась не от нашей мечты. Она была построена не как выход для нас, а как продолжение истории, в которой мы не участвовали. Наше участие предусмотрено только в неопределенном будущем. Оно не обеспечено, а лишь проблематично, ибо определяется нашими качествами, в которых мы менее всех уверены.

Весь свободный мир одинаково далек от взлелеянной нами в России мечты о неограниченной, но

“правильной” свободе. Оказывается, свобода в этом мире смысляет различие между правильным и неправильным. В первую очередь исчезает различие между правильными и неправильными взглядами, которое казалось нам таким очевидным. Не то, чтобы правильные и неправильные взгляды в чем-то сблизились. Но неравенство между ними исчезло. В свободном мире оказалось достаточным, чтобы какой-нибудь взгляд поддерживался некоторой группой, чтобы его “правильность” автоматически оценивалась пропорционально силе и влиянию этой группы. А как же Истина?

Постепенно наступает и отмирание неравенства между правильными и неправильными действиями. Трудно отличить правильные забастовки, которые ведут к повышению нашего жизненного уровня, от неправильных, которые ведут к дезорганизации нашего хозяйства и общественной жизни. Даже граница между преступлением и заблуждением начала размываться. Недавно английский суд совершенно всерьез рассматривая аргументы двух изуверов, забивших досмерти женщину, чтобы выгнать из нее злых духов. Суд признал это вполне допустимым вариантом идеологического заблуждения. Поведение убийц он квалифицировал как чересчур прямолинейное. Судья, присуждая обвиняемых к трем годам тюрьмы, сказал: “Я вынужден послать вас в тюрьму. Мне не легко. Вы действовали, хотя и ошибочно, но прямолинейно по-христиански и не имели злого намерения. Все же какое-то наказание необходимо, ибо как-никак человеческая жизнь была прервана зверским образом, и это происходило слишком долго, чтобы походить на внезапный порыв”. Действительно, они топтали ее ногами около двух часов, раздавили ей грудную клетку и оскол-

ками ребер многократно проткнули легкие... Урок, который они вынесли из суда, состоит в том, что в следующий раз следует делать это быстрее. Возможно, они сумеют возглавить небольшое движение...

Таким образом мы находим себя на Западе окруженными неправильными людьми, руководимыми неправильными идеями, страдающими от неправильной политики в неправильно организованной общественной системе, где мы обязаны считаться со всем этим, как если бы все это было правильным. В отличие от А. Солженицына, который может себе позволить лишь талантливо разоблачать этот неправильный мир, любой русский выходец в Израиле имеет право и обязанность попытаться его исправить. И тут наступает предел мечтаниям, конец талантам... "Мысль изреченная есть ложь!" А что сказал бы поэт о мысли воплощенной?!

Старикам — пионерам, основателям этого государства — приятно сознавать, что они добились невероятного, но все они признают, что добились не совсем того, чего хотели. Наиболее радикальные среди них утверждают, что это совсем не то. Израильская действительность во многих отношениях напоминает вновь прибывшему энтузиасту анекдот о ветреной жене. В ответ на замечание мужа, вернувшегося после долгой отлучки, что в ней "что-то теперь не то", она отвечает: "Всему городу — то, а тебе — не то?!"

Мысль изреченная не есть ложь, но — дело. Как всякое дело, она несовершенна. И объективно (для всего города) Израиль выглядит очень неплохо. Даже настолько хорошо, что его уже исключили из числа развивающихся стран. Второе или третье место в мире по демократическим свободам, пятое, или там восьмое, место по жизненному уровню, седьмое

место по численности и ударной мощи вооруженных сил... Но это не вдохновляет. Изголодавшаяся по идеалам душа репатрианта и развращенное советским воздержанием воображение пряника равно не готовы удовлетвориться скромной реальностью Израиля. Даже первое место на конкурсе песен и кубок Европы по баскетболу не утолят этой метафизической тоски по выдающемуся. Дайте нам зримые доказательства нашего первородства, и мы, может быть, и согласимся на восьмое место по жизненному уровню (обеспечив седьмое для наших вооруженных сил) !

Как ни странно, такое доказательство есть. Наша уникальность, наше первенство — вне сомнений. Мы не видим их, потому что мы не смотрим.

Израиль представляет собой единственное демократическое общество в мире, которое ставит себе идеологическую цель. Никто не обратил внимания на тот факт, что, вообще говоря, это невозможно. Демократическое, свободное общество, по определению, никаких целей преследовать не может, ибо оно и есть своя собственная цель. Разные группы в таком обществе могут преследовать свои различные цели, но как только одна из них сумеет навязать свои цели обществу в целом, такое общество выходит из свободного мира и отныне называется тоталитарным. Очень скоро его практика оправдывает этот эпитет.

Совершенно не важно, каковы были первоначально эти цели: социализм в России или национализм в Германии, ислам в Иране или культурная революция в Китае. Главное во всех этих случаях, что общественная цель едина и все остальные цели в обществе подчинены этой сверхцели, которая приобретает все менее реалистические очертания. Выра-

жаясь философским языком, телеологическое общество неизбежно становится теократическим. Иными словами, общества, преследующие некую цель вне себя, управляются правилами, происходящими не от общественных потребностей, а от идеологических догм, и людьми, которые связывают свои стремления не с обществом как таковым, а с мерой его согласия с их догмами. Если эта цель религиозная, обществом управляют священники, как это происходит в Иране, но, если цель первоначально и не была связана с религией, она сама превращается в религиозную идею, как марксизм в Советском Союзе или расизм в Германии.

Израиль является теократическим обществом, по крайней мере, по двум признакам: в Израиле нет законодательного отделения религиозного сектора от государственного, и в Израиле нет конституции. Причем она отсутствует не по недосмотру или спешке первых лет, а в сознании того факта, что народу, у которого есть Тора, не нужна конституция. Я добавлю еще и третий, решающий признак: Израиль создан и существует благодаря одной-единственной идеологии — сионизму — и управляется (и может управляться) только сионистскими партиями. Если бы несионистская коммунистическая партия и получила благодаря арабам необходимое число голосов, она все равно без гражданской войны не смогла бы войти в правительство. Итак — идеократическое государство...

Большинство демократически настроенных критиков Израиля формулируют свое возмущение в форме вопросов: "Как это возможно: в демократическом государстве — жить без конституции?" или "Как это можно: терпеть в свободном обществе вмешательство религии в светские дела?" Между

тем, если мы действительно хотим что-то понять в этом случае, мы должны ставить вопросы прямо противоположным образом: "Как случилось, что государство, у которого нет конституции, остается демократическим?" и "Каким образом в теократическом государстве общество может оставаться свободным?" Когда мы сформулируем вопросы именно так, нам станет ясно, что сходство Израиля с другими демократиями — это не более чем иллюзия, порожденная нашей неспособностью увидеть и оценить единичное.

Израиль может быть на втором или еще каком-нибудь месте по осуществлению демократических прав (или, наоборот, на каком-то месте по централизации управления), но это так же не ставит его в один ряд с другими современными обществами, как тот факт, что человек находится, допустим, на четвертом месте среди животных по продолжительности жизни, вовсе не ставит его на четвертое место в животном мире. Так же как и тот факт, что Израиль занимает чуть ли не первое место в мире по милитаризации населения и экономики, не делает его милитаристским государством. Это на собственном опыте знает каждый израильский гражданин. Израиль — первое в мире, и пока единственное, теократическое государство, в котором соблюдаются и охраняются права человека.

Мы живем в эпоху постепенного преобладания тоталитарных, теократических систем во всем неевропейском (а может быть, скоро и в европейском?) мире. В эпоху, когда экономическое процветание западных демократий уже не заглушает со-сущего чувства бесцельности существования, охватывающего секуляризованные общественные группы. Демократические общества живут, чтобы жить.

Они развиваются вовсе не потому, что ставят себе такую цель. И жизненный уровень их граждан повышается не в ответ на требования справедливости. Растет ли это благополучие или убывает, всегда находится множество общественных групп и отдельных граждан, готовых разрушить все здание ради какой-нибудь зажигательной идеи. К счастью для всех, у большинства сытое брюхо к идеологическим учениям глухо. Но надолго спокойствие не обеспечено нигде.

Израиль — идеологическое государство. Это пока единственное в мире идеологическое государство, в котором идеология не пожирает своих последователей.

В одном из своих выступлений в защиту православной автократии в России А. Солженицын привел Израиль как пример религиозного государства, в котором тем не менее нет ущемления человеческой свободы и ограничения прав. "Религиозное государство, — сказал он, — вовсе не обязательно означает тоталитарный режим". На первый взгляд это кажется верным. Но давайте представим себе, что все это происходило бы лет семьдесят назад. Разве не с тем же правом Вл. Ленин указывал бы нам сейчас на Израиль, как страну, доказавшую, что социализм вовсе не означает разбой и убийство? Он мог бы сказать, что "из этого частного примера мы можем заключить о возможности социализма с человеческим лицом". Мы все немало посмеялись в свое время над этой формулировкой, содержащей в себе свое отрицание. Но такой социализм в самом деле существует в Израиле, и, что бы о нем ни думать, невозможно отрицать, что у него, в общем, человеческое лицо.

То, что вдохновило Солженицына в Израиле, про-

тиворечит нашей обычной логике. То, что вдохновило бы Ленина семьдесят лет назад, противоречит также и всему нашему жизненному опыту. То, что происходит в Израиле, не случается больше нигде. И никаких других примеров ни Солженицыну, ни Ленину привести бы не удалось. То, что не имеет прецедентов, является исключением, а не правилом.

Единичный случай, исключение, всегда бросает новый луч понимания на общее правило. Если случилось так в мире, что страна без конституции вполне демократична, следует задуматься: в конституции ли тут дело? А уж тогда вспомним, что и на родине демократии, в Англии, с конституцией дело обстоит неважно (она была принята во времена Войны Алой и Белой Розы, то есть, кажется, в XIII веке), да и Сталинская конституция была не худшая в мире — а что толку? Если в нашем теократическом государстве общество пока остается свободным, следует задать вопрос: **а почему оно не бывает свободным в других идеократических государствах?**

Я боюсь, что мой ответ огорчит равно и сторонников, и противников идеологического государства, и оттяну его еще на полстраницы.

Теоретически может быть только два ответа. Либо господствующие идеологии других обществ почему-то не позволяют свободы, то есть сам характер их религий препятствует свободе личности. Мусульманство, допустим, хуже христианства. Католичество жестче протестантизма. Но тогда пришлось бы признать, что почти все идеологии препятствуют свободе, ибо можно набрать много соответствующих примеров для каждой из них. И тогда напрашивается противоположный ответ, состоящий в том, что сами эти общества неспособны к свободе, то есть характер их членов препятствует осуществле-

нию ими свободы при любой мыслимой идеологии. Так что ничего удивительного нет в том, что Свободное Государство Ирландия остается полуфашистским, несмотря на свое название и демократическую конституцию, а Объединенное Королевство свободно, вопреки своему аристократизму и отсутствию конституции. Однако и это ведь не все. Существует еще такая вещь, как взаимодействие идеологии со своими носителями. Любой народ и любая группа неизбежно деформируют идеологию, которая становится их собственной. Башмак всегда стопчется по ноге.

Теперь я действительно приближаюсь к ответу. Мы живем в такое время, когда любая идея имеет шанс осуществиться и любая группа людей имеет шанс основать новое общество. В наше время нет сомнения, что именно сознание определяет бытие. Так как это по преимуществу массовое сознание, нет сомнений также и в том, что из всех возможных идей оно выбирает наихудшие. Массы во всем мире так трактуют теории, идеологии и религиозные системы, что и самые невинные идеи оказываются безумными руководствами к действию. Идея христианского братства не обязательно должна была привести патера Джонса в Гвиане к массовому убийству. Возможно, и национализм немцев или турок содержал что-нибудь еще, кроме кровожадности. Даже оголодавший призрак коммунизма не был так страшен, пока он еще бродил только по Европе и не забрел в Азию. Может ли быть что-нибудь более безобидное, чем пластиковый мешок для упаковки овощей? Все ли знают, что десятки тысяч людей (детей по преимуществу) были убиты красными кхмерами в Камбодже, удушенные с помощью обыкновенных торговых пластиковых

! пакетов, надетых на голову? Будем ли мы винить марксизм в этом преступлении или изобретателя пластиковых пакетов? Башмак стаптывается по ноге. Марксистский сапог и националистические лапти равно не в силах скрыть хамские копыта, особенно если они подкованы железом.

Историческая удача сионизма, везение и благословение состоят в том, что в течение многих лет он был движением меньшинства. Как и еврейство в целом, сионизм испытывал на себе благотворное влияние селекции, порожденной трудностями. Быть сионистом было так трудно, что процент отсева иммигрантов, вызывающий гнев Сохнута сегодня, показался бы замечательным успехом идеологии для знаменитой Второй алии, основательницы и вдохновительницы Еврейского Государства. Триста воинов оставил Гидеон из всего своего войска, чтобы справиться с десятитысячным врагом. Это и есть принцип, который спасал и облагораживал сионизм как идеологию, вплоть до образования государства. Какие бы достоинства у этой идеологии ни были, не они возвысили до самостоятельного существования в истории людей, положивших начало еврейскому заселению Палестины. Напротив, люди эти своим героическим служением возвысили свою идеологию от банального национализма, столь общего многим народам в конце девятнадцатого века, до уникального мессианского движения, имеющего всемирное значение.

Тридцать лет затем не было отбора в этом обществе. Тридцать лет после провозглашения государства любой еврей мог сюда приехать и выкомаривать здесь что хотел, по мере понятия своего. Тридцать лет все твердили, что мы такой же народ, как все, и только причудливые люди в старомодных костюмах

что-то говорили об избранности, в каком-то невнятном смысле. Тридцать лет было не принято напоминать о Долге, об Идеологии, о Высших ценностях. Может быть, потому, что эти ценности еще сохранялись среди членов общества, построенного на жестком отборе? Может быть, потому, что результаты отбора еще не успели раствориться.

Я не знаю, можно ли назвать сионизм религией, но несомненно, что это вера. Т. Герцль, Х. Вейцман и другие сионисты с международным признанием так красноречиво доказывали всему миру, что мы — такой же народ, как все, что — не мир, конечно, но многие из нас — в это поверили: Жаботинский потратил такую бездну таланта, чтобы убедить нас в нашей заурядности, что и возражать как-то неудобно. Советские власти так упорно доказывали, что евреи — не народ, что доказать обратное было просто необходимо. Немцы так последовательно уничтожали евреев, как вредную расу, что многие поверили также и в то, что мы раса. Но я подозреваю, что оболочка национализма, которую принимает сионизм в писаниях своих идеологов и оправдательных речах израильского представителя в ООН, есть всего лишь весьма понятная психологическая защита от ужаса своей уникальности. Так Иона, услышав Глас небесный, повелевший ему пророчествовать, "встал и побежал от лица Господня", ибо ничего хорошего для себя не предвидел от этой почетной миссии. Так сионистские политики и публицисты прячутся от ответственности и самих себя, выдумывая свой национализм или социализм, лишь бы не признать единственность и универсальное значение своего движения. В самом деле, не может же уважаемый господин, скажем Аба Эвен, хорошо принятый среди других уважаемых господ, скажем

Ф. Миттерана и Б. Крайского, вдруг после пения Интернационала встать и заявить, что он верует, будто Бог избрал нас и заповедал заселить Святую Землю, что наконец исполнились сроки древних пророчеств и именно на этой земле окажется возможным все то, о чем тысячелетиями тщетно мечтало человечество, каковую мечту, кстати, означенные Ф. Миттеран и Б. Крайский незаконно узурпируют под названием социализма. Да если бы он и смог, его бы немедленно в психушку увезли! Его собственные товарищи по партии. Но, по зрелом размышлении, чем еще отличается Аба Эвен от Бруно Крайского? Действительно ли они принадлежат к одному народу? Несомненно. Принадлежат ли они к одному движению? Возможно. Но важнее всего, что они — разной веры. И эта вера создает между ними непроходимую пропасть.

Вера, что еврейский народ избран и призван, вера в то, что, если евреи создадут свое государство, это будет государство особое — светоч для народов, вера в то, что, если это случится, мир переменится, эта вера так близка к народной вере, что непонятно, почему сионизм долгое время считался светским движением. Это несомненно было связано с некоторой идеологической застенчивостью. Социалисты тридцать лет предпочитали говорить, как их европейские коллеги, — полусшепотом.

М. Бегин стал первым политиком в Израиле, который позволил себе говорить на международном уровне как власть имеющий. Он воспользовался мессианской потенцией сионизма и неожиданно для всех преуспел в своем народе. Тридцать лет этой жажде не было никакого утоления. Народ ухватился за знакомую от дедов идею избранности, как утопающий хватается за соломинку.

Народ, занесенный сюда ветром погромов, согнанный преследованиями, укrywшийся от конкуренции в жестоких демократических странах, — это был уже не тот народ, который может обогатить и украсить идеологию. Этот народ хотел, чтобы его наставляли и воспитывали. Он не был готов к свободе. Его угнетали вседозволенность и всепрощение. Народ, набежавший из самых глухих углов цивилизованного мира, учившийся демократии у турков и румын, русских и берберов, вряд ли обнаружит демократический дух и самодисциплину. Такой народ нуждается в основаниях для самоуважения. Он в восторге ухватился за идею, льстящую его самолюбия. Может быть, он даже готов ради этого самолюбия на некоторые жертвы.

Мы поистине посетили сей мир в его роковые минуты. Мы увидим реальный выбор. До сих пор естественный отбор поддерживал нашу избранность. Теперь мы увидим, может ли идея избранности привести к поддержанию правильного отбора. Теперь мы увидим, содержала ли сионистская идея онтологическое зерно, способное укорениться в действительности.

Сионизм впервые стал идеей большинства. Чтобы доказать свою избранность, еврейский народ должен показать теперь, что именно в большинстве он далек от общего хамства. Сионизм имеет возможность руководить большинством и показать, что это руководство способно привести к отличным от других идеологий результатам. Наше будущее не обеспечено. Наша группа — русские евреи — не самая демократическая в израильском обществе. Но — самая неопытная. Наше участие неминуемо. Наша роль еще не предрешена. Каждый из нас будет ее

импровизировать. Из суммы этих ролей сложится будущий облик Израиля.

Из суммы наших поражений может сложиться его будущее поражение.

В МИРЕ НЕТ ЦЕНТРА

Сопоставление Израиля и Европы действительно ставит перед нами проблему.

Мы все были воспитаны на Европе, на европейской культуре. Русская культура, на которой мы выросли, вся пронизана ностальгическим чувством по Европе, она все время тоскует по Европе, она вся построена на европейских реминисценциях. Не было ни одного по-настоящему плодотворного русского писателя — от Гоголя до Толстого и Достоевского, — который бы многократно не путешествовал по Европе, не любил ее, не говорил на многих языках, не читал бы непрерывно европейскую литературу. В России, в тюрьме, мне достался томик Пушкина — “Незавершенное и незаконченное”. Все это “незавершенное” было полно его заметок, где он писал: хорошо бы написать русского Вальсингама, русского Тернера. Он все время словно бы пытался “переводить Европу” на русский язык.

Поэтому у меня нет сомнений, что Европа должна быть нами немедленно узнана и с улыбкой встре-

Впервые опубликовано в “22”, № 2, 1978, как реплика в дискуссии “Где наш дом?”

чена. Более того, сразу возникает такое ощущение, что это наше родное. Это первое ощущение. Когда я увидел Лондон, я ощутил, что это Диккенс. Когда я увидел Париж, я был счастлив, — это Бальзак, Стендаль, Дюма. Это так знакомо. И Рим...

Но как раз Рим дал мне очень характерное переживание. В Риме, сопоставляя невероятную красоту Рима классического, — Форум, Колизей, — с Римом современным, я пришел к мысли, которую затем начал постепенно расковыривать. И тогда я по-настоящему увидел, мне кажется, то, что характерно для всей Европы. Рим — это разрушенный город, населенный... обезьянами. Это, разумеется, грубое преувеличение, но я сознательно делаю такое преувеличение. В Риме нет ни одного здания, которое было бы отремонтировано. Там нет ни одного здания, построенного позже 18 века, которое выглядело бы хоть чуть лучше безобразного. Нет ни одной стены, которая не была бы загрязнена фашистскими знаками и серпами и молотами. Рим — это чудовищное безобразие, которое нагромождено на поразительную красоту.

Прекрасна Флоренция. Но это опять же относится к Флоренции до 18 века. А ее окружают жуткие современные здания. Как только выходишь за пределы старинной Флоренции, начинаются Черемушки, которые мы хорошо знаем по Кирьят-Гату, — только в Кирьят-Гате, еще есть такое безобразие. Я был в Венеции. Потрясающая маленькая Венеция, где гуляют туристы, а вокруг — не менее потрясающая своим убожеством современная архитектура.

Я встречал итальянских интеллектуалов. Они, конечно, существуют, но они ничуть не лучше американских, они, пожалуй, выглядят даже провинциальнее. Поэтому тот факт, что древний Рим на несколь-

ко голов выше Нью-Йорка, совершенно ничего не значит для современной итальянской культуры. Она вовсе не оказывается от этого автоматически на несколько голов выше американской. Это означает, боюсь, что она — не на уровне своего Рима.

Я хочу рассказать еще об одном впечатлении. Меня привели в очень интересный римский квартал, где архитектура меня особенно поразила своим необычайным уродством. Я спросил: "Что это? Что это за ужас?" И мне сказали: "Это попытка величия". Во времена Муссолини было провозглашено, что отныне Италия начинает времена новой классики. Были вложены серьезные усилия и деньги, приложены большие старания, — но возрождения классики все равно не получилось.

А потом я побывал во Франции, и снова главное, что меня поразило, — это расхождение между Францией, принадлежащей сегодняшним французам, и Францией, принадлежащей нам, русским евреям, то есть той Францией, которую мы помним по романам Золя, Дюма, Бальзака. "Наца" Франция — прекрасна, великолепно, но это не подлинная сегодняшняя Франция. Один из французских знакомых сказал мне: "Вы гуляете по бульварам, по набережным Сены, но вы не знаете настоящей Франции. Пойдите на могилу Наполеона, и вы увидите сердце Франции. Вот если вы сумеете пережить это, — тогда вы поймете Францию". Я пошел на могилу. И я должен сказать, — после этого я понял, что я действительно Францию не знаю. Эта гробница, — я настаиваю на этом, — созвучна тому пафосу, который я увидел в муссолиниевском квартале. Это ложный пафос, это могучий мрамор, это невероятная пышность, это памятник побед, которых у Франции нет. Это памя-

ник комплексу неполноценности. И без понимания этого сокровенного нельзя говорить о Европе.

Европа очаровательна. Это самое удобное место для жизни на земле. Бродя по Америке, — а это одна из самых комфортабельных, самых красивых, самых природно богатых стран в мире, — я все время ощущал, что Европа все равно гораздо уютнее для нас, потому что мы по природе европейцы, таково уж наше воспитание. Она уютнее, она очаровательнее. И все, что в Америке хорошо, — заимствовано у Европы, только богаче и больше. И все же я хочу спросить: почему нам не быть честными с собой и не сказать, — что хорошо, то хорошо, но что есть, то есть? А есть у сегодняшней Европы этот сокровенный комплекс неполноценности. Она чувствует, что умирает, не будучи в силах освоить собственную культуру. Она чувствует и знает это свое бессилие. И настоящая проблема для Европы, — такая же, кстати, как и для нас, — как выбрать путь, чтобы оказаться на уровне своих предков?

Я обошел множество галерей в Париже; Париж — это ведь центр мировой живописи! Я не говорю о Лувре, потому что Лувр — это не сегодняшняя Франция, это ее прошлое. Так вот, я обошел множество современных галерей и боюсь, что вероятность встретить талантливое, оригинальное полотно там ничуть не выше, чем в Тель-Авиве, Иерусалиме или Цфате. И дело не в том, что талантливые люди всюду редки. Дело еще и в том, что весь мир сегодня следует за небоскребами Америки. И если какие-то израильские бумагомаратели следуют за Парижем, а другие — прямо за Нью-Йорком — это уже не важно. Важно, что они не следуют за велениями собственной души, и это — проблема всего мира.

Европа — или, во всяком случае, та Европа, с

которой нам имеет смысл общаться, для которой у нас открыты сердца и о которой мы всерьез можем говорить в духовных терминах, решает сегодня свою проблему, которая не менее тяжела, чем проблема Израиля. Потому что и перед ними, и перед нами действительно стоит эта главная проблема: приспособиться к американским стандартам или найти в себе силы оживить свою культуру. Хорошо, забудем слишком высокое слово "оживить"! Создать новую культуру. Ладно, забудем и это слово — "создать". Ну, хоть сохранить старую культуру. Что-нибудь! Но одно из двух: либо продолжать культурное творчество, либо приспособиться к американским университетам. Такова реальная альтернатива. Сегодня миром правит Америка, а не Париж или Венеция. И Америка покупает Венецию и платит Парижу для того, чтобы они существовали. А потуги де Голля создать великую Францию выглядят точно так же, как могила Наполеона: смешно.

После того, как я побывал в Европе, я ощутил настоящее уважение к двум другим странам, о которых я раньше меньше думал, — к Голландии и Англии. К Голландии и Англии, которые совершают действительно героические культурные усилия. Англия, которая потеряла мировую империю, которая полностью лишилась всего, что поддерживало ее культуру, сейчас борется за то, чтобы обжить и сохранить культуру, которую она имеет, сегодняшнюю культуру, которая, впрочем, никакого отношения не имеет ни к Уфицци, ни к собору Парижской богородицы. Но зато — это живая культура. И я вижу, что Англия испытывает в этом вопросе те же трудности, что Израиль, — недостаток средств, недостаток кадров. Я видел знаменитого ученого, который встречал меня в таких обтрепанных брю-

ках, что у меня сердце сжалось — такой бедности я не видел даже в России! — и который не соглашается на приглашения Принстона, Гарварда и тому подобных американских университетов, потому что он хочет, чтобы в его Оксфорде был Оксфорд. И таких много. Почему бы и нам не подумать об этом? Все мы — вчерашние жители Шепетовки. А сегодня мы уже вдруг на меньшее, чем Париж или Гарвард, не согласны. Но неужели нам действительно должно принадлежать все самое лучшее? И наши жены должны быть непременно самые лучшие в мире? И наши города должны быть только самыми красивыми? А что, наши родители — самые умные и добрые люди на свете? А если у меня родители не самые лучшие в мире, — так что, может, это причина сменить родителей? Может, мне назваться другим именем или фамилией? А разве не стоял перед нами этот вопрос — перестать быть евреями? Мы имели время решить этот вопрос. Мы его решили — и вот мы здесь. Так что, опять начнем его перерешивать, потому что в Гарварде лучше университет?

Когда я в России решал для себя вопрос, куда я поеду, я решил поехать в Израиль. Если через пять веков здесь кто-то будет жить, и учиться в еврейском Гарварде, и наслаждаться еврейской галереей Уфицци, в этом будет мой вклад. Но если бы я поехал во Флоренцию и прожил там хотя бы еще миллион лет, галерея Уфицци все равно никогда бы не стала моей. В этом вся разница. Израильский художник, который здесь что-то создаст, создаст это отчасти за мой счет. Это и есть наш историко-культурный шанс.

У нас, у евреев, развилась за столетия какая-то необычайно высокая культура беззастенчивого гостевания. Мы так хорошо умеем гостить в чужих

домах! Мы такие самые замечательные в мире гости! Постыдимся... Мы — дети своих родителей, и мы должны уважать их за то, что они наши родители, и этого достаточно. Мы живем в этих городах, и нам нужно украшать эти города, потому что мы в них живем. Нам принадлежит эта культура, и мы должны ее создавать, потому что она нам принадлежит. Мы создаем эту культуру, и она хороша только потому, что она — наша. Это не такая великая культура, какую мы можем потребить в Европе. Верно, но ведь — только потребить! Не мы создали европейскую культуру, не мы наследники этой культуры, мы — всего лишь ее потребители. Вообще говоря, потреблять — это тоже не стыдно. Я знаю человека, который говорит: "Почему считается, что талант обязательно должен состоять в творчестве, в созидании? А вот я, например, могу талантливо потреблять, могу гениально наслаждаться искусством". Пожалуй, в этом есть свой смысл, — для потребителей, для туристов. Но, если мы говорим в подлинно духовных терминах, в терминах созидания, употребляя слово "творчество", давайте не забывать, что потребитель и творец — это разные типы личностей и отношения к жизни. Иначе мы скатимся к тому, что вся наша нация, весь Израиль может превратиться в такого потребителя, — во всем. Если же мы хотим творить, то тут все однозначно: всякий, кто создает, не может создать ничего иного, кроме своего. Он создает только свое. А это свое затем уже войдет в культуру или нет. Если оно подлинно "свое", то войдет, а если оно чужое — оно исчезнет. Перед нами нет такого выбора — строить небоскребы или Колизей. Мы все равно никогда не построим Колизей. Это уже было, это принадлежит другим. Небоскребы у нас есть шанс построить, но они не будут

выражать нашу культуру, это просто техническая наша потребность, вот и все. Что создаст еврейский народ и что он создаст в Израиле, — смешно это предугадывать. Есть, например, такой еврейский художник как Иоси Розенштейн. Он наложил на себя религиозные ограничения, — он не рисует лиц. Но я не уверен, что для его творчества это было ограничение. Ибо его картины по-своему прекрасны. И вот противоположный, но в каком-то смысле смыкающийся случай — Йосл Бергнер, который всю человеческую трагедию изображает в виде бредущих в пустыне, распятых или смертельно уставших терок. У него это не религиозное ограничение, а ощущение, которое идет изнутри. Это именно то, о чем я говорил, — что для человека, в сущности, главная — и уже достаточная — задача в жизни: быть достойным своих родителей, не предать их, не забыть, не снискать, — и этого достаточно. Терки Бергнера — это еврейский быт, еврейская мелкость жизненных истоков, возведенная в лирическую тему, в эстетику. И оказывается, что эта эстетика — та же, что в железных людях Розенштейна. Может быть, в этом и есть наш особый путь?

Когда мне говорят, что этот особый путь неизбежно связан с религией, а наша религия может снова увести нас с исторического пути и мы опять исчезнем из истории материальной культуры, я могу ответить лишь одно: если в душе есть достаточное мужество и силы задать себе такой вопрос, то это уже залог, что мы не исчезнем. Если же этих сил на самом деле нет, — что ж, значит, такова наша судьба. Однако в любом случае смешно об этом гадать. Если перебежать в Европу, — от этого разве станет лучше? Или, может быть, нам отвергнуть на этом основании нашу религию? Но тому, кто ею насквозь

пронизан, предлагать это бессмысленно, он ее не отвергнет. А тому, кто от нее далеко, — хорошо бы, прежде, чем отвергнуть, — познать. Тогда, быть может, он увидит и другую сторону проблемы. Сегодня во всем мире культура строится, — точнее, ее пытаются строить, — в условиях распада религиозного сознания, отсутствия абсолютных ценностей. Я боюсь, что в этих условиях построение подлинной культуры вообще невозможно. Я не верю, что может существовать безрелигиозная культура. И в этом смысле у евреев есть даже преимущество перед Европой и остальным миром, ибо их религия не может быть просто “отброшена”, она составляет часть их национальной жизни. У меня нет никаких сомнений в полезности религии в жизни и культуре еврейского народа. Я отношусь положительно к религиозности израильского общества. Другое дело, что я не знаю, где мера этой полезности, и я вовсе не готов менять свой образ жизни или голосовать за изменение нашего образа жизни, — но я просто уверен, что такие вопросы не решаются голосованием. Эта мера создается практикой.

В одной из своих статей М. Агурский очень точно определил нашу распространенную болезнь, как стремление евреев во всем мире к некоей “центральности”. За это евреев, собственно, и не любят. Они все время пытаются пролезть поближе к “центру событий”. В любом месте, на любом уровне, в любой профессии евреи рвутся к эпицентру землетрясения. (Не есть ли это просто другая формулировка все того же еврейского карьеризма, который гонит нас в столицы?) Им всегда кажется, что где-то там “центр”, где-то “там” создается культура, а они, в Израиле — о ужас! — живут в провинции, на периферии событий... Я очень много ездил, я общался

с людьми, и я понял, что в мире нет центра. Этим и характерен западный мир: в нем нет центра. Амстердам — это центр для голландцев, замечательное место, потрясающее место, но это ни в какой мере не центр ни для англичан, ни для французов, ни для итальянцев. И хотя Нью-Йорк сегодня — в каком-то смысле центр мира, но Париж для французов важнее Нью-Йорка. Сол Беллоу как-то сказал, что: Париж в культурном смысле несколько не выше Буэнос-Айреса, но для французов — это их уровень, их центр. И в этом плане Тель-Авив и Иерусалим — ничуть не меньшие "центры". Более того, мне кажется, что некоторая чуткость позволила бы нам заметить, что в каком-то еще более глубоком смысле подлинный центр мира действительно находится здесь, — не только для нас, евреев, но и для всех.

Это утверждение не имеет ничего общего с попыткой приписать нам, евреям, дополнительный аристократизм. Напротив, я чувствую себя плебеем и вполне этим удовлетворен. Более того, я уверен, что это мое плебейство дает мне возможность крепко стоять на ногах. Мои предки — плебеи, которые никогда не жили за счет того, что им оставили их предки. Они приспособивались к тому, что есть, и строили из того, что оказывалось под рукой. И при этом они умудрялись не только как-то жить, но еще и иметь богатую духовную жизнь. Я убежден, что такое ощущение себя плебеем в каком-то смысле ближе к европейскому аристократизму, чем повышенный "еврейский аристократизм" многих наших соплеменников. Потому что, насколько я понимаю европейскую культуру, она построена на четком сословном различии и сословной памяти: плебей помнит, что он сын плебея, аристократ помнит, что он сын аристократа. И вот нам нужно помнить не

только, что мы лично плебеи, но и то, что евреям предназначена особая роль в мире.

Разговор о "центральности" Израиля имеет и иной, более глубокий смысл. Дело в том, что Европа и европейская культура были созданы деспотизмом и поддерживались до тех пор, пока традиция этого деспотизма сохранялась. Сейчас она переживает кризис, который ставит перед ней — и всеми нами — проблему: может ли вообще существовать демократическая культура? Европейская культура потому в такой сильной степени оказывается зависимой от американизма, что американское общество — это единственное в мире общество, которое знает только демократическую традицию.

Действительная проблема, перед которой стоит Европа, состоит в том, что психологически и идеологически она не уверена, что может продолжать и создавать свою, оригинальную культуру без деспотического давления, без тиранического произвола. Когда же она что-то создает, это оказывается, в конце концов, какими-то американскими копиями. И неважно, кто у кого украл, — важно, что уровень все равно невысок. Демократическая культура, потому ли, что она молода в Америке, или потому, что она еще не нашла себя в Европе, — в значительной степени сера и посредственна. Тут кроется настоящая проблема и трагедия. Ибо пока что американская демократическая культура, в основном, оказалась способной создать только массовую продукцию, одинаково серую — в полном соответствии с принципами общества "одинаковых возможностей".

И вот тут-то для нас, для Израиля, открывается перспектива. Она открывается потому, что наше общество традиционно демократично. Наше общество демократично не только сейчас, — оно в каком-

то отношении было демократично всегда; в каком-то отнюдь не в современном смысле; но во всяком случае оно никогда не выжимало из индивидуума соки, чтобы создать какую-нибудь пирамиду или вообще "Вещь". Более того, — творчество, в которое ушли силы еврейского народа, "Слово", тоже не выжималось под давлением. Это не был результат тирании или какого-либо целенаправленного насилия, целенаправленной воли. Так вот, сегодня перед миром возникает вопрос: может ли культура выжить при современных условиях, действительно ли она обладает внутренней потенцией? И в этом отношении, я бы сказал, еврейство, Израиль — равновелики Европе. Потому что наши шансы создать демократическую культуру не меньше, чем шансы Европы. Я не знаю, — может быть, наследие евреев даже более адекватно решаемой сегодня задаче, чем наследственная культура европейцев. И тогда именно Израиль может оказаться в "центре" современного культурного эксперимента.

Тут следует кое-что уточнить. Конечно, европейская культура, о которой мы говорим, создавалась до 18 века; начиная с 18 века, она, скорее, разрушается, — это хорошо известно культурологам, тем же Шпенглерам и Тойнби. Начиная с 18 века происходит внедрение этой культуры (в популярном изложении) в быт, — это само по себе прекрасно, но до нового развития здесь далеко. Нам, советским евреям, это легко понять на собственном примере: русская дореволюционная культура создала такой багаж, который и при его разрушении, после 1917 года, дал поразительный, гениальный всплеск, во многом оплодотворивший мировую культуру. Иными словами, акт разрушения традиционной культуры, созданной деспотизмом, тоже является творчес-

ким, культурным актом. Когда, например, Маяковский выступает и сбрасывает Пушкина с парохода современности, это есть творческий акт. Но когда он его уже сбросил, — выясняется, что сбрасывать Маяковского уже не интересно. Следующего акта нет. И не случайно у Маяковского нет ни одного продолжателя. Так что же дальше? И вот начинаются поиски и блуждания, которые становятся с каждым десятилетием все лихорадочнее. Это бросается в глаза — в современной живописи, в кино, в литературе, — людям совершенно непонятно, что делать дальше. Это действительно проблема — и проблема для всего мира. Деспотический путь создания культуры, характерный для Европы и России, неминуемо приводит к этапу ее отрицания. Но оказывается, что дальше — тупик. Оказывается, что когда уже сбросишь Пушкина с парохода современности, то выясняется, что гораздо более перспективна та линия, на которой вообще с пароходов не сбрасывают. Вот почему я сказал и повторяю, что евреи, Израиль в этом отношении равновелики Европе. Для нас это тоже проблема, мы в этом смысле современники этих поисков, и если у нас хватит творческих сил опереться на себя, внутри себя, — как Розенштейн, как Бергнер, — а не хвататься за чужие традиции, не исключено, что мы опередим Европу...

РУССКАЯ АЛИЯ И ИЗРАИЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Термин "культура" — одно из самых неопределенных и одновременно эмоционально значимых слов в языке, и, начиная разговор на эту тему, я предвижу множество споров, которые возникнут просто потому, что их участники не определяют понятий (да их и трудно точно определить) и потому не понимают друг друга. Ни одна группа не признает свою культуру ниже других и потому обычно придает термину "культура" выгодное для себя значение, так что все участники спора оказываются и правы, и неправы одновременно, в зависимости от принятой терминологии.

Существует, однако, по крайней мере, две причины, по которым такой разговор нужен и нужен именно сейчас. Первая причина сводится к тому факту, что в русской алии (хотим мы этого или нет, просто по логике событий) лидирует и чем дальше, тем очевидней, интеллигентская группа, профессионально и по воспитанию связанная с русской куль-

Впервые опубликовано в "Сион" № 20, 1977 г. в дискуссии, посвященной культурным взаимодействиям в Израиле.

турой и в Израиле испытывающая значительные трудности абсорбции, отражающиеся на настроении весьма широких слоев. Что бы мы ни думали и ни говорили на эту тему, мы не можем изменить того, что именно их представления о событиях и жизни в Израиле определяют настроение основной группы евреев в России и их отношение к ключевым вопросам.

Вторая, менее очевидная причина, сводится к тому, что израильская культура во многих отношениях еще не сложилась и испытывает громадное влияние со стороны современных обществ Запада, так что любой конструктивный вклад в нее имеет значение для ее будущего. Мы, как общество, находимся, так сказать, в "импринтном"* возрасте, в котором любое влияние оказывает глубокое и долговременное воздействие.

Для практических целей этого обсуждения разделим условно еврейскую культуру на два этажа. На верхний этаж поместим те области культуры и традиции, которые оказываются общими у всех евреев в мире и которые, собственно, объединяют и формируют евреев как народ. Ясно, что сюда войдет религия, духовная традиция, древняя литература и несколько тысяч лет истории, понимаемой как единый процесс, вопреки фактической разобщенности отдельных общин. Никто не может объявить себя исключительным наследником этого духовного богатства, так же как никто не может в современных условиях жить исключительно на этом уровне. Даже группа религиозных ортодок-

* Импринтинг (биол.) — явление особо сильного запечатления младенческим сознанием предъявленных ему образов.

сов вынуждена время от времени опускаться с этой высоты к практической жизни, которая не совсем безразлична для духа. Наша история, по-видимому, не случайно включает тысячелетия жизни в диаспоре, так что все мы являемся в то же время носителями также второй, более поздней, более быстрой и шире употребляемой культуры, которая проявляется в нашей общественной жизни, взаимоотношениях друг с другом, отношении к труду и профессии, системе житейских предпочтений и бытовом языке. Эти "житейские мелочи" в значительной мере определяющие наш образ жизни, составляют весьма обширный нижний этаж культуры, который различен для евреев разного происхождения и, вообще говоря, находится в разном соотношении с верхним этажом для разных социальных и этнических групп.

Исконно еврейское стремление к единству требует от нас жизни в верхнем этаже или, по крайней мере, постоянного мысленного присутствия там; современная жизнь постоянно разрушает лестницу между этажами и сосредоточивает все силы личности на достижении целей, лежащих целиком в плоскости нижнего этажа. Этот житейский факт разделяет евреев и может быть преодолен разными способами.

Общепринятый в Израиле способ состоит в том, что все силы сосредоточиваются на объединении всех евреев в одном из "отсеков" нижнего этажа, — а именно в том, который традиционно считается "наиболее близким" к верхнему из-за использования в нем языка иврит, связывающего современность с историей. На этом пути были достигнуты феноменальные успехи, благодаря которым только и оказалось возможным существование еврейского государства. Но после образования государства,

когда этот вопрос уже не является вопросом выживания и живое существование иврита обеспечено существованием Израиля, становятся видны также и недостатки этого пути. В основном они сводятся к тому, что, поскольку для остальных групп евреев культура на иврите является заимствованной, они искусственно задерживаются на весьма элементарном уровне (газета, телевизор), который давно казался им пройденным этапом в их собственном культурном кругу. Таким образом, за право выйти за пределы "своей" культурной группы, своего "отсека" в соседний они платят фактическим отказом от освоения высших ценностей, которые, возможно, более надежно связывали бы их с еврейским народом и его историей. Они оказываются в культурном вакууме, который часто воспринимают как недостаток израильской культуры, а не своего положения в этой культуре.

Сколько бы мы ни превозносили израильскую культуру, это не даст нам никакой реальной возможности ее по-настоящему потреблять и, тем более, творчески в ней участвовать, если мы не разработаем своего собственного пути от нашего "нижнего" этажа к общему "верхнему".

Следовательно, альтернативный способ еврейской жизни (принятый, кстати говоря, повсюду в диаспоре) состоит в разработке современных концепций, связывающих "нижний этаж" конкретной современной культуры данной группы евреев с вечными общеврейскими ценностями "верхнего этажа". В странах с богатой еврейской жизнью фактически существовала такая еврейско-английская, еврейско-немецкая и еврейско-русская культура. Наша специфическая трудность состоит только в том, что уже почти пять-

десять лет нашей, еврейско-русской культуры не существует. Только это ставит нас в неравное положение с остальными евреями и вызывает множество недоразумений. Ведь в отношении еврейско-английской, например, культуры такой спор не мог бы существовать просто потому, что никто не стал бы всерьез обсуждать существовать ли Солу Беллоу, Аврааму Гешелю и Эмилю Факенхайму. И американскому еврею никто не решится всерьез посоветовать отказаться от английского языка и своей культуры и вместо этого изучать газету на иврит-кала. Разумеется, он будет учить иврит и читать газету, но не станет возводить это занятие в ранг идеологии.

Не будем забывать, что люди в основном читают отнюдь не то, что "полезно", "важно" или "правильно". Они читают то, что им интересно, и с этим ничего не поделаешь. Это значит, что все усилия по пропаганде культуры, иудейских традиций и иврита пропадают даром, если они не основываются на соответствующей русской культурной традиции и не поддержаны людьми, для которых традиция является областью творчества и которые знают, как и что можно сделать интересным для русскоязычного читателя, безразличного к идеологии.

Поэтому русскоязычная литература в Израиле может быть полезной только, если она является живой, развивающейся отраслью культуры. Русской ли культуры? Еврейской? Это вопрос, который гораздо меньше занимает создателей этой культуры, чем ее потребителей и особенно истребителей. Но только существование такой "своей" культуры (а она может существовать лишь в Израиле), которая фактически имеется у всех прочих групп евреев (но ни у кого более не вызывает такие горячие споры), может дать русским евреям и полноценную еврей-

скую жизнь, и нормальную абсорбцию, и чувство уверенности и самооценности среди других групп израильтян. Русские евреи в Израиле ощущают свою культурную и психологическую общность, но благодаря бедности собственных культурных проявлений и своеобразной идеологической неуверенности воспринимают эту общность чуть ли не со стыдом. Почти каждый из нас будет доказывать, что у него много друзей среди ватиков и сабров, что он даже устал от русских олим с их комплексами... Но прислушайтесь! Не похоже ли это на Россию, где мы еще совсем недавно доказывали, что отнюдь не все наши друзья — евреи.

История все время задает нам задачи, и мы не имеем права от них уклониться. Если в России живет столько же евреев, сколько в Израиле, и мы пришли в этот мир единственными свидетелями того мира (за железным занавесом), то История не позволит нам все это забыть и стать здесь "такими, как все". Это значит, что Израилю суждено впитать и усвоить все, что было ценного не только в России как таковой, но (и не хочется говорить, но надо!) в шестидесяти годах советского эксперимента, который мы помним каждой косточкой. Это значит также, что мы должны подготовиться к тому, что пара миллионов наших братьев свалятся нам на голову, когда Брежнев этого захочет, и мы пошлем их на попечение тех самых органов абсорбции, которые все так охотно ругают. Мы должны будем объяснить нашим родственникам, что мы здесь делали, почему некому их принять и обласкать. Что ж, мы скажем, что старались стать похожими на других? А они спросят, — на каких именно других?..

Иногда полезно оглянуться на своих предшественников. Громадная алия из Румынии (более

350.000 человек) разместились в Израиле относительно незаметно, без скандалов и видимых трений политического и культурного характера. Большинство экспертов полагает, что это произошло, во-первых, потому что румынская община умело и энергично поддерживала новых эмигрантов, а во-вторых, еще и потому, что румынские евреи в Румынии не ассимилировались и были близки по своей ментальности к остальной массе израильтян. В качестве противоположного примера плохой абсорбции приводят немецких евреев, которые якобы были сильно ассимилированы в немецкой культуре и потому им пришлось плохо. Однако все мы знаем, что самая плохая абсорбция в действительности была у некоторых азиатских и африканских евреев, и то, что их обычно даже не упоминают в этом контексте, означает, что они и сейчас еще не превратились в интегральную часть общества и существуют как социальная проблема. Попробуем связать между собой два вопроса, каждый из которых будет несколько неожидан с привычной точки зрения:

1) Объясняются ли трудности абсорбции марокканских, скажем, евреев тем, что они ассимилированы?

2) Почему, собственно, ассимилированному еврею должно быть трудно абсорбироваться в Израиле?

Разумеется, никто не назовет марокканских евреев ассимилированными. Напротив, они воспитаны в специфической еврейской культуре и никогда и не пытались ассимилироваться. Однако предполагается, что их культура (несмотря на ее еврейский характер) несколько архаична и потому-де им трудно приспособиться к современному ("западному") характеру государства Израиль. Но если мы такое сов-

ременное, "западное" государство, то, наверно, лучше всего у нас должны абсорбироваться американцы? Все знают, что это не так: процент реэмиграции среди американской алии самый высокий. Тогда, в качестве объяснения, хватаются за понятие ассимилированности. А что, собственно, так мешает ассимилированному американскому еврею жить среди евреев "настоящих"? Неужели ему не по душе справедливый и неподкупный израильский суд? Или ему отвратительна мысль, что в Израиле его не так легко выбросят с работы, как в США? Может быть, его раздражает здешнее еврейское сочувствие и готовность помочь? Не раздражало ли немецких евреев трудолюбие окружающих израильтян, их опрятность?

В чем состоит этот пресловутый "еврейский характер" нашего государства, который так "непонятен" и "тяжел" для ассимилированного еврея? А может быть, напротив, нам не все понятно в пресловутом определении "ассимилированного еврея"? Поскольку "ассимилированным" всегда объявлялся в Израиле городской европейский еврей, происходящий из наиболее развитых стран, кажется естественным, что именно он должен был бы быть самым подходящим гражданином нашего — тоже ведь объявляемого "современным" — государства.

В чем же дело?

Так же как всякому современному динамичному обществу (каким является и Израиль) трудно абсорбировать группу с консервативной, нетехнологической и далекой от европейских стандартов культурой (скажем, марокканскую алию), так, в равной мере, динамической, высокопрофессиональной группе, сформировавшейся в сфере западной культуры и

в условиях жизни больших городов, трудно абсорбироваться в относительно консервативной, непрофессиональной, зачастую недостаточно продвинутой среде, не сознающей к тому же своих собственных долговременных интересов (какой является в основном израильская среда). Следовательно, проблема абсорбции вовсе не сводится только к проблеме "большого" или "меньшего" уровня "еврейского самосознания", а характеризует реальные социологические трудности роста нового общества, далекие от религиозных и моральных оценок.

Израильское представление об ассимилированном еврее сложилось в среде определенной группы восточноевропейских евреев (Польша, Румыния, Венгрия, российская черта оседлости), своеобразная культура которых характеризовала их не только (и не столько) как этническую, но главным образом как социальную группу — низший и средний класс небольших городов, глубокой еврейской провинции. Почти все преуспевшие профессионалы и интеллектуалы, вышедшие из этой группы, немедленно объявлялись "ассимилированными" (и действительно скоро ими становились). В те времена, около ста лет назад, эта группа действительно составляла некую твердыню еврейства, противостоявшую размывающему действию европейской культуры. Но сейчас, когда многое в мире изменилось, какие у нас основания считать, к примеру, марксистов, говорящих на идиш, менее ассимилированными, чем религиозных англо-говорящих американцев? Неужели мы должны горячих сионистов, говорящих по-русски, считать менее евреями, чем прожженных нью-йоркских циников, говорящих на иврите? Вопрос теперь состоит не в том, кто "больше ассимилирован (во многих отношениях сабры боль-

ше "ассимилированы", чем многие американцы), а "среди кого ассимилированы?"

Еврей, пусть даже неполностью ассимилированный среди румынских мужиков, не имеет никаких оснований учить еврейству нью-йоркца, полностью ассимилированного среди бруклинских евреев. По своим профессиональным и духовным интересам я в России едва ли не реже встречался с неевреями, чем в Израиле.

К сожалению, то, что отталкивает от Израиля американского еврея, отталкивает и русского, и всякого другого, если они происходят из больших городов. Это отталкивание носит социальный характер, так что трудности абсорбции американских, немецких и русских евреев в культурной области основаны не столько на потере ими "еврейского" духа, сколько на их нежелании признать "еврейским" специфический дух восточноевропейской провинции. И культурный конфликт, который они переживают, не есть, конечно, конфликт между еврейской и, соответственно, американской (или какой-нибудь другой) культурой, а конфликт между провинциальной и столичной, между консервативной и современной культурами.

Так, скажем, необязательность, безалаберность, ненадежность в бизнесе и нечестность в политике, предпочтение обходных путей прямым и многие другие недостатки, которые так утомляют европейского еврея в Израиле, вовсе не кажутся мне признаками "еврейского духа". Это хорошо известные нам по России черты, и характеризуют они обстановку российского (а также польского, румынского и т.п.) захолустья, откуда произошли наши деды, а также деды нынешнего поколения израильтян.

Многие из нас (как и некоторые израильтяне) сумели избавиться от этих качеств вследствие жестокой конкурентной борьбы в большой индустрии и науке и отнюдь не хотели бы возвращаться к этим "милым недостаткам".

К сожалению, мы еще не так далеко ушли от этого, и поэтому вернуться к своим **р у с с к и м** (я подчеркиваю, что это русские, а не еврейские качества) качествам нам куда легче, чем противостоять своей собственной лени, умиротворяющему "ихие тов" и желанию потреблять больше, чем производить. Но если мы хотим действительно что-то принести Израилю, то должны использовать то, в чем мы **п р о д в и н у л и с ь** по сравнению с нашими дедами. Многие из того, чего не знали наши деды, все еще неизвестно в Израиле. Это проявляется и в экономике, и в политике. Но то, что проявляется и в экономике, и в политике, называется культурой, как бы мы ни избегали этого слова... И если мы действительно хотим быть такими, "как другие", возьмем у румын **л у ч ш е е**, что у них есть, — поддержку "своей алии". Кто же, если не мы? А то основное и лучшее, что имеют **р у с с к и е е в р е и** в своем активе: своеобразное отношение к труду и квалификации, благоговейное отношение к книге и чтению, предпочтение профессиональных оценок идеологическим, сильное стремление к образованию — достаточно актуально и нужно сегодня едва ли не всем другим евреям в Израиле.

Наши деды действительно утратили свою еврейскую культуру, но не во всех случаях нам следует сожалеть об этом. Они читали и говорили на идиш, а мы только на русском. Но вспомним, **ч т о о н и г о в о р и л и**. И что теперь говорим мы. Они говорили на идиш о русской революции, рабочем движе-

нии и социализме, читали Маркса и Ленина. А мы по-русски говорим о сионизме, еврейской истории и значении изучения языка иврит, а читаем Тору. Таким образом, наша русская культура послужила нам для возвращения к еврейству, а их еврейская — привела их к духовной ассимиляции и физической гибели. Разумеется, не культура виновата в их судьбе, но отсюда видно, насколько на самом деле живительна всякая **п о л н о ц е н н а я** культура, русская она или английская. Наша еврейская история такова, что нам дано впитать и усвоить всю человеческую культуру, и, наверно, еврейская культура не будет полной, пока хоть какая-нибудь другая окажется у нее в пренебрежении. А русская близка ей по многим своим истокам...

БИБЛЕЙСКИЙ РЕАЛИЗМ

“И взял Иуда жену Иру, первенцу своему; имя ей Фамарь. Ир, первенец Иудин, был неугоден пред очами Господа, и умертвил его Господь”. (А в агаде уточняется, что, когда лежал он с Фамарью, у него кровь горлом пошла.) “И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего... и восстанови семя брату твоему”. “Онан знал, что семя будет не ему; и потому, когда входил к жене брата своего, изливал на землю... Зло было пред очами Господа то, что он делал; и Он умертвил и его... И сказал Иуда Фамари: живи вдовою в доме отца твоего, пока подрастет Шела,

Статья была впервые опубликована в “22”, № 10, 1979 г. в ответ на письмо в редакцию И. Гольденберга в связи с публикацией в “22” повести Л. Гиршовича “О теле и духе”. Вот что писал И. Гольденберг:

“Опубликованная в № 8 мерзость Л. Гиршовича — вне литературы и, конечно, враждебна элементарным нормам еврейской жизни и морали. По тем же причинам считаю ненужной публикацию возни “Вокруг Эдички”. Стиль выпуска журнала и ряд публикаций в № 8 абсолютно неприемлемы для меня. Все это заставляет меня уйти из журнала вообще, а не только выйти из состава его редколлегии. Возвращаю полученный мною № 8 и прошу опубликовать это мое письмо. И. Гольденберг”.

сын мой". А сам подумал: "Может быть, умрет от нее и этот?"... Так подумал он про злобучую эту моавитянку... Но прошло время и собрался он в Тимну стричь овец. И узнала об этом Фамарь, невестка его... "И сняла она с себя вдовью одежду свою, покрыла себя покрывалом и села у входа в Энаим, что на дороге в Тимну... И увидел ее Иуда, и почел за блудницу. И поворотил он к ней и сказал: войду я к тебе..." Быт. 38, 6—16. (А агада добавляет: "Ибо был Иуда весьма похотлив".)

Мы все знаем, что эта история хорошо кончилась, ибо Фамарь понесла, и все мы (ибо мы потомки в основном именно Иуды и преимущественно от Фамари, благослови ее Господь) оказались упрямы в желаниях наших, неотступны в домогательствах и семяобильны в любовных трудах. Похотливы потомки Иудины, как патриарх наш, и чадолюбивы, как он. Неуклонны мы, как наша праматерь, и нелегки для слабосильного, как она.

Для чего пересказал я столь близко к тексту эту библейскую историю? Производит ли она на современного читателя впечатление незамутненной святости? Не кажется ли нашему читателю, что она, пожалуй, грубовата? Вот это, именно, я и хотел бы подчеркнуть.

Я читаю это с глубоким чувством подлинности жизни, которая живописуется точно и грубо, без слюней. И сравниваю с нашей изящной словесностью. Наш патриарх назван был в агаде похотливым, потому что он был похотлив, а не любвеобилен, как сказал бы благочестивый современник. Наш патриарх не отдал Фамари своего младшего сына, потому что подумал: "Заebet она моего мальчика", а не потому, что он забыл и упустил это сделать, как си-

лился бы объяснить наш благопристойный современник. Онан проливал свое семя на землю не в переносном, как хотелось бы блюстителю благопристойности, а в самом прямом смысле... Что бы мы ни говорили о себе — и те, что клянутся еврейской культурой, и те, что признают свое русское прошлое, — мы за долгие века впитали в себя христианское отношение к сексу, и это проявляется и в нашей застенчивости, и в нашем бесстыдстве. Талмуд, в отличие от соответствующих христианских книг, свободно обсуждает возникающие сексуальные проблемы, но и Талмуд делает это в отношении проблем того времени, то есть приблизительно полторы тысячи лет назад. По сравнению с приведенной историей, это почти современность, но все же... Все же я хочу спросить читателя, будем ли мы притворяться, что за прошедшие полторы тысячи лет ничего не изменилось, или дадим нашему читателю (и писателю) писать о возникающих у него в душе проблемах так, как он способен их выразить, даже если это и кажется неприлично людям, не привыкшим смотреть правде в глаза. Я решительно за ту грубую порой натуралистичность, с которой наши предки обсуждали свои интимные дела. Я думаю, что эта откровенность способствовала их душевному и телесному здоровью.

И сейчас, держа перед собой письмо И. Гольденберга, который вдруг обвиняет нас в нарушении еврейской этики, потому что мы печатаем Л. Гиршовича, или даже потому, что осмеливаемся хотя бы ругать Э. Лимонова (его и упоминать, наверное, нельзя), я стараюсь понять, что могло вызвать такой гнев. И я не обманываю себя, что это, дескать, только И. Гольденберг такой непонятливый. Я знаю, что немало читателей возмущено той откровенной мане-

рой, которая принята нами при обсуждении многих проблем — и отнюдь не только секса.

Прежде всего уточним: ни И. Гольденберг, ни многие другие наши читатели всерьез вовсе не думают, что мы получаем удовольствие от грязных сцен, описанных в нашем журнале, или наслаждаемся возможностью сказать неприличное слово на людях. Но они хотят освободить себя от этих неприятных впечатлений и тем как бы сказать себе: "Все в порядке! Мир все еще держится на порядочности и достоинстве. Это там где-то выродок Лимонов бушует, а мы по-прежнему цивилизованные люди, и у нас общество цивилизованных людей, а не бардак какой-то!"

Я глубоко солидарен с ними в этом чувстве и мечтаю до самой смерти сохранить то, что многие давно уже не называют иначе, чем наивностью. Но я хочу, чтобы это произошло не потому, что я не знаю (или не хочу знать), что происходит вокруг меня (и во мне), а потому, что я нашел в себе силы противостоять этому разложению и сумел защитить от него своих детей. Отец не сможет защитить сына от того, чего отец не будет знать или запретит сыну обсуждать с ним. Он может противостоять лишь тому, что понимает и знает сам. И, в крайнем случае, сам пойдет и сделает то, что любимому сыну Шеле, может быть, жизни бы стоило, а может быть, как-нибудь иначе распорядится...

Мир вокруг нас сошел с ума, и мы не сможем его исправить ни своими нравоучениями, ни тем, что в своем узком кругу не будем признавать общеизвестное или называть его по-старинному. Мы должны искать свой путь, и этот путь должен исходить из нашей физиологической и культурной потребности,

а не из обломков приличий, подхваченных где-то между Россией и Америкой.

Между словесной сексуальной распущенностью Л. Гиршовича и подлинной распущенностью Э. Лимонова лежит непроходимая пропасть, в которую я каждому рекомендую заглянуть. Герой рассказа Л. Гиршовича "О теле и духе" — человек, пытающийся преодолеть свою реальную (скажем, физиологическую) слабость высочайшим напряжением всех своих умственных сил. Он хочет перехитрить природу и, жалко оскальзываясь и видя все яснее и яснее жуткую правду своей несостоятельности перед лицом наглежащей действительности (его жена оказывается куда искушеннее, чем он мог даже помыслить), предпочитает умереть, чем с этим знанием примириться. Я назвал бы это произведение высоко нравственным, хотя это оказалось бы в прямом противоречии с намерением автора, пытавшегося всячески снизить это несовременное впечатление от его рассказа. Совсем другое дело — роман Э. Лимонова "Это я — Эдичка". Жена покинула его, чтобы блядством пробиться в люди, и он глубоко страдает. Но он страдает не оттого, что его жена блядь, а потому, что она не берет его в компанию на этом славном пути. Уж он бы расстарался! Они бы вместе такие коники понапридумывали! А она не хочет. Просто хочет оставить его в дерьме. Это трагедия дружбы. Чужое семя на ее трусиках его и не задевает вовсе. Семя тут вообще ни при чем. Вот он очень смачно описал, как он излил свое семя в песок, лежа под негром (вспомните, чем Онан провинился), и ему легче стало. Он нашел друга и повеселел. (А герой Гиршовича встретил любовника жены — ему бы обрадоваться, теперь она еще веселей и поинтереснее в постели будет! А он, поди ж ты, стреляться...) Тут

мы встречаемся с абсолютной безнравственностью, положенной в основу психологии Э. Лимонова, и можем проследить, откуда это берется.

Христианская культурная традиция (не только русская, но русская особенно) приучает человека, что секс сам по себе если не полностью постыден, то во всяком случае принадлежит к низшим проявлениям жизни, как таковой является грехом и может быть введен в культурный обиход только в ходе облагороженных околосексуальных переживаний (в принципе не обязательно предполагающих нормальное совокупление). Предметом искусств, переживаний и размышлений в христианском обществе веками являлись дружеское общение и любовные интриги, разлуки и несчастная любовь, танцы и живопись, подчеркивающая стыдливость, бледность черт и впалость щек, "Шепот, робкое дыхание, трели соловья... мне стан твой понравился тонкий и весь твой задумчивый вид... как мимолетное виденье, как гений чистой красоты". Естественно, что такое удаление от прямого объекта воздыханий рождало на другом полюсе также и прямой цинизм и порнографию, как необходимое дополнение. Так почти одновременно с расцветом "дев, соловьев и пустынных скал среди шумного бала" в русской литературе возник Н. Барков с его "Лукой Мудищевым", а Пушкин записал в своем дневнике об А.П. Керн: "Наконец-то, с Божьей помощью, выеб!" — и это совсем не противоречит ее характеристике, как "гения чистой красоты", и даже не снижает его чувства, но показывает глубокую раздвоенность культуры, в которой реальные жизненные вещи, оказывается, невозможно выразить иначе, как в пренебрежительном тоне. А он, может, это в восторге записал! Что же было написать? "Наконец-то, с Божьей помощью,

воспарил с гением чистой красоты на крыльях любви...’?! (Кстати, так же обстоит в русской культуре дело с денежными вопросами и вообще с материальными вещами, так что на русской почве необыкновенно возвышенные натуры порой оказываются неожиданно для многих нечистоплотными в материальных делах — Н. Некрасов, Ф. Достоевский, — ибо они вообще не видят, как в таких низменных, грязных делах можно быть чистоплотным.)

Теперь, когда эта классическая культура и на Западе, и в России терпит ущерб, разрушается не столько отношение к самому главному (сексу, как греху), сколько социальное отношение ко второстепенному (необходимости этот грех маскировать). Более того, так как веками воспитывалось отношение к околосексуальным играм, как более значимым элементам жизни, чем собственно плодоносящее совокупление, постепенно “выяснилось”, что любовь импотентов, лесбиянок, педерастов и т.п. даже “выше” обыкновенной банальной любви, которая, в конце концов, не более, чем пережиток библейских времен. Лесбиянки гораздо тоньше понимают друг друга, педерасты меньше капризничают и более эстетичны, импотенты самоотверженно любят (см. Э. Хемингуэй “Фиеста”) и т.д.

Среди этого всеобщего разрушения действительно разумно и даже спасительно вспомнить другое отношение к основным жизненным ценностям, которое запечатлено в Пятикнижии, но, к сожалению, не полностью запечатлелось в сердцах народа Книги. Секс (а также имущество, наследство, семья) не должен и не может быть предметом игры вообще. Это не грех, но тут нет легкости, потому что это связывает. Вся околосексуальная мишура может существовать или нет, но сама любовь (не воздыха-

ния, а совокупление) есть вещь настолько же серьезная, как и смерть, и так же связана с жизнью. При таком раскладе ни онанизм, ни гомосексуализм во всех их формах никак не могут быть рассматриваемы всерьез, ибо остаются всего лишь формами баловства, как и карточная игра не может рассматриваться всерьез как форма экономической деятельности. Поэтому, например, "Синдром Портного" Ф. Рота не является в еврейском смысле безнравственной книгой, ибо речь в нем идет не об онанизме, а о растерянности человека, который серьезно относится к сексу, в мире, который этой серьезности не принимает. И все метания его героя являются, по сути, лишь закономерными формами поведения еврея во взбесившемся мире, который все время сбивает его с толку.

Мы, вырвавшиеся из одной большой цивилизации (России) и не вошедшие в другую (западную), находимся в уникальной ситуации. Еврейская культура, еврейский образ жизни, еврейское отношение к основным ценностям еще существуют, как отличие от окружающего мира, но уже грозят закоснеть, как одна из форм существующей циничной действительности. Если мы будем игнорировать окружающий мир и его манеры, мы не выживем в этом мире. Если мы просто усвоим окружающий мир и его манеры, мы растворимся. Мы существуем только до тех пор, пока, все зная и понимая, смотрим на это по-своему. Хватит ли сил? Бог весть... Я думаю, что у наших "поборников нравственности" этих сил уже не хватает, не случайно они хотят спрятать голову. Это и есть причина наших с ними расхождений.

ДОВОЛЬНО И ЭТОГО

Удивительное свидетельство человеческой дальновидности заключено в обычных правилах земледелия. Люди бросают в землю зерна, которые они могли бы немедленно съесть, и потом чуть ли не полгода должны ждать и трудиться, ничего не получая. Да, будь моя воля, я бы на такой риск ни за что не пошел! Побросать на верную гибель ценный продукт (еще неизвестно, взойдет ли!), которого всегда нехватка, на разграбление птицам и мышам, на произвол переменчивой погоды, на риск, что кто-нибудь придет и отнимет, или сожжет... Да это безумие какое-то!

Так редко встречалась мне такая дальновидность и доверие к будущему среди моих сотоварищей, что трудно мне представить и наших предков иными. И вот, хочется спросить: когда Иисус Навин и Калеб, единственные из двенадцати представителей колен Израилевых, посланных разведать Обетованную Землю, настаивали на немедленном вторжении, понимали ли они, что это займет у их потомков триста лет? То есть, когда они убеждали окружаю-

Впервые опубликовано в "22", № 11, 1980.

щих: "Пойдем и возьмем эту землю!", понимали ли они, что их дети, внуки и правнуки все еще будут воевать за эту землю, и не всегда с успехом? Рядом с этими столетиями опустошительной войны, даже сорок лет в пустыне не кажутся таким уж большим сроком. Во всяком случае для Навина и Калеба это время прошло с пользой. Они тренировались для главного дела своей жизни (вторжения) и впереди ожидали для себя награды. Конечно, они проявили бесстрашие, не испугавшись в первый момент, и героизм, терпеливо прождав сорок лет и не отказавшись от первоначального замысла. Но и они по-человечески ожидали своей награды и получили ее. Ну, а шестьсот тысяч мужей, вышедших с ними из Египта? Разве они вышли для того, чтобы умереть в пустыне? Нет, конечно! Они вышли для лучшего. Каждый из них понимал это лучшее по-своему, но каждый непременно хотел получить сполна и при жизни. Я уверен, что, когда Моисей с Аароном прилюдно требовали от фараона отпустить народ на три дня для богослужения, не один фараон был обманут. Наверняка и среди шестисот тысяч были многие, кто поверил, что вознесут они молитвы Господу, на худой конец какой-то частью скота пожертвуют, и станет им окончательно хорошо. Лучше, чем в Египте. В три дня все кончится, и они увидят небо в алмазах. И чудеса, которым были свидетелями, как бы подтверждали это. Я не удивляюсь, что они возроптали, когда убедились, что ничего этого не будет. Они увидели себя приговоренными к бессрочной свободе посреди пустыни. Было бы воистину удивительно, если бы они приняли свою трагическую судьбу как должное.

Так случилось и у нас, и так же было у отцов — основателей этого государства, что Исход для нас

не был надолго отделен от Вторжения, и слова о сорока годах в пустыне мы употребляем исключительно в переносном смысле. Это отсутствие промежутка между чудесным исходом и вторжением в Обещанную Землю дает себя знать. Ибо мы ожидаем и других чудес. Если уж все так дивно сложилось, что и в Сибири нас не заморозили (а могли ведь!), и в лагерях перемещенных лиц мы свою молодость не тратили (а чем мы заслужили?), и воевать не многим из нас пришлось (а кто повоевал, и в лагере посидел, или в Сибири пожил, у тех требования гораздо скромнее), то почему бы и Израилю не быть на том же чудесном уровне? Свалки все, например, к нашему приезду уже могли бы быть расчищены. Международные аферисты, которые так украшают наш народ в диаспоре, здесь, на исторической родине, полюбили бы ближнего, как самих себя. Журналисты, перебравшись из негостеприимных стран, где приходилось им лгать для защиты живота своего, в стране молока и меда писали бы правду-истину. Никто не обидел бы вдову, сироту или оле хадаша, как он есть пришелец, ибо пришельцами все мы были в земле египетской. Львы наши, вожди и лидеры то есть, возлегли бы рядом с ягнятами (я совсем не их секретарш имею в виду...). Вот примерно такое положение в Земле Обетованной соответствовало бы остальным чудесам, коим были мы подлинные свидетели...

Я совсем не шучу, а хочу подчеркнуть полное единство наше с израильскими старожилками и даже сабрами, которые, как и мы, ожидали наступления Царства Справедливости немедленно вслед за войной за Независимость или, в крайнем случае, после Шестидневной войны. Они, как и мы, не прошли многолетней школы политических компромиссов и

готовы не к Истории, которая тянется столетиями, а к Чудесной Развязке, за которой начинается безоблачная жизнь. А если нет? Ах, нет! Тогда — все!..? Такое детское нетерпение свойственно и левым, и правым. Будто и те, и другие поклялись выполнить заветы пророков именно в нашем поколении. “Не поднимет народ на народ меча, и не будут учиться воевать” — и вот, пожалуйста, “Мир сейчас” (Шалом ахшав)! “И приведет тебя Господь в землю, которой владели отцы твои, и получишь ее во владение”, — и вот вам “Израиль в исторических границах” (Израиль шлейма)! “А ты обратишься и будешь слушать глас Господа и исполнять все заповеди Его” — вот и программа Агудат Исраэль! Будто каждое из движений имеет патент от Господа, каковы именно сегодня пути Его. Будто вожди партий ожидают Мессию с минуты на минуту и спешат осуществить программу в том ее полном объеме, который приурочивается Библией только к концу света.

Может быть, и верно, что конец света приближается. Но он может приближаться еще тысячу лет. Ощущение, что вот-вот, завтра, послезавтра наступят окончательные времена и соответствующие им окончательные решения, охватывало людей уже множество раз, но История все еще не кончилась. Когда был распят Иисус из Назарета, его ученики со дня на день ожидали второго пришествия и конца света. Когда осажденные в Иерусалиме зилоты резали друг друга, они ничего не жалели, ибо конец света казался им почти неминуемым. Христианские народы ожидали конца света каждое столетие, и почти каждое столетие устраивали такие кровавые гекатомбы, что можно считать испробованными все возможные средства ускорения этого события. Крестоносцы завоевали Гроб Господень, а потом утра-

тили его, но конец света все не наступал. Субботой Цви объявил себя мессией, и многие евреи поверили ему, но Царство Справедливости не наступило. Конец ХУП века в России был так ужасен, что люди почти не сомневались в близости конца света. Русские священники, столкнувшись с необходимостью разработать азбуку для вотяков (коми), всерьез обсуждали, стоит ли учить их грамоте, учитывая, что все равно конец света грянет с минуты на минуту, так что, может, лучше крестить их силой, чтобы спасти перед страшным Судом и все. А то ведь не успеть! Перед наступлением двадцатого века философ В. Соловьев назначил конец света на 2000 год и предначертал евреям ключевую роль в событиях, предшествующих наступлению Царства Божьего. И разве не звучит тот же мотив в знакомом припеве: "Это будет последний и решительный бой!"?

Боев было много... Какой из них был последним? Когда будет последний? Будет ли? Не надо загадывать. Довольно и того, что уже было, чтобы понять, что брошенное зерно когда-нибудь прорастет, что урожай в конце концов будет. Но прошлого довольно также, чтобы понять, что ускорить его приход мы не можем. Нельзя же в самом деле всю жизнь пребывать в детском возрасте, в котором и вдохновение, все окрашивающее в розовый цвет, и разочарование, все окрашивающее в черный, равно происходят не от реальности, которая ни черна, ни розова, а от физиологического состояния неопределенного экстремизма, всегда толкающего на крайности...

Ну вот, не произошло во время войны Йом-Кипур такого яркого чуда, как раньше. Просто Израиль обыкновенно выиграл очередную войну (более точно, не дали американцы превратить и эту войну в чудо, а то бы разгромили Третью египетскую ар-

мию и захватили Каир) — и все общество в глубокой депрессии. Подумать только! Мы оказались чуть ли не такими же обыкновенными, как и другие народы. Наши генералы совершали ошибки! Наша разведка чего-то не знала! Наши министры не все предусмотрели! У некоторых дошло даже до того, что амбиция у них перевесила деловые соображения! Неужто это у нас могло произойти? Конечно, это значит, что мы живем в глубоко и безнадежно больном обществе, ибо это прямо-таки напоминает все остальные человеческие общества! И, значит, Царство Справедливости еще далеко от нас. Так же далеко, как и от всех других. То есть мы, может быть, даже его не увидим? Зачем же мы старались? Для чего мучились?

Яркие левые журналисты направо и налево разоблачают израильское лицемерие, антидемократизм и коррупцию. В общем, ужасная правда сводится к тому, что не все счастливы в этой стране. Богатым в ней лучше живется, чем бедным. Здоровым лучше, чем больным. Люди, оказывается, эгоистичны (неужели это возможно в Израиле?). Своя рубашка, оказывается, для многих все еще ближе к телу, несмотря на хамсин. Но я хочу сказать, что в Библии даже среди самых возвышенных пророчеств реализм текста не опускается до уровня этой апокалиптической журналистики. Мы можем прочесть, например, такое: "Дай ему займы... Ибо нищие всегда будут среди земли твоей". Это — несмотря на все чудеса и прелести Земли Обетованной. Ну могут ли наши взрослые дети согласиться на такой оппортунизм?!

Сильные личности из правого крыла одним только могучим духом, без всякого взвешивания реальных сил и обстоятельств, хотят приблизить прише-

ствии Мессии, овладев землей и устранив арабов своей решимостью. Они выполняют программу В. Соловьева и, кажется, стремятся уложиться в назначенный им срок. Самое смешное, что им это в основном удается, потому что этот миф аморфен и слаб. Но стоит произойти малейшей заминке, и они впадают в совершенно детское отчаяние: "Значит, мы еще не окончательно победили?!" Но и об этом сказано в Библии, точно и откровенно, как всегда: "Мало по малу буду прогонять их (другие народы) от тебя, доколе ты не размножишься и не возьмешь во владение земли сей... Не выгоню их от лица твоего в один год, чтобы земля не сделалась пуста... Не можешь ты истребить их скоро..." Но, если так, то, возможно, рав Меир Кахане и не увидит окончательной победы. Можно ли смириться с такой вопиющей несправедливостью?

Я думаю все-таки, это возможно пережить. Я думаю, бросать зерна в землю стоит. Но я думаю, что непрактично ждать урожая немедленно вслед за посевом. Даже на такой плодородной почве, как у нас. Даже под таким оплодотворяющим дождем пророчеств.

Я думаю, можно смириться, что Израиль пока еще не сверхдержава и побеждает не на всех спортивных состязаниях, фестивалях песен и конкурсах красоты. Можно смириться и с тем, что не всякое предложение новоприбывшего из России немедленно рассматривается кабинетом министров. Можно даже смириться (как наши министры часто и делают, а чем хуже наши министры всех остальных евреев?), если твое предложение отвергнут (конечно, из-за некомпетентности остальных министров) или примут и все сделают наоборот...

Можно смириться, пережить и сказать себе однаж-

ды: хватит с меня того, что уже есть. Если бы Бог вывел евреев из Египта, а золотые и серебряные сосуды не дал бы захватить, то довольно было бы и этого. Если бы выпустили нас из России голыми и босыми, а Сохнута не поставили бы на нашем пути, то все же довольно было бы с нас. Если бы Он вывел нас из Египта, а Сам не шел бы впереди в столпе огненном, чтобы не сбиться нам с дороги, то все равно с нас было бы достаточно. И если бы отстоял себя Израиль в Войне за Независимость, а следующую войну выиграл бы и не за шесть дней, то и этого было бы более чем достаточно. А если бы не сбежали отсюда по неизвестной причине четыреста тысяч арабов, чтобы освободить нам место и облегчить от вражды, то и того, что произошло до бегства, было бы довольно. И если бы не двести кибуцов процветали под небом земли, текущей молоком и финиковым соком, а только один-единственный кибуц преуспел бы в своем хозяйстве, и не повырывали бы его члены друг другу глаза и волосы, то и этого хватило бы на весь мир для провозглашения идеалов справедливости и осуществимости социализма. Но если не случилось бы такого, и идеалы социализма остались неосуществленными, то и без этих идеалов хватало бы нам с избытком. И если бы арабы сами не уничтожали друг друга и, разрушив Ливан, не превратили бы нас в единственное демократическое государство на Ближнем и Дальнем Востоке (а также в Африке, Азии и Латинской Америке), то, и не будучи такими уникальными, мы тоже не жаловались бы. Довольно, достаточно того, что есть, не нужно нам больших милостей. Потому что за большие милости — большой спрос, а разве мы, люди, на самом деле готовы к этому?

ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

В обыденной жизни от множества мелких забот и незначительных разговоров мы обалдеваем и теряем ощущение смысла и цели, перестаем различать высокое и низкое, важное и пренебрежимое. Хорошая книжка может встряхнуть и напомнить... Прошло уже более десяти лет с тех пор, как множество людей покинуло СССР. Некоторые из них прижились в Израиле настолько, что способны писать о жизни здесь, о нашей жизни, не о невозвратном прошлом. Такой человек пишет о жизни, которая нас окружает, но в его тексте невольно присутствует сравнение: он знал и другую жизнь, он не может забыть, даже если хочет. Это неявное сравнение наполняет его наблюдения особым смыслом, придает его описаниям оттенок тайного знания. Его внимание невольно выхватывает из беспорядочной картины реальности то, что он менее всего ожидает увидеть. Это хорошая позиция, обостряющая взгляд писателя, дающая творческому слову новые смысловые

Предисловие к книге В. Лазариса "Моя первая война" (Изд-во "Библиотека алия", Иерусалим, 1984). Впервые опубликовано в "22", № 34, 1984.

оттенки. Зря эмигранты жалуется. Впрочем, они жалуется не зря. Они жалуется на то, что вместо чисто словесной работы, к которой они привыкли с детства, им приходится проделывать новую работу по осмыслению незнакомой действительности, труд, от которого они с детства отвыкли.

Удачи на этом пути редки. Они приходят к тем, кто погружается в эту действительность целиком (или не погружается в нее совсем). Об одной из таких удач я хочу рассказать на последующих страницах, но, хотя это желание возникло у меня в связи с книгой, речь пойдет, скорее, о жизни, которая за этой книгой стоит. О драматическом эпизоде этой жизни. О войне в Ливане.

Командир инструктирует солдат перед боем: "Одна из наших главных задач — вернуться домой целыми!" Такое замечание, может быть, не остановило бы внимания писателя-американца. "Поэтому делайте то, что вам говорят, и никуда не лезьте без команды!" — здесь содержится новое для русского выходца обоснование воинской дисциплины.

С этого, в сущности, начинается книга Владимира Лазариса "Моя первая война". Этим, в сущности, она и кончается. "Побеждает тот, кто остается в живых. А каждый знает, что в живых остаться можно только, если воевать, а не бежать". Это слова из интервью, которые В. Лазарис взял у молодого десантника, родом из Вильнюса, историка по специальности. Действительно ли каждый знает, что бегство не спасает? Или, может быть, только историки по специальности?

Книга Лазариса представляет собой короткий военный дневник и 22 интервью, взятых на поле боя у солдат — выходцев из СССР. Автор проявил чуткость к своему материалу: дневник его, не заслоняя

картину, вводит читателя в обстановку ливанской войны. Тон дневника подготавливает читателя к шуму разных голосов в интервью и потому намеренно негромкий. В противоположность бесчисленным перепевам на тему "мы" и "они", подчеркивающим обычно неукорененность автора и принятым в эмигрантской литературе, "мы" Лазариса безусловно включает весь Израиль. В этом автор не отличается от героев своих интервью. Прочтение книги провоцирует мысль, что, быть может, война, или, еще конкретнее, армия сплачивает нас вернее, чем прожитые в стране годы, успехи по службе и знание языка. Мы вместе живем и вместе воюем, значит, мы — один народ. Это не столько силлогизм, сколько чувство. Как всякое чувство, оно сильнее разума. Это чувство господствует во всей книге. Разум же подсказывает каждому интервьюируемому свои собственные пируэты вокруг этого стержня. Большинство из них — молодые ребята, так что они, в сущности, уже не "русские", а израильтяне. Это очень заметно по свободе, с которой они признаются в своих страхах, а также по свободе, с которой они рассуждают о войне и политике. Но сказанное выше об особой двойственности оценок бывшего выходца из СССР остается верным и для них. Во-первых, потому, что кое-что они все же помнят, а во-вторых, потому что направляет разговор воля автора, и характер его вопросов определяет, конечно, круг их внимания.

"Меня поставили за дерево, прикрывать ребят... Первый пробежал благополучно. Прямо за ним, фонтанчиками по земле, шла очередь... И рядом со мной пули из "Калашникова" шлепались — "панг, панг". Я только думал: ради мамы пусть со мной ничего не случится".

Это интервью разведчика. А вот голос шофера:

"Мне до Ливана дела нет, я туда пришел, потому что там

кто-то был, кто мне мешал... Я себя чувствую, как маляр, которого попросили покрасить дом. Прийти, покрасить и уйти. Как в России говорили: "Надо, Федя!"... С правой стороны виднеется Бейрут, а слева — наша артиллерия. Вот она и начала долбать. А мы — на дороге. Снаряды летят над головой. Едешь и сам себя уговариваешь: "Не в тебя, не в тебя! Это — наши!" Но снаряды-то летят. И террористы отвечать начали. Мы оказались посередине. Говорят, если слышишь снаряд, он уже не опасен. Не знаю. Чувствую, в кабине сильно воняет. Оказывается, напарник, когда "кастюши" стреляли, в штаны наложил. Мы остановились, но я как-то ничего не чувствовал. Дело еще в том было, что, когда мы перед въездом в Бейрут ждали пропуска, я с ребятами бутылку водки распил. В общем, когда этот парень меня за руку схватил, я затормозил. Вылезит он, значит, из машины и говорит: "Вы меня, ребята, извините. Желудок не выдержал". С каждым может случиться. Вообще лучше не думать, что ты можешь вот так запросто помереть, потому что, чем больше думаешь, тем больше вероятность, что так оно и будет".

Ну, кто способен не думать, тот не думает. Но вот танкист думает все время:

"Если на узкой горной дороге стоит автомашина, ты же не станешь останавливать колонну в сотню танков, чтобы эту машину оттащить. Представляете: на легковушку напозаает полсотни тонн железа... Никто, конечно, не хотел специально вредить и портить, но, если честно сказать, мне было даже забавно. Потому что в такую минуту особенно ощущаешь, какой махиной ты правишь... У командира голос стал немного истерическим. Когда сильное напряжение — всегда крики. Потом параллельный пулемет вышел из строя, и я должен был вылезть наружу, чтобы заменить его другим. Тогда я почувствовал беспредельный страх..."

Хотя жанр этот довольно обычен для англоязычной или ивритской литературы, такие книги никогда еще не появлялись на русском языке. Русскоязычный читатель может найти здесь впервые не только некую правду об Израиле, но и некую новую для себя правду о жизни вообще. Так как это непохоже на обычную для него сионистскую пропаганду, недавний советский гражданин может задать

законный вопрос: "На чью мельницу льет воду господин Лазарис?" Здесь обнаруживается привычная нам по прошлому опыту аналогия между правдой и водой.

Что такое правда? Прежде всего, забудем, что в СССР нас учили, будто бывает правда "наша" и "не наша". Правда — одна. Иногда — неприятная. Затем придется также отказаться и от внушенной всей русской литературой, от Толстого до Солженицына, мысли, что главная правда проста. Как ни смотри, всегда оказывается — с одной стороны... с другой стороны. Простоты никак не получится, если мы не готовы для этого сжить со света половину человечества. Как и вода, правда протекает сквозь пальцы, если надеешься ее зачерпнуть голой рукой. Но может утолять жажду...

Правда жизни состоит в том, что люди ее не знают. И те, которые ищут ее, оказываются значительнее и правее, чем те, которым она безразлична. И книга Лазариса поражает, прежде всего, ощущением значительности жизни, которую она описывает.

Многие талантливые писатели замечали, что жизнь человека на земле — это трагедия. Но современный писатель, будучи верен правде, которую он видит, описывает все, как есть, и получается фарс, суэта вокруг мелочей, водевиль с убийством... Потому что человек ведет себя в этой трагедии, как комедиант. Это только у Шекспира он предлагает за коня полцарства, и понимаешь, что жизнь его стоит царства. В литературе, верной реальной жизни, человек ищет коня подешевле. Эта скидка сразу снижает и цену его собственной жизни. Какая уж тут трагедия — просто бизнес: кому повезет, а кому и нет. Биржа. Поэтому современная литература ищет пограничных сюжетов из жизни гангстеров и

сутенеров, в надежде, что их опасное существование и привычка расплачиваться крупными купюрами сами по себе сообщат эту крупность и повествованию. Однако незначительность мотивов снижает также и литературную значительность преступлений, а чем больше мы узнаем о преступном мире, тем менее серьезным в смысле крупных чувств он выглядит.

Война — это не только смерть и разрушение. Это еще и опыт. Это жизнь. Даже если это и "преступление", за этим преступлением стоят значительные мотивы. Книга о войне всегда имеет шанс на значительность. Реализация этого шанса зависит от тех, кто в войне участвует, какой правдой они руководствуются, к каким купюрам привыкли...

Из двадцати двух израильских солдат, выходцев из СССР, все двадцать два вынуждены были проверить свое представление о правде в той пограничной ситуации между жизнью и смертью, когда вторичные мотивы отступают. Конечно, когда в родительском доме разливают чай, каждый признает, что доброта лучше ненависти. Но когда нас, пятнадцатилетних мальчишек, гнали этапом из пересылки в лагерь и я протянул руку за какой-то съедобной ягодой, а мой сверстник выхватил ее у меня, он не постеснялся сослаться на школьный учебник, проповедовавший выживание сильнейших в жизненной борьбе. С тех пор я столько раз наблюдал практическое применение этого социального дарвинизма, что начал сомневаться в универсальной применимости принципа преимущества добра над злом. Никакие книги, сеющие разумное, доброе, вечное, не могут научить молодого человека быть человеком, пока он сам не побывает между молотом и наковальней, пока он не узнает настоящего

страха и не определит для себя собственную меру доброты, доверчивости и способности к риску.

В Израиле нет романтизации войны и военных подвигов. Но я знаю, что пацифисты у нас в Израиле совершенно другие, чем в иных странах. Как правило, это люди повышенной храбрости. Может быть, от легкомыслия, но они явно не опасаются за свою жизнь. Многие из них служат в самых отчаянных боевых частях. Когда они требуют немедленного мира, они имеют в виду свою готовность рискнуть жизнью, проявив максимум доверия к арабским противникам, а не свою готовность бежать с поля боя. Вот голос десантника:

“Я не крайний левый, хотя с самого начала был против этой войны. Раньше всегда чувствовалось единство, мы всегда знали, ради чего воюем. В первый раз в нашей части произошел такой глубокий раскол. Когда пошли слухи, что нас пошлют в Бейрут, некоторые ребята, включая наших офицеров, заявили, что они готовы сесть в тюрьму, но на Бейрут не пойдут. В другой ситуации они никогда бы себя так не вели. Я того мнения, что приказ нужно выполнять, если только он не заставляет меня совершать что-то бесчеловечное. Конечно, когда предстоит боевая операция, у наших людей есть готовность идти на самый страшный риск...”

Это прямо противоположно тому, что характеризует пацифистов в Европе: “Лучше быть красным, чем мертвым! Лучше заниматься любовью, чем войной!” Эти готовы бежать и бегут...

Десантнику, готовому на самый крайний риск, отвечает десантник осторожный:

“Был приказ стрелять только по тем, кто стреляет в нас. Но мы стреляли и тогда, когда замечали что-нибудь подозрительное. Я хотел, чтобы там было как можно меньше людей — неважно, террористов или нет, потому что я вообще не хочу ни стрелять, ни убивать. Конечно, если уж приходится... С кем мы сражались? С арабами. Я их никак не разделяю. Любой араб — это враг...”

Таким образом, различие между правым и левым, между голубыми и ястребами определяется мерой доверия, мерой риска, который ты готов на себя взять. У каждого эта мера — своя, и определить ее теоретически невозможно:

“Вбегаю в дом — на полу сидит парнишка, рядом оружие лежит. Он руки поднял. Ну, раз так, думаю, сдается парень. Наклонился оружие поднять. Даже не подумал, что парень может мне что-то сделать; никак еще не вбил в голову, что это — война, что один другого должен убить. Спокойно так нагибаюсь. А он, видно, понял, что я один, и как прыгнет мне на спину! Ухватил за цепочку с жетоном и давай душить. Парень молодой, но я — тоже не инвалид. Напрягся, порвал цепочку... автомат уже не стал поднимать... Когда он упал, я ему еще ботинком поддал. Разозлился я на него сильно. Скажу вам прямо: первый раз убить человека тяжело”.

И второй раз тоже:

“Что я чувствовал? Что мне приходится стрелять в ребенка. Я был готов убивать, но я не знал, что придется иметь дело и с детьми... Нам дали приказ — ни женщин, ни детей, ни стариков не трогать. Не сказали только, что эти самые дети будут стрелять в нас... Настоящие убийцы! Ребенок, как овца. Куда пастух, туда и он. Перевоспитывать их надо...”

Не все относятся к этому так спокойно. Во всяком случае во время боя:

“В ту минуту, хоть и страшно, но в тебе поднимается злоба против тех, кто в тебя стреляет, и хочется их убить. Я стрелял по живым людям, но для меня они были только мишенями... И было только одно желание: заставить их замолчать. Навсегда... Некоторые сдавались. Нам было приказано не стрелять, если человек бросает оружие. Я соврву, если скажу, что у меня не было желания этот приказ нарушить... Жена и дети очень обрадовались, когда я вернулся. Я им ничего не рассказывал. Я не хочу, чтобы мои дети ненавидели арабов только потому, что они — арабы”.

Какой вывод из всего этого? Ведь эти свидетель-

ства не только противоречат друг другу, но и каждое в себе заключает противоречия. И каждое имеет право на существование, потому что за каждым стоит человек, который живет и рискует своей жизнью с этим багажом. И израильский читатель знает, что это не воспоминания после войны, которые уже ни к чему не обязывают, для внуков, так сказать. Нет, через несколько лет или месяцев придется опять идти на войну и опять решать, как поступить с собой и другими. Как замечательно заметил 20-летний танкист: "Чувствуешь, какой машиной ты правишь..." Все ли люди на земле чувствуют, какая машина ответственности катится вместе с ними по земле, и как значительны, на самом деле, их поступки? Вернее, как они незначительны в подавляющем большинстве случаев. Как мало продуманы их мотивации, как мелки принимаемые во внимание обстоятельства. Какое вопиющее несоответствие между причинами и следствиями. Мы живем в таком месте и в такое время, что всякий невольно задумается. Может быть, в этом и состоит наша правда. Задуматься.

В конце концов, многие ли из нас стали бы думать о жизни и смерти, если бы этот вопрос не висел над нами, как налоговое бремя? Дает ли этот опыт молодому человеку что-нибудь такое, ради чего стоит рискнуть жизнью?

"Когда сидишь в танке, не так страшно... Потом уже я понял, что каждый должен преодолеть какой-то барьер страха. Я преодолел в тот момент, когда мы покинули подбитый танк... Представляете, какая в горящем танке температура! Я удивляюсь, как те парни, которые вытащили командира, вообще смогли приблизиться. В днище танка есть несколько дырок, через которые спускают масло, так через эти дырки вытекли все алюминиевые части из мотора. На земле лужа застывшего алюминия".

Ради этого мы привезли сюда своих детей? Ответ, я думаю, следует искать у самих детей. Тех, кто еще не ищет тихой пристани. Кого жизнь еще не придавила или контузила. Тот же 20-летний танкист говорит:

“Мы выскочили (из подбитого танка) через верхний люк и очутились на совершенно открытом месте... Подъехал бронетранспортер, чтобы нас забрать. Там была дикая теснота... Вначале я был немного в шоке, хотелось забиться в какой-нибудь угол. Наверху двое парней стреляли из пулеметов, там было еще свободное место. У бронетранспортера стены, как бумага, — уж лучше стоять наверху. Я взял автомат и поднялся...”

Он, как и наш историк-десантник, откуда-то знает, что спрятаться — не поможет. Жизнь и смерть достанут и тех, кто забьется в самый тихий угол: “у бронетранспортера стены, как бумага...” К тому же в тихих углах — “дикая теснота”. Это такое знание, которое 20-летний парень не вычитал бы в книгах.

Ведь стены, как бумага, и у наших домов. И цивилизация наша, нормы жизни, к которым мы привыкли, отделены от варварства не более, чем бумажными стенами. Как ни странно, наибольшее чувство безопасности испытывают жители Советского Союза. Если они не диссиденты, конечно. Это тем более странно для евреев. Во время мировой войны в Советской армии служило 550 тысяч евреев (вдвое больше, чем в израильской армии при полной мобилизации), и более 200 тысяч из них сложили головы в боях. Чтобы достичь такой цифры потерь, нам пришлось бы здесь воевать еще триста пятьдесят лет или провести 60 войн подряд. Ну, скажут мне, это было так давно... И, наверно, не повторится... Такое утверждение прозвучит так же смешно, как надежда, что у нас в Израиле больше не будет вой-

ны. Мы привыкли, что живем в очень опасном месте. Возможно, это наше преимущество. Мы окружены всего лишь врагами. Нас отделяют от них государственные границы. Множество талантливых генералов заботится о нашей безопасности. А кто заботится о безопасности, допустим, Западного Берлина? В Европе нет войны уже сорок лет, но сорок лет назад Европа была самым опасным местом на земле. Что же, это навсегда кончилось? Трудно поверить.

Ощущение безопасности в СССР рождалось из представления о чудовищной мощи советских военных и карательных органов. Ничего подобного нет в демократических обществах. Все они находятся в состоянии необъявленной войны с асоциальными элементами у себя дома и за границей и ведут эту войну с переменным успехом. То, что эта война не объявлена, только осложняет ситуацию.

Профессор Дельбрюк, автор классического труда "История войн и военного искусства", замечает, что при обсуждении причин падения Римской империи (а это означало, и Римской цивилизации) упускают обычно ту единственную причину, которая ему, как специалисту, кажется по-настоящему важной. В Римской империи военная профессия потеряла свой престиж, и римляне разучились воевать. Просто мирная жизнь стала для них так привлекательна, что только варвары и асоциальные элементы соглашались служить в армии. И варварские орды, разрушившие Империю, встречали на поле боя "римлян", которые отличались от них самих только тем, что воевали неохотно. Кстати, он также подчеркивает, что представление о том, будто на Рим нападали несметные полчища, возникло только как оправдание честолюбия римских полководцев. Варварские

орды никогда не превышали римские войска численно, они просто состояли из храбрых людей, подогреваемых неутоленной жадной наживы.

Армии и полиции западных стран состоят из слабых людей, не выдержавших конкуренции в свободном обществе и выбравших легкий путь. Не удивительно, что им так трудно бороться с противником, одушевляемым мечтой "кто был никем, тот станем всем". Они, может, и сами бы не прочь...

Необъявленная война идет не только между правительствами и террористами, добивающимися невесть чего. Она идет и на каждой улице между цивилизованными людьми и варварами, которые хотят взять "своею собственной рукой" то, что они не заработали. В общем, они добиваются своего.

К известному русскому поэту Н. Коржавину, живущему в Бостоне, заходит по субботам сосед-негр и требует три доллара на выпивку. (Мои сведения пятилетней давности, в прошлом году в Нью-Йорке мне сказали, что с собой теперь надо носить пятнадцать долларов, а то грабитель может рассердиться и выстрелить. Но он может рассердиться и по другой причине.) Коржавин не знает, как отразился бы на его здоровье отказ выполнить просьбу соседа. Однажды соседу понадобилось взломать двери и унести телевизор... В общем, Коржавин бы не возражал, чтобы его от соседа отделяла государственная граница. Но в полицию он обращаться не пробовал. Журналист Г. Рыскин очнулся от забытья у самых рельс нью-йоркского метро. Ему удалось припомнить, что кто-то ударил его по голове незадолго до этого. Журналист Рыскин больше в метро не ездит. Он купил автомобиль. Писатель М. Гиршин в Нью-Йорке просто никуда не ходит после пяти вечера. Математик В. Рабинов получил шесть пуль в

живот в Сан-Хозе, Калифорния, в ресторане, где он ежедневно обедал, потому что не разобрал по-английски команду: "Руки вверх! Лицом к стене!" Не лучше ли было бы ему слушать раз в году команды израильского командира? Каждый защищает свою жизнь и свободу, как может. Как он хочет. Способ, которым это делают израильтяне, — не худший на свете. И приводит не к большим жертвам.

Мы живем, возможно, в самом опасном месте на земле, но мы чувствуем себя в абсолютной безопасности у себя дома и на улице. К тому же мы знаем, как защищаться. Половина израильтян владеет оружием.

Если верно, что всякий мужчина рано или поздно в жизни встретит смертельную опасность, то не лучше ли к такому случаю подготовиться? И не лучше ли встретить опасность в кругу товарищей, чувствуя за собой всю мощь государственной поддержки, чем одному, в темном переулке?

Каково содержание той жизни, которую израильтяне защищают? Каково их отношение к своим целям и задачам в Ливане? Как они себя чувствуют после этой войны? Танкист:

"Когда смотришь на разрушенный дом — душа болит. А тут еще дети вокруг, которые в этом доме жили... Но если спрашиваешь себя, почему разрушен, ответ ясен. У всего есть своя цена. Те, кто нападает, платят свою цену, и те, кто защищается, свою... Ливанцы заплатили за свою глупость, что дали террористам хозяйничать... Когда ты стреляешь, в тебя стреляют — все поровну. Начинаешь относиться к этому, как к работе. Работу надо сделать, вот и все".

Артиллерист:

"Враг врагом, но разрушать страну из-за того, что он там обосновался, тоже не дело. У каждого есть мать с отцом, жена, дети. Конечно, если поставить его детей против наших, я буду думать не о его детях, а о наших. Я о них там

все время и думал. Для того и воевал. Вначале мне даже хотелось воевать. Но потом я стал думать: цели мы своей добились, сорок, или сколько там, километров очистили, чего нам еще? Хотя мы знаем, что защищаем наших, многим людям в Ливане мы мешаем... Мы много спорили. Нельзя нам больше тут оставаться”.

Пехотинец:

“Я человек верующий, а на войне это имеет большое значение. Я сразу заметил, что террористы стреляют в воздух, и прекратил огонь. Зачем зря человека убивать?.. Вся эта война была справедливая”.

Связист:

“Приказы в армии не обсуждаются... Хотя в моем бронетранспортере был командир дивизионной разведки, и я с ним горячо поспорил о приказе. В конце концов, я ему сказал: “Йоси, я знаю, что мне его придется выполнить, но это приказ дубовый!” А он: “Ну, может быть. Но армия есть армия!” Вряд ли в какой другой армии можно было бы так спорить, тем более рядовому с майором... Когда видишь невероятное количество оружия, которое они запасли в Ливане, и знаешь, что оно было приготовлено, чтобы убивать израильтян, начинаешь понимать, что жертвы, которые были и еще будут, не напрасны. Наверно, в каждом из нас есть вера. В гражданской жизни этого не замечаешь. Там ты полагаешься, в основном, на себя, и нет необходимости обращаться... я даже не знаю, как это сказать... к помощи извне, свыше... пока нет необходимости, я думаю, но вот, война напомнила: наверно, в каждом из нас есть вера”.

Есть ли какой-нибудь общий знаменатель, который объединил бы все эти противоположно направленные убеждения, ощущения, веры? Или в сумме все эти силы дают полный и окончательный ноль, погашая друг друга?

Я уверен, что сумма не равна нулю. Мы не случайно самое сильное государство в нашем районе, несмотря на нашу немногочисленность. Отсутствие навязанного единства взглядов только подчеркивает готовность к реальному единству действий. Еще

точнее — к единству образа действий, который коренным образом отличается от образа действий несвободных людей. "Я того мнения, что приказ надо выполнять", — говорит десантник, наиболее радикальный противник войны в Ливане. Это единство впервые пошатнулось именно в результате односторонней попытки манипулирования, предпринятой Шароном.

Ливанская война постепенно превращается у нас в наш Вьетнам. Как и тогда, в США, все большее число людей склоняется к желанию поскорее этот Ливан покинуть. Как и тогда, в США, за своими внутриполитическими проблемами мы все позабыли, собственно, о Ливане. И как тогда, не о чем, в сущности, и помнить, потому что наибольшую безответственность проявляют сами ливанцы, что народ, что правительство. Так было и с Вьетнамом. И уже наперед ясно, что, как и во Вьетнаме, это кончится грандиозной резней. Чувство вины за события во Вьетнаме, случившиеся после их ухода, настигло американцев только много лет спустя. У нас это чувство охватывает многих противников войны уже сейчас, и, быть может, это будет единственной причиной, которая удержит нас от американского пути. И от ливанских беженцев.

Все интервью объединяет то чувство свободы, как ответственности, которое так редко ощущалось нами в СССР и отсутствует, в большинстве, и у советских эмигрантов в другие страны. Все интервьюируемые, высказывая свое мнение, понимают, что их мнения не безразличны к политической ситуации и могут изменить счет. Все они думают не о пустяках. Так или иначе, они понимают, что участвуют в Истории. Техник-связист:

“Вообще я доволен. Даже чувствую гордость, что на этот раз сам участвовал в войне. Мне всегда казалось, что все важные события проходят мимо меня. А теперь, вот, довелось самому делать историю”.

И бывалый шофер говорит, что рад, что был на этой войне:

“Получается, что и я как бы немного своей крови отдал. А то ведь приехал в Израиль на все готовое. Вот и представился мне случай себя показать. Живу, мол, не зря, даром свой хлеб не ем!”

Зачем это им нужно? — возможно, спросит кто-нибудь. Я не уверен, что это нужно всем. Но я уверен, что это нужно очень многим людям, в том числе и таким, которых в этом не заподозришь. Человек вообще не может жить только мыслями о материальном, даже если он и ведет себя соответствующим образом. Человек — существо историческое и продолжает оставаться таким даже в XX веке.

Вот что говорит сапер:

“Нам, израильтянам, эта война ничего не дала. Слишком много погибших... Ну, навяжем мы мир этим ливанцам... Надо их видеть, этих ливанцев. Отглаженные, одеколоном... каждый, наверно, литр одеколона на себя вылил. Грязную работу делать не будет. Все может продать и купить. За бро-нежилет готов отдать свой “Калашников”. А за меховой комбинезон ему и родной сестры не жалко... Уверен, что они и мир этот продадут при первом случае... Работа у меня тяжелая. Минировать поля. Когда прорываешь землю... если в Синае, то не так страшно, потому что — песок, а на Голанах земля комковатая. Бросаешь комок и думаешь: моя или не моя? Каждый шаг — как будто приближаешься к вечности, потому что никогда не знаешь, где и когда взорвется. Начинаешь верить в Бога. Вера очень помогает... Всегда есть молитва к Нему. Даже не молитва, одно-единственное слово: “Боже!”... Мы не намного лучше их. Иногда мы даже хуже... Раз я нас считаю людьми, значит и они — люди... Дикое чувство от безысходности. Ведь после войны Судного дня думали, что это была последняя война. А сейчас видно, что и эта тоже не последняя... Израиль очень

напоминает мне огромный военный лагерь. В средние века были такие государства, которые все время вели войны и этим жили. Вот и я живу в такой стране. А остаюсь здесь потому, что очень ленив и никуда отсюда не поеду..."

Все же мне кажется, что сапер-философ немного слукавил, говоря, будто не бросает наш военный лагерь только потому, что ленив. Слишком тонкое историческое чувство он обнаруживает в своем интервью, чтобы поменять его на какой-нибудь "джоб".

Заметив, что Израиль напоминает одно из средневековых государств, живших войной, сапер не упомянул, что в те времена это были единственные государства свободных людей. Все остальные были населены рабами. И хотя эти воинственные государства были несправедливы к побежденным, внутри себя именно они создали те представления о чести и справедливости, которые унаследовала от них Европа. От разбойничьих норманнских королевств, от поставлявших всему миру наемных солдат швейцарских кантонов, от пиратских итальянских республик, а не от мирных деспотий получила Европа зачатки демократии. От викингов и бондов, от рыцарей и йоменов, ландскнехтов и кондотьеров, а не от смердов и крепостных, составлявших подавляющее большинство остальных богоспасаемых королевств, свободных от военной службы, как и от всех остальных гражданских прав. Собственно, главным признаком, отличавшим свободного от раба в средние века, было ношение оружия и владение им.

На много веков раньше евреи унаследовали свои библейские заветы от толпы испуганных рабов, за сорок лет в пустыне превратившейся в военную орду. И у нас, так же, как у этих скитальцев, то,

что тяжелым выбором было для отцов — горшки с мясом в Египте или вечные войны в Пустыне, — превратилось в однозначное и естественное для сыновей. Они стали свободными членами опасного, воинственного племени и, как всякие свободные люди, немного сбленились, чтобы вернуться на службу к фараону или кому-нибудь еще. Они привыкли служить только себе самим и, как бы жестоки они ни были с врагами, они установили такие нормы взаимоотношений друг с другом, что их идеалы и сейчас остаются недостижимым образцом для половины человечества.

Гораздо поразительнее, однако, чем внешнее сходство Израиля с военной ордой, оказывается то фундаментальное отличие, которое бросается в глаза во всех высказываниях участников войны. Они не похожи на варваров. Несмотря на то, что Израиль уже пережил пять войн и каждый израильтянин, в среднем, участвовал в двух-трех войнах, несмотря на то, что каждый израильтянин 30–60 дней в году проводит в армии, мы не видим никаких признаков огрубления души у наших ландскнехтов. Я специально употребляю этот средневековый термин, чтобы показать, насколько он не подходит для характеристики наших солдат с человеческой стороны. Все интервью сходятся в своем человеческом отношении к мирному населению и даже к побежденному врагу. Пожалуй, это единственный пункт, где достигается всеобщее согласие. "Сначала он человек, а уже потом террорист". "Зачем человека убивать?"

Все интервью сходятся в отвержении войны, в презрении к жестокости и жажде мести, которое мы встречаем в окружающем мире. "Фалангисты так говорят: отомстил через 80 лет — рано отомстил. Такая у них культура, такое воспитание..." И это

после 35 лет непрерывного напряжения, заполненного угрозами (и попытками, время от времени) вырезать все население Израиля или "сбросить его в море..."

Трудно все-таки удержаться от мысли об уникальности еврейского опыта. Кое-что, как видно, прибавилось к Ветхому Завету за эти тысячелетия...

ИАКОВ ОСТАЛСЯ ОДИН

“...И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари...

И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом...”

Бытие, 32, 24–28.

Вспомним молодость. И ее песни:

“Сарра, не спеша, дорожку перешла.

Ее остановил милиционер:

“Свисток не слушали, закон нарушили,

Платите, Саррочка, штраф — три рубля!”

“Ну, что ты, милый мой! Ведь я спешу домой.

Я никому не дам, все съест родной Абрам,

А курочку разделим пополам...”

Даже короткого пребывания в израильском гражданстве достаточно, чтобы почувствовать, как изменяется в тебе отношение к антисемитам и антисемитским шуткам. Ну, перешла Саррочка дорож-

Опубликовано в “22”, № 40, январь 1984 г.

ку, ну и что? Песенка про беззаветную преданность Сарры своему Абраму, которая почему-то оскорбляла нас в России, вдруг показалась мне почти трогательной. Если бы только имена Абрам и Сарра не резали слуха русскому читателю, эта простая история, возможно, заняла бы свое скромное, но достойное место в заднем ряду других шедевров мировой литературы, посвященных идиллическим парам: "Дафнис и Хлоя", "Филемон и Бавкида", "Фархад и Ширин", наконец... Раздобудь Ширин шашлык для своего Фархада, разве она разделила бы его с первым встречным милиционером?

В Израиле, где Абрам и Сарра звучат ничуть не иначе, чем Иван да Марья, начинаешь чувствовать, что если бы антисемитизм оставался неразделенным чувством, он не смог бы задеть нас столь основательно, как это было в действительности. То есть без нашего психологического соучастия, готовности "понять", он не казался бы столь оскорбительным. Опасным — конечно, несправедливым — большей частью, но вовсе не унижительным. Ведь песенка про Саррочку оскорбительна русскому еврею только потому, что она довольно верно воспроизводит портретные черты его нерусского предка. Так называемого "местечкового" еврея, сходства с которым он привык стыдиться. Ведь еврей в России был склонен стыдиться, что отца его некрасиво звали Абрамом. Что мама живот готова была положить, чтоб в доме была курочка. Что родители не угощали направо и налево соседей, как делают русские люди в патристических кинофильмах, на которых мы были воспитаны. И разве не стыдно того, что родители относились друг к другу по-человечески? Мещанская сентиментальность! Какая еще сентиментальность возможна между Абрамом и Саррой? Вот купила бы

она чекушку! А верный Абрам, ставший Аркадием, выпил бы ее с соседом и подрался — такая песня была бы не антисемитской, и она неискаженно отражала бы дорогой нам всем образ советского еврея:

Раз пошли на дело, я и Рабинович.
Рабинович выпить захотел...

Все, как у людей.

Говорят, с помощью логики все можно доказать. И все опровергнуть.

Ничего подобного. Никакой логикой не докажешь израильтянину, никогда не жившему среди других, что антисемитизм может его унижить. Также невозможно опровергнуть тот, уже случившийся, факт, что существование Израиля проблему антисемитизма снимает. Антисемитизм остается, как был. Но проблемы больше нет...

Конечно, израильтянин может заметить антисемитизм — он не слепой. Но он не может проявить того "понимания", которое дает возможность еврею страдать, а антисемиту получить свое моральное удовлетворение. Израильтянин не найдет в собственном опыте никаких оснований оскорбиться при разговоре о еврейских недостатках. Он даже может многое добавить от себя. Антисемитские карикатуры понятны только людям из диаспоры, которые там вместе с коренным населением знают, как они безобразны. Евреи из Израиля не видят ничего некрасивого в крючковатых носах и выпуклых глазах. Некоторым даже нравятся толстые губы. Однако, главное не в этом. Антисемитизм не волнует израильтян прежде всего потому, что он никак не может им повредить. И это быстро усваивают новые израильтяне. Так уж мы, люди, все устроены. Нас

...волнует по-настоящему только насущное. Из этого тривиального соображения вытекает нетривиальное следствие: у проблемы антисемитизма существует решение.

Я не стану утверждать, что это решение для всех. Например, тот факт, что три миллиона евреев в Израиле уже не реагируют на антисемитизм, несколько не облегчает ежедневных страданий миллионов антисемитов, по-прежнему видящих более чем достаточно евреев вокруг себя. И у них, антисемитов, пока нет выхода. Возможно, и сами эти евреи не полностью счастливы в диаспоре. Однако, у них выход есть... Я, конечно, не имею в виду СССР, где даже в метро повсюду натыкаешься на надпись: "НЕТ ВЫХОДА".

Проблема, которая имеет решение, уже не проблема, так же, как и трагедия со счастливым концом уже не может считаться трагедией. Жизнь всякого человека на земле трудна, но трагедией ее делают только Непреодолимые Обстоятельства. Рок и Страсти ведут к Гибели. Погромы и Катастрофа сообщают еврейской судьбе трагический оттенок. Но если есть выход, в чем трагедия? Если нет неразрешимости, в чем проблема? Еврейское государство было создано, чтобы дать приют беглецам, которым было н е к у д а бежать. Если бы у слова "некуда" был в те времена какой-нибудь переносный смысл, еще неизвестно, как бы обернулось дело...

Я также не могу сказать, что Израиль, во всяком случае — в том виде, как он есть, является наилучшим решением еврейского вопроса. Несомненно, что в диаспоре есть евреи, которые знают лучшие решения. Например, два года назад в нашу редакцию поступила из Мюнхена книга Б. Ефимова "Новый Израиль для территориалистов" (см. "22",

№ 32). В ней набрасывалась заманчивая альтернатива. Там предлагалось построить плавучий остров, размером с Израиль, который будет плавать по морям, выбирая климат согласно результатам референдума среди его жителей и давая евреям возможность пожить в наилучшее время года то в Европе, то в Америке. Все равно в Израиле нет полезных ископаемых (кроме костей предков). Заодно отпадет проблема границ и территорий, а также смежные проблемы военной службы и взаимоотношений с арабами. Зато пышным цветом расцветут еврейские таланты, которые, конечно, обеспечат высочайший в мире жизненный уровень... При первых признаках появления антисемитизма в пунктах причала, остров разводил бы пары и отплывал к более гостеприимным берегам. У такого проекта почти нет недостатков, в отличие от Израиля, который имеет их в изобилии. Однако, если обсуждать только то, что есть, приходится признать весьма несовершенный Израиль реальным (то есть тоже, в сущности, несовершенным и пока единственным) решением еврейского вопроса.

Решение одной проблемы всегда ведет к возникновению новых проблем. Освободившись от проблемы антисемитизма, израильтяне по горло завязли в проблемах, которые наши предки вверяли коренному населению антисемитских стран. И тут у многих израильтян возникло искушение подумать, что, быть может, и не всегда или не полностью были неправы отдельные антисемиты в отношении отдельных, нетипичных евреев, которые мешали им, антисемитам, решать их отдельные проблемы. Проще говоря, когда из привычного состояния в меньшинстве, ты вдруг ощущаешь себя принадлежащим к большинству, ты и мыслить начинаешь иначе, в

соответствии с ролью и интересами большинства.

Если социальная проблема меньшинства состоит в том, чтобы улучшить свое положение в составе общества, проблемы и ответственность большинства гораздо шире (и потому неизмеримо труднее) и относятся к устройству и существованию общества в целом. Проблемы меньшинства известны и хорошо изучены. В идеале, меньшинство завоевывает себе все то, что уже есть у большинства. Как сказал достигший в России признания поэт М. Светлов от имени русских евреев: "Чего они еще от нас хотят? Мы уже пьем, как они". Проблемы же большинства беспредельны и задачи не ясны. Идеал для большинства не поддается определению и зависит от веры. Как сказал другой поэт: "Умом Россию не понять. В Россию можно только верить". Он хотел намекнуть, что Светлов выполнил еще не все условия, необходимые, чтобы слиться с большинством населения России.

Меньшинство получает свою награду или поношение от своего большинства. А чей суд свершается над большинством? Стоит ли упоминать все? Тем более, что во многих исторических случаях этот суд еще не свершился.

Еврей в диаспоре, хочет он того или нет, противостоит всего лишь обществу, в котором живет. Правота в спорах с людьми слишком легко ему дается. Даже будучи побиваем и несправедливо оскорблен, он оказывается прав вдвойне, ибо еще и осуществляет христианский идеал распинаемой правоты. Это противостояние, справедливо или нет, дает внешнее основание для антисемитизма.

Прав был Иаков в споре с Лаваном или нет? Был ли он виновен перед братом своим Исавом? Почеловечески их спор мог быть решен и так, и этак.

Пока Иаков не остался один. Пока своей борьбой в одиночку он не подтвердил завета, заключенного с предками. Только этот Завет поставил его правоту выше обычных житейских расчетов. Он должен был остаться один, чтобы встретить истинное свое предназначение. Он остался один, чтобы легкость межчеловеческих споров не увела его от призвания. Еврей в Израиле, вместе со всем своим обществом, остается, наконец, один... Человек из диаспоры теперь тысячу раз подумает, прежде чем предпочтет сменить свои знакомые, наболевшие проблемы на свежие проблемы израильянина. И он будет прав. Думать, вообще, полезно. А вот пожаловаться больше некому...

Распалась связь времен. До 1948 года всегда можно было пожаловаться на антисемитизм. И найти понимание. По крайней мере, среди своих. После 1948-го, попробуй, пожалуйся — свой же брат-еврей тебе под нос сунет: "Ну, и поезжай в Израиль!"

Что же ему ответить? Неужели, как Е. Фиштейн (тоже из Мюнхена) учит в своем эссе "Из галута с любовью", что ты "вошел в мир, чтобы осветить человечество первыми вдохновениями упорядоченного семейного строя, но никогда не мог выносить в себе государственного идеала"? Ведь засмеют! Вот и Е. Фиштейн дальше пишет, что приводит "эти мысли не потому, что их разделяет, а потому, что они есть". Но если нельзя уже всерьез привести эти мысли, чтоб защитить свое положение в диаспоре, то не означает ли это, что их уже как бы и нет? То есть они уже не относятся к делу. В частности потому, что дело идет не об идеалах. Есть еще множество причин жить в Мюнхене, вопреки антисемитизму, даже если навсегда оставить надежду осветить человечество своими вдохновениями. Причины эти

более чем уважительны, но поскольку в сумме они перевешивают неприятные впечатления от антисемитизма, значит и антисемитизм этот не так страшен, как его нам малюют. Если же он действительно непереносим, то... мы опять возвращаемся к тому, с чего начали.

Кто бы мог подумать о таких необратимых последствиях реализации права на самоопределение? Кто бы предположил, что получив, вдобавок к остальным правам, право на самоопределение (что есть безусловное благо), мы потеряем часть душевного комфорта, связанного с возможностью винить других во всех наших бедах?

Не к тому ли сводились некоторые из антисемитских претензий?

Такая же опасность, кстати, таится и в реализации всех остальных "прав человека". И нет ли заметной доли правоты и в претензиях охранителей к диссидентам?

О, если бы все, борющиеся за свободу, это знали!

Весьма пронизательно отметил Е. Фиштейн у нас, у новых израильтян, склонность к самообожанию в сочетании с равнодушием к судьбам преследуемых евреев всего остального мира. Конечно, было бы лучше для всех, если бы такое наблюдение исходило от человека, живущего среди нас. Нам тогда было бы легче его принять. Он, Фиштейн, в данном случае, поступил с нами, как еврей. Неделикатно, то есть выступил. Но давайте и мы не становиться антисемитами и примем его обличение с благодарностью. Ведь есть грех. Есть желание возвыситься над галутным евреем (над кем бы еще можно было, кто бы стал слушать?), возрастающее пропорционально разнице в налогообложении и числу дней, проводимых в военной службе. Есть и другие грехи, похуже это-

го. Но и признав все свои общечеловеческие грехи, не признаем, что между израильтянами и остальными евреями нет никакой разницы. Разница не просто велика, а принципиальна.

Есть ли разница между владельцем предприятия и наемным служащим? Люди в СССР, возможно, думают, что эта разница проявляется только в доходе, который они получают. Однако, есть предприятия, где разницы в доходе нет или она — не в пользу хозяина. Принципиальная разница, которую не измерить деньгами, существует между тем, что "мое", и тем, что "чужое" или "общее". Тут идеология ни при чем. Я окурков дома на пол не бросаю. Не потому, что уважаю труд уборщиц. А в городском парке я их бросаю не в знак протеста против ущемления прав этнических меньшинств. Тот факт, что в сферу "своего" у израильтянина, хотя бы и недавнего, входят совсем другие люди, вещи и понятия, не станет отрицать и Е. Фиштейн. Но тогда и его ирония по поводу сходства израильтян с "другими территориально обеспеченными народами" показывает лишь глубину его непонимания. Непонимание это заставляет нас еще острее ощутить то новое чувство причастности, которое так редко посещало нас в СССР. Быть может, и здесь идеология играет очень небольшую роль. Когда израильская команда играет в баскетбол, мы переживаем это совсем не так, как было в России. И наша операция в Энтеббе волновала нас гораздо больше, чем провалившаяся операция американцев в Тегеране и чем удачная операция немцев в Могадишо. Когда видишь по своему телевизору похороны солдата, накануне погибшего в Ливане, и знаешь, что на днях соседскому мальчишке идти в армию, воспринимаешь это иначе, чем сообщение, что еще 10 000 советских солдат погиб-

ло в Афганистане. Тут соображения о справедливости войны ни при чем. Может быть, Россия слишком велика, а советская власть слишком противна, чтобы могли мы так же чувствовать это и в своей диаспоре. Но, быть может, и упреки русских антисемитов в том, что, несмотря на триста лет сосуществования, не все евреи ощутили Россию, как "свою", не вовсе лишены оснований? Конечно, также очевидно, что и русские сами виноваты в этом, но ведь не станем же мы ожидать, что они увидят у себя в глазу эту соринку. Ведь они, как и мы, такие, какие есть, хороши для себя и меняться не спешат.

Оттого, что Израиль маленькая страна, наша жизнь очень сильно зависит от всего, что в ней случается. И это меняет все наши прежние представления о жизни вообще и о нашем брате-еврее, в частности. В известном стихотворении:

Вдруг трамвай на рельсах встал,
Под трамвай еврей попал.
Евреи, евреи — везде одни евреи...

юмористическим в Израиле может показаться только упоминание трамвая, которого здесь никогда не было. Ведь вокруг нас действительно везде одни евреи. И "если в кране нет воды", воду в самом деле выпили или испортили жида. А в том, что "нету бинта, нету ваты — все евреи виноваты" у нас сомнений быть не может. Кто же еще? Всеми своими неприятностями, как и всеми достижениями, мы обязаны исключительно евреям. Израильтянин не просто окружен евреями. Он в с е г д а окружен ими и только ими.

Наш традиционный моральный экстремизм, радикальность мышления и нетерпимость несколько умеряются постепенным осознанием того факта, что

все мы сидим в одной лодке. А также непосредственным ощущением, что эта лодка не так уж велика. Мы привыкли жить одни в своем доме...

Наверное, коренное непонимание в главном пункте обрекает на недостоверность и все остальные пункты литературно такой обаятельной статьи Е. Фиштейна. Начиная с эпиграфа из Второзакония, который очевидным образом относится не к евреям Израиля и Диаспоры, а к первому поколению, вышедшему из Египта, и последующим. Кончая очаровательной последней фразой о диаспоре: "Она тихо станет за его (израильянина) спиной, как нелюбимая, но верная жена". Как это ни трогательно, однако "Любящая, но неверная жена" было бы для характеристики взаимоотношений Израиля с диаспорой не менее верно. Фатальным образом все три автора, которых выбирает для критики Е. Фиштейн, никак не укладываются в его диагноз. Ни один из них не может быть обвинен в "комплексе неофита", и тем более здесь не по делу "комплекс ренегата". И М. Хейфец, и М. Агурский сложились как писатели еще в России и высказывали там в своих неподцензурных писаниях мысли очень близкие к тем, которые вызвали критику Е. Фиштейна сейчас. Мы даже имели случай критиковать одного из них за это в нашем журнале (см. "22", № 3). Н. Гутина начала писать в Израиле и, будучи гораздо моложе, просто искренне не понимает нашей чувствительности к антисемитизму, происходящей от специфического жизненного опыта. К тому же она — писатель антибуржуазный, и, если бы Е. Фиштейн дал себе труд вникнуть в противополовательский, а не противоеврейский контекст ее мыслей, я боюсь, он скорее согласился бы с ней, чем обличал. Во всяком случае его презрительные выпады против "лабазни-

ков” и “израильянина, зарабатывающего свой шекель в торговых рядах” представляются мне будто списанными у Н. Гутиной, которая не без оснований предполагает за евреями диаспоры склонность и к гораздо менее почтенным занятиям. Наконец, ее призывы к официальным инстанциям, хотя и носят чисто риторический характер, но вполне адекватно отражают настроение очень значительной части израильской публики, которая посылает вызовы в СССР совсем не для того, чтобы советские евреи над ними смеялись.

Возможно, именно сюда протянется обличающий палец Е. Фиштейна, чтобы заклеить черствость и непонимание израильской публики. Я уверен, что он сумеет сделать это самым элегантно образом. Я не сомневаюсь также, что и Н. Гутина сумеет отбрызнуть его не менее категорически и изящно. Но в данном случае меня интересует не правота или ложность позиций сторон, а то коренное неравенство в их положении, которое я стремлюсь охарактеризовать на этих страницах. Это неравенство не людей, а их положения в мире.

Хороши израильяне или плохи, они — одни в целом свете, на которых могут надеяться евреи в СССР. Красиво или безобразно, но только израильяне могут вызволить евреев, оказавшихся в беде в какой бы то ни было точке земного шара. Как бы ни был теоретически прав Фиштейн, вызова из Мюнхена (если, не дай Бог, что случится) ему придется ждать от Гутиной, не говоря уж о том вызове, который он однажды уже получил в России от другого израильянина. Именно эта подспудная зависимость и тяготит его, и восхищает. Нелегко еврею в диаспоре (как и всякому человеку) расстаться с мыслью о своем центральном положении в собст-

венном идеологическом космосе. Но, именно как еврей, он вынужден это сделать.

Каковы бы ни были Божьи замыслы в отношении диаспоры, они осуществляются помимо воли исполняющих — так сказать, вне писаного контракта. Евреи живут в диаспоре не вследствие своей миссии, и многие останутся там, даже если найдется убедительное свидетельство, полностью эту миссию отменяющее. Израильтяне же, каковы бы ни были их личные мотивы, исполняют условия, не только записанные Бог весть когда, но и повторяемые ежегодно и торжественно всеми евреями мира.

Допустим, я расист, живу в Израиле из корыстных побуждений, “зарабатываю свой шекель (О, Боже, услышь!) в торговых рядах” и к тому же страдаю “комплексом неофита”. А некто в диаспоре, скажем, Е. Фиштейн, напротив, благородный человек, уважает черных, сеет разумное, доброе, вечное, согласно своему призванию и искренне желает Израилю всяческого процветания. Несмотря на очевидную разницу в моральном уровне, именно мне придется расплачиваться за спасение очередной группы евреев, скажем, из Эфиопии. А Фиштейну — только обсуждать мою неэффективность среди знакомых. Я вынужден буду встречать эфиопов на улице, в магазине и в поликлиниках и, возможно, испытывать неудобства, которые неизвестны европейским противникам апартеида. У меня, вместе со всем Израилем, вдобавок к арабам и персам, появится новый могучий враг — Абиссиния. Мою тещу не примут в больницу, потому что больница переполнена эфиопами. А Фиштейну достанется умиляться моей жертве или, наоборот, подсчитывать, сколько денег на это слупит Сохнут с диаспоры. Возможно, под влиянием этих реальных фак-

торов или вследствие заблуждений, мой "комплекс неопфита" может перерасти в "комплекс ренегата", и я стану обдумывать возможности уклонения от армейской службы и даже бегства из страны. Однако, вынужденный совместить эти комплексы с корыстными интересами, я до осуществления своих планов буду пока околачиваться в "торговых рядах". Откуда меня и загребут на внеочередной срок в "милуим", охранять какой-нибудь забытый Богом аэродром в пустыне, на который как раз и высаживают этих полуживых эфиопов. Не склонный им сочувствовать, я стану злословить, что как только всех этих черных лоботрясов вылечат, они побегут получать социальные пособия, вместо того, чтобы идти работать, как пришлось нашему брату. И голосовать, небось, их потянет за какого-нибудь Меира Кахане (или Меира Паиля, как им в голову втемяшится), а не за перспективного Флатто-Шарона, как мне когда-то хотелось. Одним словом, процветание Израиля и мое лично, опять отложится на неопределенное будущее. Я буду проклинать все на свете, и этих спасенных — в первую очередь, и, может быть, израильский интеллеktуал с соседней койки в казарме робко мне возразит, но еврей из диаспоры смело будет мне указывать мое предназначение — спасти всех угнетенных евреев (а, может быть, и неевреев) всех стран, да еще добавит что-нибудь еврейское о равенстве и справедливости. Ведь я живу для себя, а еврей в диаспоре, как известно, живет для справедливости...

Но все же спасти кого бы то ни было и нести все последствия этого суждено именно мне, а не ему. Потому что я, какой ни есть, рискнул в свое время поселиться в еврейском государстве, а он остался пока там, откуда время от времени приходится ев-

реев спасать, но куда их неудержимо тянет снова. Может быть даже, потеряв возможность зарабатывать на антисемитах и перестав их бояться, я и в самом деле возвысился, совершил "алию"? Во всяком случае, имея дело только с евреями, всегда знаешь, чего можно от них ожидать.

Возможно, мы, израильтяне, не лучшие из евреев, но остаться одним, действовать как народ и ощутить, что это значит, дано только нам. Много раз в современной истории наша еврейская пронизательность обнаруживала несправедливость в основаниях существующих обществ, а наша безответственность, как меньшинства, способствовала созданию новых, гораздо худших. Как совместить требования справедливости с реальной жизнью большинства, а не призрачной жизнью потомственных подавателей советов, может знать лишь Тот, кто эту справедливость установил, собрал нас вместе, оставил одних и обрек на поиски того, чего еще никогда не было. Ему, толкнувшему на неведомый новый путь, только и судить наши заблуждения. Эти заблуждения — тоже часть нашего нового опыта. Опыта одинокой борьбы. Задолго до появления зари.

**МИР КАК ВОЛЯ И
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

АНДРЕЙ САХАРОВ, ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

Прежде всего зададим себе вопрос: мог ли бы А. Сахаров в такой мере заинтересовать мир, как это реально происходит, только как человек, то есть если бы он не был ученым? Я думаю, что — нет. И этот мой ответ характеризует не столько А. Сахарова, сколько мир, в котором мы живем. Но основывается он на моем представлении о Сахарове как человеке. Если бы А. Сахаров был политиком, он, я думаю, не выдержал бы конкуренции других, более бойких кандидатов на первых же этапах своей карьеры. Он не смог бы упрощать свою мысль для того, чтобы получить временный успех, а тогда он не пробился бы до того уровня, на котором можно думать об успехе серьезном. Хотя политическая жизнь в СССР совершенно отличается от жизни в демократических странах, сказанное равно относится и к демократическим странам тоже. А. Сахарова не выбрали бы даже членом муниципалитета,

Речь на торжественном собрании Национальной АН Израиля, посвященном присуждению А.Д. Сахарову Нобелевской премии Мира. Впервые опубликовано в "Время и мы", № 3, 1976 г.

потому что он бы слишком глубоко задумывался, прежде чем что-нибудь сказать, а ни у кого в этом мире нет терпения выслушивать.

Если бы Сахаров был писателем, он не имел бы успеха, потому что он не смог бы указать правых и заклеить виноватых, как делают писатели гражданские, и не оказался бы достаточно артистичен, как писатель лирический. У него не достало бы эгоизма привлечь весь мир в свидетели своих душевных неурядиц и не хватило бы одержимости говорить миру, который не желает слушать.

Если бы Сахаров был школьным учителем, на которого он похож своей добротой и манерой поведения, — стал ли бы мир его слушать? И когда бы его выгнали с работы или посадили в лагерь за те же самые слова, максимум, на что он мог бы рассчитывать, — это подписи нескольких добросердечных интеллектуалов под письмом в его защиту, направленным в советское посольство. А потом — на тихую жизнь, заполненную полезным физическим трудом, либо в ссылке в Сибири, либо в эмиграции, в Миннеаполисе...

Однако и если бы он был просто ученым или даже великим ученым, ситуация бы не слишком изменилась. То есть, конечно, ученые прислушивались бы к его словам, и на международных конференциях, посвященных физике и строению мира, раздавались бы слова о научной свободе, о необходимости прислушиваться к ученым и т.д. Только ученые в нашем мире знают, что необходимо прислушиваться к ученым. Все остальные знают только, что с учеными надо как-то поладить, то есть в конечном счете от них (и от их предложений) отделаться. Поэтому и в этом случае слова Сахарова дальше ограниченного круга беспокойных профессоров (в большинстве

евреев) не пошли бы. А он не стал бы предпринимать усилий, чтобы попасть в газеты, выступить по радио, встретиться с сенаторами и конгрессменами...

А. Сахаров — не просто ученый. Будучи человеком очень скромным, он как-то сказал мне: "Ну какой я ученый? Я ведь, в сущности, изобретатель". Он несомненно преувеличивал, но, как всякий великий человек, очень точно видел суть проблемы. Суть проблемы в том, что миру не нужны ученые и сильные мира сего не ценят мудрецов. Сахаров есть Сахаров и для советских властей, и для западных обывателей не потому, что он ученый, а потому, что он — изобретатель. И изобрел он — ни много ни мало — водородную бомбу, от которой весь этот мир может взлететь. Особенностью сегодняшней техники является необходимость быть ученым, чтобы изобрести что-нибудь значительное. Но это не меняет того основного факта, что мир интересуется вещами, а не идеями, явлениями, а не сущностью...

Собственно, если бы А. Сахаров не стал бы ученым, он вообще не смог бы сложиться как личность и не приобрел бы своего влияния. Только в науке сейчас ничего не значит большинство голосов (даже в искусстве — это не так), и только в науке основательность и глубина весят больше быстроты и практичности. Медлительный, вдумывающийся в каждое слово, Андрей Дмитриевич, как бы прислушивающийся к неясно различимому голосу в себе и явно допускающий практические ошибки, мог бы быть принят только в обществе, где нет окончательных истин и где даже самый опрометчивый может оказаться прав... Таким обществом сейчас (во всяком случае, в Советском Союзе) является только общество ученых, и Сахаров является одним из лучших представителей такого типа. Но в прошлом такая

атмосфера царила не среди ученых, а среди религиозных мыслителей, отшельников, философов, пророков. Мудрость Талмуда связана с таким относительным агностицизмом, и Евангелия характеризуются такой особой неуверенностью в теоретических вопросах, которая покоряет в Сахарове. Весы совести все время колеблются, и номинальный вес гирь сплошь и рядом не соответствует фактическому (а иногда и меняется со временем). Это происходит на твоих глазах, и ты смотришь и вдруг понимаешь: "Святой!" Пожалуй, даже более определенно — христианский святой, подвижник, хоть сейчас в мученики.

А как же "ученый", а "изобретатель"? Как же, как же... А чудеса!..

Главная функция всякого порядочного святого — умение творить чудеса. Скажем прямо: мир интересуется учеными, потому что ожидает от них чудес. Все великие изобретения, которые так изменили лицо мира за последние десятки лет, воспринимаются обывателем и его государственным представительством как чудеса, которые способны творить одни личности и не способны другие. Популяризация науки и всеобщее образование несколько не сглаживают разрыв между "учеными" и обыкновенными людьми, хотя эти люди могут быть не менее учеными и не менее квалифицированными в своей области. И вот, то самое, что неоднократно было им говорено и отброшено, слышат они от человека, творящего чудеса, и в душу закрадывается страх...

Разве слушал Фараон Моисея? Но Моисей сотворил чудеса... Фараон задумался. Разве нужны были чудеса, чтобы понять, что говорил ему Моисей? "Мы пришли сюда свободными людьми, а теперь мы — рабы", "Отпусти народ мой" и пр. Но вот

понадобились чудеса, и Десять казней египетских, и Огненный столб: и евреи свободны. Что же? Слушали ли они сами Моисея? — Нет! И опять пошли чудеса... Огненные столбы и атомные грибы вырастают, чтобы подтвердить простую мысль-заповедь: "Не убий!" Такие положительные чудеса, как манна или пенициллин, недостаточны для усвоения этой мысли. Эти чудеса учат людей не собирать в житницы и надеяться на авось. Чтобы удержать их от массового взаимного убийства, нужно что-то пострашней, и вот оказалось недостаточно даже динамита и 1-й мировой войны. Была и 2-я, и атомная бомба. И теперь — водородная... Справедливо, что премию Нобеля, изобретателя динамита, присуждают Сахарову, изобретателю водородной бомбы, за стремление к миру, за его мужественную борьбу в пользу прав Человека. Если человечество погибнет, оно погибнет не от водородной бомбы и не от динамита. Оно погибнет от собственного неразумия. Динамит сам по себе никого еще не убил. Обязательно была рука, которая этот динамит зажгла и бросила. И, впрочем, часто тот, кто бросал первым, получал преимущество и, может быть, уходил от возмездия. Но чудеса Божьи совершенствуются, как люди. Тот, кто бросит бомбу теперь, не уйдет от возмездия. Народ, который замышляет убить другой народ, теперь смертельно рискует и подвергает риску весь мир вокруг. Это страшно. Но я думаю, что это хорошо. Как и раньше, найдутся безответственные смельчаки. Но теперь, не как раньше, всем не будет наплевать. Найдутся и те, кто удержит преступную руку. Не из благородства, к сожалению, а ради собственной безопасности. И это хорошо...

Таким образом, А. Сахаров (как и его американский коллега Э. Теллер) не несет вины за создание

смертоносного оружия, а участвует как изобретатель в создании технического чуда, которое должно вразумить народы и направить их энергию на более разумные цели, чем смертоубийство. И Андрей Сахаров первый выступил с предупреждениями перед советскими вождями. Что значит выступить перед такими людьми с такими предостережениями, может себе представить только либо человек, выросший в СССР, либо человек, твердо помнящий, что пророк Исайя был, по приказу царя, перепилен деревянной пилой. И все же, оставаясь на современной почве, скажем просто, что он выполнил свой долг ученого. Ибо, оценив все последствия своего изобретения, он уже перестал быть просто изобретателем и стал Ученым.

Наконец, идя дальше по этому пути, взяв ближе к сердцу людские заботы, Андрей Дмитриевич связал вопрос о Правах Человека с вопросом о Мире, и эта постановка вопроса все еще нова. Почти никто на Западе еще не понял, что война, которую советские власти ведут со своим народом, не может не коснуться их. Запад еще не понял, что мирной может быть только страна, внутри которой царит мир, и отсутствие этого покоя в СССР есть смертельная опасность для всех. Вопрос о Правах Человека не есть больной вопрос только для СССР. Больше 60% Объединенных Наций пренебрегают правами человека, и это значит, что опасность грозит миру со всех сторон. Большинство человечества не просто нарушает права отдельных лиц и групп. Большинство человечества не знает, что оно нарушает, и что Господь сообщил евреям на горе Синай 10 заповедей. Поэтому у большинства нет даже общей почвы для переговоров. А. Сахаров пророчески указал на это всему цивилизованному миру и тем самым стал великим Человеком.

АЛИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИЗ РОССИИ

Советская интеллигенция — вторая в мире по численности и технической мощи. Евреи составляют очень важную, может быть, сердцевинную ее часть. Процент евреев больше в группах с наиболее высокой квалификацией. Так среди лиц с высшим образованием вообще евреи составляют около 5%. Среди кандидатов наук — евреев 10%, а среди докторов наук в Москве (наивысший уровень) — больше 25%. Их реальное влияние в интеллектуальных кругах еще выше этого численного соотношения, так как многолетний антисемитизм привел к тому, что средняя квалификация специалиста-еврея заметно выше средней квалификации русского, находящегося в том же социальном положении. Поэтому евреи-интеллигенты в России представляют собой громадную силу, которая в последние годы начала осознавать самое себя. Широкие массы советских евреев ориентируются на интеллигентскую группу, и их поведение сильно зависит от настроений элиты. Таким об-

Доклад для израильского Центра Абсорбции в науке, сделанный в марте 1975 г. Впервые опубликован в "Mead-stream", 1976.

разом, от того, насколько правильно мы поймем настроение этой группы и насколько сумеем привлечь их к израильским проблемам, зависит очень многое и в судьбе будущей алии, и в судьбе Израиля.

В СССР около 100.000 научных работников-евреев. Около 30.000 из них имеют степени кандидатов наук и более 5.000 степени докторов. Даже если не учитывать сотни тысяч инженеров и врачей, одни только квалифицированные специалисты, работающие в научных и прикладных институтах, составляют 50.000 (всего евреев с высшим образованием в СССР — 500.000).

Проблему евреев-интеллигентов трудно (практически невозможно) отделить от проблемы интеллигенции в России вообще. Это первое, что надо учесть при обсуждении этого вопроса. Рассматривать движение за выезд в Израиль (которое теперь будет держаться, в основном, на энтузиазме этой группы), как чисто национальное, в традиционном смысле, значило бы принимать желаемое за действительное. Но так как все участники этого движения (почти все) были и останутся евреями и причины движения в значительной степени традиционно еврейские (в историческом смысле), можно оптимистически относиться к возможности направить это движение в русло еврейских национальных задач. Не нужно однако забывать, что еврейские национальные задачи понимаются в России гораздо более широко, чем это принято в традиционно еврейских кругах и возможно множество конфликтов типа конфликта Б. Спинозы с Амстердамской общиной, который происходил от аналогичного различия в жизненном опыте.

Попробуем выделить непосредственные причины, влияющие на принятие решения об эмиграции из России, а затем рассмотрим насколько эти причины

побуждают интеллигента приехать именно в Израиль. При этом следует помнить, что эмиграция из СССР — дело настолько трудное и даже опасное, что ни один серьезный человек не предпримет его без серьезного обдумывания и подготовки. Поэтому, так как все-таки речь идет об интеллектуалах, достаточно многие из них продумывают вопрос до конца, и их решение будет связано с причинами более глубокими, чем нижеперечисленные. Однако я вижу свою задачу не в том, чтобы давать моральную оценку поступкам людей, а в том, чтобы в наиболее ярком виде обрисовать фактическую ситуацию, как она видна из Москвы в наши дни.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППЫ

Так как евреи в СССР не отделены стеной от остальной советской интеллигенции, они в значительной степени разделяют общие для советской интеллигенции предрассудки и их особенности характеризуют их не столько как евреев, сколько как интеллигентов или даже русских интеллигентов. Но их принципиальное отличие от окружающих состоит в том, какую роль в их реальной жизни играют их идеологические соображения. Только у евреев в СССР (почти только) их взгляды приводят к решительным действиям, и поэтому все реальные движения в России по составу оказываются в сильной мере еврейскими.

Психология советского интеллигента построена без участия религиозных и традиционно национальных моментов и основана на утилитарных и общенаучных идеях. Жизненный опыт трех поколений учит советского интеллигента тому, что его единственная и неотъемлемая ценность (и одновременно

оправдание его существования) есть его профессиональная творческая потенция, которая при существующем в обществе идеологическом вакууме почти отождествляется им с его душевной жизнью. В России разговоры на профессиональные темы увлекают людей в нерабочее время, а перипетии служебной жизни рассматриваются как интимные переживания, от которых зависит настроение и даже здоровье.

Сложился своеобразный культ профессии, религиозная одержимость профессиональными интересами, которая заставляет советских интеллигентов не только работать больше обычного, но и придавать непропорционально большое значение профессиональным успехам и неудачам и глубоко страдать в случае, когда профессиональные возможности не реализуются. То ощущение осмысленности индивидуальной жизни, которое дается религиозным или просто традиционным воспитанием, достигается советским интеллигентом (и не всяким) лично, не благодаря, а вопреки общей идеологии и, обычно, внутри своей профессии. Таким образом, профессия для него часто не способ заработка, а единственный источник духовной жизни и единственный путь к подлинной культуре.

Насколько это самочувствие близко к религиозному видно из того поразительного факта, что множество евреев в России становятся неопитами тех религий или философских школ, которые входят в сферу их профессиональных интересов: специалисты по буддизму становятся буддистами, специалисты по русской культуре и иконописи часто становятся православными, а специалисты по экзистенциализму — экзистенциалистами. Физики и математики — строят себе мировоззрения внутри своих наук, а артисты и художники молятся на свое ис-

кусство. Поистине “служат дереву и камню”, но у всех при этом также “сердце встревоженное”, ни на чем не позволяющее успокоиться и требующее дальнейшего духовного развития или, хотя бы суррогата — профессиональной занятости.

Поэтому “интересная работа” воспринимается в этих кругах как благо не зависящее от оплаты, а сам интеллигент чувствует себя хорошо, только когда он уверен, что его работа очень ценится. Часто сами материальные блага, которые в обычном случае зависят не от квалификации, а от оборотистости, для интеллигента в СССР служат лишь показателем того, что “его ценят”. Такие утверждения как “мне дали хорошую квартиру”, “я получаю большую зарплату” или “начальник позволяет мне опаздывать и приходить, когда я пожелаю” имеют не только обычный житейский смысл в СССР, но содержат также моральное удовлетворение и означают: “без меня на работе не могут обойтись, и я пользуюсь уважением”. Это та компенсация, которую советский человек, и особенно, советский еврей, получает за бесчисленные унижения от власть имущих. Все знают, что больные хотят попасть к врачу-еврею, а при решении сложных технических вопросов, еврей-ученые никогда не будут забыты, и даже могут рассчитывать на Государственные премии (реже — на административные продвижения). Поэтому сам по себе антисемитизм властей, если он не проникает в профессиональную сферу, и евреям не мешают работать в своей области, не вызывает особого ожесточения и не может считаться основной причиной эмиграции.

Следует помнить, что, хотя большинство советских интеллигентов давно не верит в марксизм, они все же верят в наличие некоей “правильной” идеоло-

гии и сомневаются лишь в том, какая из идеологий "правильная". Хотя они обладают этническим сознанием, им очень трудно понять, что это сознание может быть связано с идеологией, ибо тогда вынуждены были бы признать, что истина, быть может, не универсальна, а различна для евреев и, скажем, для русских. Нужно сказать, что русские коллеги в этом смысле (в смысле роста национального сознания) значительно опережают евреев и воспринимают интернационализм как еврейскую идеологию. Так как многие евреи верят в единственную истину, взрыв национализма во всем мире они воспринимают как обычное общее увеличение дикости, подобно другим движениям XX века: "левые", "хиппи", "троцкизм", "маоизм" и прочее.

От этого поверхностного интернационализма до универсализма библейского путь еще настолько далекий, что рассматривать их взаимосвязь здесь не стоит.

Наряду с этой чертой, благодаря многолетнему антисемитизму в России, у евреев есть также специфически рабочая хватка и привычка к производительному труду. Евреи в России привыкли, что они должны работать больше и лучше других и проявлять свойственный им динамизм и предприимчивость всюду. В этом отношении русские еврей-интеллигенты больше напоминают сейчас американских евреев, чем евреев России, какими они были 50 лет назад. Средний балл для поступления еврей-школьника в институт должен быть заметно выше среднего, уровень студента должен быть выдающимся, чтобы он мог рассчитывать на приличную работу, а после окончания никто не поможет ему защитить диссертацию, если он не будет работать по 12—14 часов в сутки и проявлять заметные способности. По-

этому русские евреи тратят большие усилия, чтобы дать наилучшее образование своим детям и осторожно, но упорно, помогают в этом друг другу. Есть у них также склонность сочувствовать слабым вообще, и поэтому их естественное сочувствие Израилю ослабевает всякий раз, как им кажется, что Израиль как государство, или евреи, как народ, проявляют высокомерие сильного по отношению к какому-нибудь слабому (это парадоксально, но в России особенно слабым, и особенно часто, выглядит как раз русский народ).

ПРИЧИНЫ, ПОБУЖДАЮЩИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ К ЭМИГРАЦИИ

1) Профессиональная неудовлетворенность, связанная с уверенностью, что результаты труда будут использованы в СССР наихудшим образом, технически нерационально и идеологически неприемлемо и, что инициативе профессионала во всех случаях будет противопоставлена бюрократическая рутинa, партийная идеология и национальное недоброжелательство. Во многих случаях эти представления несколько утрированы. По контрасту с советской действительностью существует миф о Западе (особенно США), как о мире, где господствует технически обоснованное принятие решений, отсутствует бюрократизм и наблюдается безразличие к идеологии. Если сопоставить все это с тем, что говорилось выше о психологии интеллектуалов в СССР, станет понятно, что профессиональная неудовлетворенность этой группы воспринимается ею не как житейское обстоятельство, а как личная катастрофа для каждого отдельного человека и многозначительная характеристика нерационально построенного обще-

ства. Из такого общества необходимо уехать, так как "мы больше тут не нужны".

2) Идеологическая несовместимость, связанная с политическим недоверием к любым шагам правительства и отвращением к государственной идеологии СССР во всех ее формах (от русского патриотизма до философского материализма). Эта особенность породила в интеллигентской среде, так называемое "демократическое" движение, которое оказалось в такой подавляющей степени состоящим из евреев, что власти не замедлили этим воспользоваться и обвинили их в "сионизме". В дальнейшем подавляющая часть этих людей установила контакты с единичными оставшимися в СССР сионистами и положила основание алии из России. Однако было бы большой ошибкой буквально понимать термин "сионист" в применении к этой группе. Большая часть сионистских документов в СССР вообще неизвестна, и о сионизме в России судят по Т. Герцлю, А. Эйнштейну и М. Буберу, а не по действиям и словам вождей реальных политических партий.

Психологический стереотип, приведший к идее эмиграции, здесь был тот же, что и выше: "Демократическое движение нужно только одним евреям, народ нас не понимает, мы здесь не нужны, значит нам нужно уехать в Израиль, который в нас нуждается. Там нас ждут, там мы нужны, там — наше место".

3) Неуверенность в будущем, связанная с заботой об образовании детей. Здесь особенно заметен государственный антисемитизм, хотя некоторые трудности при поступлении в институты испытывают и другие дети из интеллигентных семей. Однако в еврейских семьях особенно остро переживается приближение общего падения влияния евреев в ин-

теллигентских кругах. Кажется очевидным, что в поколении наших детей (студентов) евреи полностью потеряют свои позиции в большинстве интеллигентских профессий, а при наличии сильного государственного и народного антисемитизма, это может привести к катастрофическим последствиям для евреев, не только как социальной группы, но как для людей, чья безопасность в России держится на очень шатких основаниях.

И здесь тоже евреи в России формулируют, что мы уже не так нужны, как раньше и это может вызвать искушение с нами расправиться.

4) Конкуренция русской интеллигенции, связанная с общим ростом культурного уровня русского народа. Разложение официальной интернационалистической идеологии и многолетняя антисемитская пропаганда помогли сложиться в России русской националистической идеологии, которая оказывается в значительной мере направленной против евреев. Если пять лет назад признаться в антисемитизме в интеллигентской среде значило исключить себя из общества порядочных людей, теперь это не так или не совсем так. Достаточно высказать в общих терминах сочувствие Израилю, чтобы после этого можно было безнаказанно обливать грязью евреев в России и высказываться самым наглым образом о их порочных свойствах вообще и их вредоносной роли в русской культуре, в частности. Это особенно близко касается гуманитарной интеллигенции, но чувствуется даже среди математиков и физиков. Здесь интеллигенты также ясно ощущают, что они "больше не нужны России..."

Таким образом, общие причины эмиграции можно было бы подытожить так: теряется ощущение нужности в этой стране и нарастает ощущение бли-

зости катастрофы (специфически еврейской или общероссийской — не ясно) .

Я сознательно не назвал здесь такую причину для эмиграции как желание жить в своей стране и строить по-своему свою жизнь, так как подавляющее число русских евреев (даже когда они прямо декларируют это желание) не отдают себе отчета в том, что это значит. Заявления о таком желании возникают только после того, как решение об эмиграции уже принято, а большое число разочарований показывает, что это желание было непродуманным... Внутренне, чтобы они ни говорили, советские евреи ориентированы на исход из одного общества, "в котором они не нужны" и которое они сами отвергли, — в другое, в котором они "нужны" и которое предполагается динамичным, культурным и лишенным пороков советского общества. В частности, в Израиле, конечно, всех их сумеют использовать наилучшим образом, а такого беспорядка, коррупции и примата политических соображений во всех вопросах, как в России, они никогда больше не увидят...

Мысль о том, что они сами суть самоцель, и общество будет таким, какое они построят (точнее, смогут построить) для себя и по своему подобию, незнакома подавляющему большинству русских евреев, включая и тех, которые громко заявляют о своем желании строить. Русские евреи ориентированы на приспособление к имеющемуся обществу, а не на создание своего. Нужно сказать, что в какой-то степени такая их ориентация определяется теми начальными условиями, в которые они попадают по приезду в страну и, может быть, они правы в том, что израильское общество уже сложилось в такой степени, что им остается только приспособиться или уехать. Об этом я лично судить не могу, но уже три

года, во многих письмах из Израиля в Москву, присутствовала именно эта мысль. Когда я говорю о строительстве общества, я имею в виду не его материальную базу, а принципы взаимоотношений и шкалу ценностей. В обычных декларациях, призывающих строить с в о ю страну, русские евреи имеют в виду материальное строительство, предполагая, что им скажут, что строить, так как в еврейской стране уж наверное не дураки и все делают, как надо, русского разгильдяйства там нет.

Посмотрим, в какой степени разрешаются проблемы русского еврея-интеллекта при переезде в Израиль и почему он может захотеть уехать в Штаты.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

1) Решительно никто в Израиле не обещает русским олим лучшие профессиональные условия, чем в России. Напротив, в Россию отправлено много писем с жалобами на техническую нерациональность, бюрократическую рутину и перевес партийной идеологии над деловыми соображениями — все то, что побуждало к эмиграции из СССР. Вместо национального недоброжелательства многие столкнулись с недоброжелательностью старожилов, что для них гораздо хуже, так как они при этом лишаются последних иллюзий по поводу братства всех евреев. Я уже говорил о профессиональном фетишизме советских евреев, который заставляет рассматривать всякое письмо из Израиля, в котором повествуется о плохом положении заведомо хорошего специалиста, как документ свидетельствующий о неудовлетворительном состоянии израильского общества в целом.

Так как миф о рациональном Западе остается в

сознании людей, многие полагают, что в США ситуация намного лучше. Для человека, воспитанного в сверхдержаве, масштабы США и разнообразие укладов представляются очень привлекательными, а проблема английского языка кажется более легкой, чем иврит. Равнодушие общественности в США воспринимается им естественно и, променяв одну диаспору на другую, он избегает трагедии крушения идеалов, которая возможна в Израиле.

Однако есть также и положительные моменты в этом пункте. Так как оценки профессиональной компетентности в Израиле довольно объективны, многие чувствуют себя удовлетворенными даже когда их относительное положение по сравнению с СССР несколько ухудшается, если видят обоснованность такого ухудшения. Многие высказывают удовлетворение по поводу того, что их труд идет на пользу Израилю и даже, если это происходит не наилучшим образом, все же у них нет ощущения, что кто-то злонамеренный и чуждый пользуется результатами их труда. Израиль дает им возможность считать, что их труд кому-то и для чего-то нужен, чего не было бы в США.

2) Недоверие советских интеллигентов к советской идеологии отзывается на их отношении к Израилю как "социалистическому государству". Трудно поверить, что те же самые слова, что десятилетиями означали порабощение, произвол и безответственность, растрату народного достояния и пренебрежение общественным мнением, теперь будут означать (в Израиле) совсем другое. Никто в России не верит, что "социализм" может существовать без ограничения прав личности и не приведет в конце концов к прямой диктатуре партии. Слово "сионист" в России значит нечто противоположное слову "марк-

сист". Вождей политических партий в Израиле часто подозревают в тайных просоветских симпатиях и даже иногда в прямом сговоре с Москвой. Оплотом "западного мира" советские интеллигенты считают США, и это внушает им иллюзию, что, быть может, в США они больше "свои", чем в Израиле. Эта иллюзия теперь в значительной степени подорвана всеобщим безразличием к советским интеллигентам-демократам в США, но все же что-то от нее остается и поныне.

Несмотря на то, что многие письма из Израиля, как будто подтверждают подозрения "о слишком большой роли социализма" в этом обществе и упорно говорят об олигархии партий, все же для внимательного читателя заметно, что по крайней мере пока, еще далеко до ограничений свободы, и демократия более фундаментальный признак израильской жизни, чем социализм, хотя и этот, последний, совсем не похож на советский. Каждый шаг навстречу русской алии со стороны правительственных кругов встречается интеллектуалами с таким восторгом, что, очевидно, их способность верить и склонность к сотрудничеству еще не истощились. Они очень ценят возможность быть принятыми как "свои". Следующей важной ступенью для них было бы ощущение, что они нужны в Израиле. Этого пока нет, несмотря на соответствующие заявления общего характера со стороны политических деятелей. Гораздо более восторженно, чем заявления политиков, советские профессионалы встретили бы усилия менеджеров, направленные на рациональную эксплуатацию их интеллектуальных и технических возможностей. Будучи воспитаны в условиях тоталитарного режима, советские люди неспособны (по крайней мере, немедленно) сами разобраться в конъюнктуре

и сделать свой труд **производительным** в израильском обществе. Однако, именно это является **основным пунктом** и определяет все основные вопросы.

3) Неуверенность в будущем детей, гнавшая евреев из России, в какой-то степени остается в Израиле. Здесь присутствуют два момента: неуверенность какой-то части потенциальных репатриантов в способности израильского общества решить стоящие перед ним внешние и внутренние задачи (эта неуверенность подтверждается оппозиционной прессой) и слухи об особой "израильской ментальности", которая во многом напоминает ментальность коренных жителей других (и особенно азиатских) стран. Первый момент при некоторой слабости национального чувства естественно приводит к ориентации на "более прочные и стабильные" англоязычные страны, и этому ничего нельзя противопоставить, кроме собственной веры и примера выдающихся людей. Второй момент мне кажется гораздо более серьезным и требующим отдельного рассмотрения.

Когда родители покидают Россию, чтобы обеспечить будущее детей, они исходят из того, что у них с детьми не только генетическая, но и психологическая и идеологическая общность, которая заставляет их ориентироваться на одни и те же ценности. Советские люди обычно выражают это стремление в форме утверждения, что они хотят, "чтобы их дети оставались евреями". Если, однако, определение еврея в Израиле оказывается в значительной степени другим, чем в России, они могут быть весьма сильно разочарованы. Это разочарование может коснуться отношения детей к учебе, отношения к труду и отношения к различным психологическим тонкостям, которое объединяется в понятие "идишкайт" или "а идише нешуме". Так как эти моменты в сознании

сложились в диаспоре, родители могут бояться исчезновения этих элементов в Израиле, тем более, что соответствующие слухи (и соответствующие письма) уже есть. Немаловажным фактором, способствующим ощущению опасности психологического разрыва между родителями и детьми в Израиле, является отсутствие заботы о создании преемственности, хотя бы в знании русского языка, так что родители, приехавшие с малолетними детьми, могут быть уверены, что через несколько лет их дети перестанут их понимать окончательно, а будущая алия (через 10 лет) встретит такой же уровень непонимания, как и та, о которой идет речь сейчас. Дети, родившиеся в Израиле, совсем не имеют шансов быть похожими на своих родителей. Между тем, это не совсем то, к чему могут стремиться люди в диаспоре (если у них нет комплекса неполноценности).

У русской алии в этом отношении самочувствие такое же как у американской (отсутствие комплекса неполноценности вследствие отсутствия настоящего угнетения и даже дискриминации), но несравнимо меньшие технические возможности: вследствие отсутствия денег и поддержки своей общины из-за рубежа. Разрыв репатриантов со страной исхода обрекает их на более скромное положение в израильском обществе и вместо требований они вынуждены выдвигать только просьбы, не будучи уверены в их исполнимости. Этот фактор также может влиять на решение родителей эмигрировать в США, а не в Израиль.

В целом, однако, настроение русской алии в этом пункте благоприятно Израилю, и большинство интеллигентов уверено, что именно в Израиле их детям будет лучше всего. Это настроение легко передается детям и они, действительно, в большинстве

оказываются положительным фактором при этом выборе. Однако, вышеописанный психологический механизм отталкивания существует и, если его игнорировать, это может привести в будущем к заметному снижению алии.

4) Конкуренция со стороны русской интеллигенции наиболее заметна в гуманитарной среде, которая связана с технической и научной прочными идейными, дружескими и родственными связями. В то время как ситуация для технической интеллигенции в Израиле относительно благоприятна, для гуманитарной она неудовлетворительна, причем здесь опять психологические условия важнее материальных. Одна из основных черт творческой жизнеспособной части советской интеллигенции — примат профессиональных критериев и соображений перед всякого рода идеологическими и пропагандистскими оценками. В то время как технической интеллигенции почти не приходится сталкиваться с идеологическими соображениями чиновников, ведающих трудоустройством и субсидиями, гуманитариям часто приходится выслушивать политграмоту от людей, находящихся на более низком культурном уровне, чем они сами. Это вызывает у них реминисценции советской жизни, цензуры и т.п., что самым отрицательным образом сказывается на их самочувствии и оценке политической ситуации в Израиле. Политический опыт русских евреев таков, что всякий избыток идеологии они воспринимают как непосредственную опасность культуре вообще. К сожалению, уже сейчас больше чем нужно музыкантов, киношников и журналистов покинуло Израиль. Техническая интеллигенция в Израиле и СССР гораздо сильнее связана с этой группой, чем это может казаться, исходя из общих соображений. Настроение

этих беглецов самым непосредственным образом сказывается на настроении евреев в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве.

Все же пока достаточно интеллигентов в Израиле, которые высоко оценивают свободу, как таковую, и свой, не всегда удачный опыт рассматривают, как предварительный. Однако, в своем стремлении что-то дать израильскому обществу (хотя бы пока и на русском языке) они сталкиваются с низким уровнем среднего израильтянина. В СССР они привыкли ориентироваться на интеллигентного потребителя искусства, так как советская интеллигенция, конечно, более многочисленна (даже, если считать одних евреев).

Подытоживая этот раздел, я хочу обратить внимание на то, что израильское общество имеет, в принципе, все необходимое для того, чтобы остаться привлекательной целью для интеллигентов в России. Оно в силах показать русским евреям, что они желательны в Израиле, что они — "свои" (а такое общество единственно в мире). Ни США, ни теперь уже СССР не свои для советских интеллигентов. Они превратились в эмигрантов еще не покинув СССР. Израильское общество, однако, производит на многих вновь прибывших впечатление полностью сложившегося и таким образом, не нуждающегося в людях с собственной психологией и идеологией. Если советские интеллигенты не почувствуют, что они "нужны" Израилю не как солдаты по счету, а как личности, несущие определенный уровень и определенные претензии по отношению к обществу, алия прекратится, не успев начаться по-настоящему. Нужными Израилю советские евреи ощутят себя только в том случае, если их труд будет производительно использован. Я убежден, что это возможно,

если отнестись к этой задаче как важнейшей для алии.

ЧТО ДЕЛАТЬ, А ЧЕГО ЛУЧШЕ НЕ ДЕЛАТЬ

1) Профессиональная удовлетворенность советских специалистов в Израиле не есть нечто, ценное только для этих специалистов и несущественное для израильского общества самого по себе. Это есть мера способности этого общества совершить техническую революцию и поднять производительность труда. Избыток квалифицированных специалистов существует только в странах с низкой производительностью (Индия, Египет) и низким уровнем культуры. Так же как столкновение с новым миром есть испытание для советской интеллигенции, столкновение с новой группой олим есть испытание для израильского общества. Главное, что поражает приезжающих интеллигентов — это то, что в стране не создаются новые структуры и таким образом, не увеличивается количество рабочих мест. Усилия по трудоустройству академаим (которые действительно довольно эффективны) совершаются таким образом, что уплотняется существующая академическая структура и русские олим оказываются нагрузкой и потенциальными конкурентами для ватиким. Эта ситуация — наихудшее из возможных решений вопроса, так как создает условия не только для плохого самочувствия олим, но и для ухудшения их отношений с ватиким, то есть для постепенного их отхода от идеи близости Израилю и его задачам и формирования комплекса "йериды".

При том, что денег в государстве явно не хватает, расходы Сохнута на трудоустройство производят впечатление разбазаривания средств, ибо при этом

совершенно не предусматриваются условия возможной окупаемости. Я понимаю, что это связано с тем, что в Израиле вообще наука пока не окупается, однако, большинство олим приехало с убеждением, что они способны оправдать свои расходы и в этом имеет смысл им поверить. Масштаб расходов на абсорбцию ученых не соответствует реальным потребностям научной работы и потому приводит к безвозвратному расходованию средств на нужды предприимчивых руководителей, использующих олим в течение положенных двух лет и выбрасывающих их по истечении этого срока без пользы для олим и для Израиля. Использовать олим и деньги, которые предназначены на их абсорбцию, индивидуально — наименее рационально, и с технической, и с психологической точки зрения. Олим, не чувствующие себя в непривычной среде свободно, не реализуют своих творческих возможностей, а деньги, разбитые на малые суммы, совершенно не могут служить тем начальным капиталом, который может принести доход.

Технически рациональный путь абсорбции — создание коллективов олим, которые, используя сравнительно большие деньги для единой цели и чувствуя себя в привычной среде без языковых и психологических трудностей, могут экономически эффективно выполнять различные прикладные исследования и разработки, как для Израиля, так и на экспорт, в зависимости от спроса. Такие коллективы имели бы также такие преимущества, что в случае удачи обеспечивали бы новые рабочие места без всякой конкуренции со старожилами, а известный тормоз для повышения производительности труда — профсоюзная защита — не распространяется на олим по крайней мере, в течение первых двух лет. Разуме-

ется, такие коллективы разумно делать смешанными и не полностью оторванными от академических учреждений, а лишь частично, в форме соподчинения. Мне кажется, что чрезмерная детализация таких проектов здесь может скорее повредить, чем прояснить дело, так как, проекты должны быть конкретны и связаны с определенными людьми, которые возьмут на себя ответственность за выполнение.

2) Несмотря на общее политическое раздражение и озлобленность по отношению к "социализму", которые происходят от прежнего жизненного опыта, русские интеллектуалы довольно наивны в политике и склонны передоверить ее кому-нибудь другому, лишь бы у них были основания этому другому доверять. У большинства из них нет политических амбиций, и они не станут добиваться политических целей, если у них не создается впечатление, что именно политические факторы мешают их абсорбции. Однако, такое впечатление под влиянием ли реальных факторов или интерпретации оппозиционной прессы (я лично не могу пока судить о серьезности положения в этой области) складывается у многих. Тот факт, что многие ответственные посты, связанные с абсорбцией, доверены представителям партий, в прошлом идеализировавшим советский строй, Ленина и Сталина, вызывает естественную настороженность советских интеллектуалов.

Один из эффективных способов повысить доверие советских олим к руководящим кругам Израеля, состоит в том, чтобы как можно ближе допустить их к рычагам управления их собственными делами. В министерстве абсорбции, комиссии по трудоустройству, Сохнуте и так далее, должны присутствовать консультанты из русских олим, чья политическая и материальная незаинтересованность

(опирающаяся на их собственное прочное положение в израильском обществе и авторитет среди олим) была бы для всех очевидна. Эти консультанты могли бы объективно оценивать ценность прилагаемых проектов и компетентность соответствующих людей (что гораздо важнее).

Второй момент, существенный в этом контексте, состоит в том, что, приезжая в Израиль, советский человек впервые знакомится не только с Израилем, но и со свободным миром вообще. Это очень трудная встреча и большая часть трудностей приписывается Израилю, в то время как эти трудности принадлежат всему свободному миру. Здесь первостепенную роль могут сыграть американские олим. Наряду со многими общими с русскими чертами они обладают специфическим опытом жизни в условиях демократии и рыночного хозяйства. Именно они со своим знанием конъюнктуры и деловой хваткой, могли бы помочь коллективам олим, о которых говорилось выше, стать эффективными в экономическом положении, что было бы важнее всякой идеологии и оздоровило бы обстановку. Эту задачу я считаю настолько важной, что даже специально порекомендовал бы нескольким бизнесменам израильского или американского происхождения, которых волнуют сионистские задачи, взяться за финансовую сторону вопроса о эксплуатации научной квалификации русских олим, так как психологический эффект от существования одного самокупающегося коллектива олим-академаим в Израиле был бы неизмеримо выше всех успехов индивидуальной абсорбции вместе взятых. Этот прецедент послужил бы как самим олим, так и государственным и сохнутовским чиновникам примером.

3) Необходимо проявить заботу о взаимопони-

мании (сохранении взаимопонимания) между родителями и детьми в семье олим. Родители должны иметь возможность отдать своих детей в школы, где преподается (как один из иностранных) русский язык. Это не только даст им дополнительный культурный капитал, но и создаст дополнительные возможности для трудоустройства русских олим. Никаких дополнительных расходов для этого не нужно. Нужно только увеличить число преподавателей иностранных языков не за счет французского или английского, а за счет преподавателей русского языка в будущем.

Эта же необходимость подсказывает, что гораздо разумнее поселять и трудоустраивать русских олим большими группами, чем в одиночку. Соображения лучшей интеграции говорят не в пользу одиночного расселения, ибо единственно, что такое поселение вырабатывает — это комплекс неполноценности у оле. Такой комплекс не способствует лучшей абсорбции, а препятствует ей. В большой группе, среди процветающих и самоуверенных родителей, дети психологически лучше приспособлены к абсорбции, а родители не ожидают конфликта с детьми. Кроме того, сплоченная община чувствует себя в обществе гораздо сильнее, чем одиночка. Разобщенность русских олим уже привела многих к ощущению, что израильское общество консервативно и не способно реагировать на новую ситуацию или идею и заставило их покинуть Израиль для западных стран. При наличии эффективных рычагов давления, которые в демократическом обществе возникают только у коллективов, это умонастроение было бы значительно слабее.

4) Хотя довольно очевидна либеральность финансирующих организаций по отношению к русской

прессе и другим видам гуманитарной деятельности, все же заметно, что на финансовую политику этих организаций сильное влияние оказывает их идеология. В отношении прессы это приводит к тому, что она полностью неэффективна. Это проявляется не только в низком уровне, который заставляет профессионалов ориентироваться на более оппозиционные, а следовательно более свободные издания, но и в том, что никто не верит тому, что печатается. Советский читатель имеет колоссальный опыт недоверия к официальной печати, и всякий оттенок партийности (причем только по отношению к правительственной линии) в читаемом, немедленно включает у него защитные механизмы. Поэтому можно смело утверждать, что большая часть денег, которая расходуется на пропаганду среди русских евреев, пропадает впустую. Между тем советские евреи страшно нуждаются в двух видах таких расходов:

а) Они нуждаются в положительной информации об израильском обществе, в котором они чувствуют себя детьми, заблудившимися в лесу. Эта информация об общественном устройстве, правах и обязанностях, возможностях и запретах, политических и идеологических течениях, психологических особенностях, культурных и философских проблемах, возникающих и актуальных в Израиле, необходима им на русском языке и без видимой идеологической оценки.

б) Они нуждаются в средствах для осознания себя, своих особенностей и специфических потребностей. Таким средством может стать только русскоязычная пресса, внутренне и внешне независимая от существующего эстаблишмента. Особенность русской алии состоит в том, что процесс создания своего мировоззрения происходит у нас не до принятия

решения и начала действий, а в процессе напряженной борьбы, одновременно. Это создает опасную неустойчивость в среде олим и это же может служить источником надежд для будущего сионизма, ибо агностическая позиция русских олим плодотворна по отношению к меняющейся действительности. Советские евреи не могут иметь своих средств для создания своей прессы, ни массового читателя в стране исхода, как американские. Поэтому они нуждаются в прямой необусловленной помощи.

Среди прочих видов культурной деятельности я хотел бы выделить кино, как потенциально наиболее влиятельное и экономически наиболее трудное. Кино — единственный вид культурной продукции, который, в принципе, мог бы превратиться в предмет экспорта и хорошо окупаться. В России специальность кинорежиссера — типично еврейская специальность, а давление русского национализма делает любого режиссера-еврея потенциальным эмигрантом. Однако, условия профессиональной жизни киношников в Израиле совершенно неудовлетворительны. Их трудности совершенно аналогичны трудностям ученых, так как современный кинематограф требует громадных начальных вложений при проблематичном сбыте. Существующая практика мелких инвестиций порочна, так как кроме потери денег сопровождается потерей репутации и гибелью надежд. Выходом из этой ситуации могло бы оказаться создание коллектива аналогично научному и финансирование его при одновременной поддержке американской еврейской общины, которая могла бы взять на себя рекламу и обеспечение зрительского спроса.

В итоге этого раздела я хотел бы подчеркнуть, что любая деятельность, направленная на использо-

вание и увеличение эффективности труда русских олим будет встречена ими положительно и с энтузиазмом, а также хорошо отзовется на будущем алии, но любые попытки идеологического регламентирования или чего-либо, имеющего оттенок такого регламентирования, будут встречены в штыки и вызовут увеличение бегства в другие страны из Израиля и из Москвы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я надеюсь, что израильское общество не сложилось еще настолько, чтобы не быть способным принять и стать родиной для группы с высокой технической и бытовой культурой, какой являются русские интеллектуалы. Я уверен также, что эта группа несет с собой технические и гуманитарные идеи, необходимые израильскому обществу в его трудном и опасном положении. Я думаю, что сейчас, и особенно в будущем, существование Израиля зависит от его способности собрать все лучшее, что есть в русском еврействе и усвоить специфически европейский взгляд на вещи, требующий профессионального подхода к делам, от которых зависит будущее.

ПАРЛАМЕНТ СОВЕСТИ

Взявшись отвечать на письмо К. Любарского в качестве представителя редколлегии, я испытываю потребность писать "мы" вместо "я", и это ставит меня в тяжелое положение. Кто это "мы"? Мы все абсолютно согласны лишь в одном: мы все хотим, чтобы каждый член нашей редколлегии имел свое собственное мнение. Большое счастье, если эти мнения совпадают. Это счастье, как и всякое другое, случается редко. "Что же это за журнал?!" — может быть, воскликнут некоторые. — "У них нет собственного лица!"

Никто еще этого не сказал — и не случайно. У нас есть собственное лицо, и оно, по-моему, в значительной мере определяется тем, что мнения членов

Статья была впервые опубликована в "22", № 7, 1979 г., как выступление в дискуссии вокруг письма в редколлегию К. Любарского. Автор письма обвинял журнал в публикации отрывков из "Лагерного дневника" Э. Кузнецова (в книжном издании — "Мордовский марафон", изд-во "Москва — Иерусалим", 1979 г.), в которых откровенно анализировалось неприглядное поведение некоторых политических узников в лагере. К. Любарский считал эту публикацию вредной, пока эти люди находятся в лагере.

нашей редколлегии независимы друг от друга, мнения наших авторов независимы от нашей воли, и мы ищем авторов и читателей, которые ценят свое собственное мнение, а не навязанное им редколлегией, другими авторитетами или сложившимися политическими установками, и вырабатывают это мнение на основе собственных размышлений.

Нас многое объединяет. Прежде всего — тот факт, что мы живем в Израиле. Ни в каком варианте объяснения это не может быть названо случайностью. Мы живем здесь потому, что мы хотели этого, и все, что здесь происходит, близко нас касается и отражается в публикуемых нами материалах. Затем, — поскольку это первое решение было очень серьезным, — мы думаем, что с остальными решениями — по социальным и нравственным вопросам — нам (и нашим читателям в России и на Западе) не следует спешить. И без нас есть в мире слишком много людей и групп, знающих решения всех вопросов и навязывающих эти решения всем окружающим.

В политической системе эти решения обычно связаны, так сказать, — самосогласованы, так что если я соглашусь, например, с Э. Кузнецовым в его оценке К. и М., то "политизированный" читатель предъявит мне потом претензию: почему мы печатаем С. и П., которые принадлежат к той же компании...

И вот здесь наступает тот тонкий момент, который, по-моему, не все улавливают. Ни одна реальная система, ни одна партия, ни один живой человек не могут быть все время "самосогласованы". Иными словами, реальные системы и люди ведут себя нелогично. Это происходит не потому, что они не знают логики, а потому что реальная жизнь нелогична и, в конечном счете, выше логики. Поэтому то, что сегодня правильно, может завтра оказаться непра-

вильным и даже губительным. Только то, что умерло, уже не изменится завтра, и только то, что сокрыто, никогда не сможет быть обсуждено.

Поэтому главное для нас — опубликовать то, что важно, а дать “правильное” толкование мы всегда успеем. Вот если не опубликовать — тогда и говорит будет не о чем.

Надо однако сказать, что эта наша позиция вызывает непонимание и даже раздражение некоторых читателей. Только с пятого номера нашего журнала мы начали систематически публиковать письма таких “раздраженных”. Но следует отметить, что не было ни одного номера, который не вызвал бы гневных протестов какой-нибудь группы. “Как вы смели предоставить свои страницы антисемиту?!” (Это — по поводу статьи М. Скуратова в № 1.) — “Зачем вы печатаете Янова? Что, уже и печатать больше нечего?” (По поводу статьи А. Янова в том же номере первом.) — “Какое право имеет В. Лазарис судить о Демократическом движении? Ну, зачем вам Лазарис?!” (В связи со статьей В. Лазариса в № 2.) — “Почему вы рекламируете Э. Севеллу?!” (По поводу рецензий на произведения Э. Севеллы в № 2.) — “Хулиганская выходка!” (М. Агурский о рецензиях и повести Ю. Милославского в № 3.) — “Я ваш журнал уничтожу!” (Это по поводу рецензии Б. Сидорова на книгу Д. Маркиша в № 4.) — “Ну, как мы можем показать такой журнал кому-нибудь вне Израиля?! Это абсолютно исключено!” (Из-за статьи М. Юрьева в № 5, где сказано, что надо отбить у израильских торговцев охоту класть тухлые яйца в пирожные; заметим, что данные были основаны на фактах реальных злоупотреблений, показанных по израильскому телевидению.)

Все эти высказывания и письма принадлежат

людям, которые каким-то образом знают "правильную" точку зрения (а мы знаем только несколько возможных), "истинную" русскую историю (а мы знаем только интерпретации различных историков, включая и летописцев), знают, кому нужно, а кому нельзя судить о Сионистском и Демократическом движениях в России (а мы-то думали, что поскольку движение — Демократическое, то как раз всем и можно о нем судить), знают, что можно и что нельзя знать евреям в Израиле (а нам Израиль так нравится, что мы полагали: чем больше будут знать правды об Израиле, тем лучше, даже если эта правда иногда и неприятна — ведь мы хоть и живем в сионистском государстве, но не можем утверждать, будто уже живем в Сионе; Сион — это только идеал, который нам предстоит достигнуть во времена Мессии, а отнюдь не тот трагикомический пейзаж, который мы сейчас наблюдаем в окрестности этой горы. И кстати, — покажите мне такой девственный остров, где торговец не вложил бы в пирожные любое дерьмо, если есть шанс, что это сойдет ему с рук!).

Мы думали, что если мы напечатаем объективную рецензию на Э. Севеллу, это будет лучше, чем притворяться, будто мы не знаем, кто такой Севелла, которого широко читают и обсуждают, — только не в наших журналах. Мы думали, что лучше напечатать остроумную и ядовитую рецензию Б. Сидорова на роман Д. Маркиша, чем не заметить этот роман вообще. Мы также думали, что евреям лучше знать точку зрения некоторых русских националистов из первых рук, чем в пересказе.

И вот мы получили от К. Любарского письмо, где сказано, что мы неправильно (и даже низко) поступили, опубликовав некоторые части дневника Э. Кузнецова (впрочем, все его части взаимосвяза-

ны, так что без этих страниц многое было бы непонятно и не стоило публикации). Письмо состоит из двух неравных частей. В одной из них высказывается определенная точка зрения на описанный в "Дневниках" конфликт между политзаключенными. Это, на мой взгляд, прекрасный публицистический материал, за который я К. Любарскому глубоко благодарен. "Мера сил, физических и духовных, может быть перейдена у каждого из нас. Но если человека, ежедневно пытая и унижая, сумели довести до состояния скотского, кого мы будем клеймить: этого человека, надменно величая его скотом, или того, кто довел его до такого состояния?" — пишет К. Любарский. Кто может быть с этим несогласен? Но вот что интересно: как бы К. Любарский написал об этом, если бы "Дневник" не был опубликован?

И тут мы подходим к совсем другой части его письма, где он высказывается совершенно категорически по поводу моральных качеств редакции, опубликовавшей "Дневник".

Здесь К. Любарский ни в чем не отличается от всех других наставников, которые поучают еврейский и русский народ в эмиграции, как им жить, что им можно, чего нельзя. "Моя свобода кончается там..." цитирует К. Любарский и не видит, что это относится и к нему. Он высказывает ту мысль, что и Э. Кузнецов не на высоте, когда он слишком жестоко судит своих товарищей, и что эти товарищи имеют свою правоту и уж, во всяком случае, заслуживают милосердия. Хорошая мысль! Но мне интересно, — кто из нас намеревался занять позицию в этом споре? И кто собирался судить о К. и М. по письмам Э. Кузнецова? И почему, если я и К. Любарский догадались, что в тюрьме между людьми и не

такое еще случается и это не повод для оргвыводов и политических оценок, то читатель не догадается?

С сожалением и горечью нужно признать, что К. Любарский в значительной мере прав и большинство читателей действительно не догадывается о том, что явствует из текста, без специальных разъяснений. Здесь мы грешны. Наш журнал оставляет очень многое — возможно, слишком многое — необъясненным. Это слабость, которая может быть преодолена только совместными усилиями большой интеллигентской группы, постоянно сотрудничающей с журналом. Но сделать из этого вывод о необходимости вообще сокрыть материал от читателя, для меня — невозможно. Уж лучше пусть читатель будет несколько шокирован и что-нибудь недопоймет, чем попрекнет нас впоследствии, что мы от него что-то скрыли. Давайте представим себе на минуту, что процессы П. Якира и В. Красина кончились не так, как было обещано П. Якиру и В. Красину, а дали бы им обоим по 15 лет (ведь КГБ только недавно стал выполнять свои обещания, и эта практика еще не может быть признана вполне обычной). Так могло произойти, и судьба П. Якира и В. Красина (особенно учитывая их прежний тюремный опыт) была бы в высшей степени достойна сожаления. Они были бы замученными жертвами (как они есть и сейчас), и их жалкое поведение на суде и следствии забылось бы на фоне этих фантастических наказаний. Но как личности они остались бы теми же, что и сейчас, и для людей, которые с ними сталкивались, их личные качества были бы столь же существенны.

Саня Липавский был скользкий, противный тип и до того, как стал всемирно известен, как провокатор, а возможно (в сталинские времена это было безусловно возможно), его сотрудничество с КГБ

дало бы ему только 25 лет лагеря, и он был бы еще вдобавок несчастный страдающий человек (как, по видимому, и есть, судя по многим обстоятельствам). А. Петров-Агатов был мистификатором и полусумасшедшим и до того, как напечатал по заданию КГБ гнусный пасквиль на А. Гинзбурга. А учитывая астрономические цифры его сроков (что-то около 30 лет), я не поколеблюсь назвать его жертвой режима и страдальцем, хотя он и сумасшедший. И это определение не может измениться от того, что он после этих 30 лет вдруг взбесился в другую сторону. Сама эта измена может быть поставлена в вину режиму, нуждающемуся в таких услугах. Но сам А. Петров-Агатов был и остался несерьезной личностью.

И вот тут мы подходим к исключительно важному пункту. В человеческих отношениях, в поведении и оценках мы исходим из нормальных критериев, которые велят держаться в стороне от алкоголиков, сумасшедших и мерзавцев. Мы можем пожалеть их, когда они оскорблены и унижены, но мы не станем пользоваться их услугами и оправдывать их поступки. А вот в политической ситуации алкоголизм П. Якира, кликушество А. Петрова-Агатова и скользкость А. Липавского почему-то не заставляют нас держаться от них в стороне. Единомышленники... Но я вполне допускаю, что и А. Липавский — искренний сионист и действительно верит, что евреи должны иметь свое государство. И даже, может быть, верит, что хорошему еврею следует переселиться в это свое государство. Ну, а он, к сожалению, вынужден был поступить против своих убеждений по личным обстоятельствам, которые достаточно запутаны. Разве никто из нас никогда не действовал против своих убеждений? Я — действовал. Но

разница между порядочным человеком и подлецом состоит совсем не в убеждениях. Непонимание этого факта страшно влияет на всю российскую общественную жизнь. Разница состоит в том, какую относительную роль играют убеждения (любые) и личные мотивы в поведении человека. В России почему-то принято считать, что достаточно человеку быть против советской власти, чтобы он заслуживал уважения. (До революции таким критерием было отношение к царскому режиму.) Я думаю, что моральные качества распределяются среди сторонников и противников режима если и не одинаково, то во всяком случае очень далеко от простого соотношения, подсказываемого идеологией.

К. Любарский напрасно приводит цитаты из Э. Кузнецова, доказывающие, что тот небрежно куражится над своими сокамерниками. Кузнецов и не рассчитывал, что мы будем всерьез разбирать каждую его погрешность против придуманного нами же его ангельского облика. Но чего он всерьез хотел, — чтобы не создавали политических репутаций на основании непроверенных данных. И он хотел, чтобы его личные впечатления от некоторых из его коллег были известны другим людям. Я лично не знаком с М. и К. Но я уже давно и хорошо знаком с ними благодаря их политической известности, и это факт небезопасный. "Моя свобода ограничена носом моего ближнего", — цитирует К. Любарский. Я готов ограничить свою свободу. И свободу нашей редакции. Но не свободу Э. Кузнецова. Она в достаточной мере ограничена. И я буду последним человеком, который захочет поучать его, что следует и чего не следует писать.

Я хочу спросить К. Любарского: согласен ли он принять все политические последствия того, что

К. и М. имеют громадную политическую репутацию? Я верю, что аятолла Хомейни пострадал от шахского режима. Но мое политическое сочувствие к нему от этого не увеличивается. Русская оппозиция настолько привыкла к безнадежности своего дела, что забывает, что когда-нибудь все это кончится и эти нынешние лагерники будут лидерами, от которых будут зависеть судьбы миллионов людей. И К. "пересидел", и М. "переголодал", но людям, которые от них пострадают, это будет безразлично. Политика требует ответственности, а ответственность жестока и не знает милосердия, как обычная жизнь. Когда появится русский Хомейни, поздно будет напоминать, что 78-летнего человека, много лет просидевшего в тюрьме, тогда надо было пожалеть, а теперь — не надо. Он до своей смерти успеет сделать много такого, что не пойдет ни в какое сравнение с его собственными страданиями, и безответственные либералы, поддерживавшие его "из принципа", еще много раз почувствуют себя виноватыми.

То, что опубликовано, может быть обсуждено и оспорено. Может быть, Кузнецов прав, а может — и нет. Кто хочет, верит Кузнецову, кто не хочет — остается при своем. Как свежий воздух не может повредить здоровому человеку, так опубликование любых материалов не может повредить здоровому движению, а больное движение не спасет и секретность. Но сокрытие каких-то материалов всегда вредно и рано или поздно мстит за себя.

К. Любарский правильно заметил, — мы все плоть от плоти той русской интеллигентской среды, для которой этот вопрос непрост. И совсем напрасно он честит нас "вольноотпущенниками", подчеркивая, что он как будто из другого теста. Мы все вольноотпущенники, и у нас у всех есть несмываемые

клейма. Это не значит, что этим все объясняется и что мы можем поносить за это друг друга. Мы не собираемся создавать у читателя впечатление, что мы опубликовали это с легким сердцем. Мы вовсе не фанатики открытой печати. Если бы обсуждалось опубликование каких-нибудь фактов или имен, неизвестных КГБ и могущих повредить людям в России, мы все были бы согласны, что их публиковать не надо.

Но мы решили именно так и не собираемся раскаиваться. Вопрос для нас облегчается тем, что волею судеб нам приходилось обсуждать не вопрос о том, публиковать или нет, а только — публиковать ли на русском или предоставить французскому, английскому и другим читателям знать больше, чем русскому. Они и так знают больше о нашей истории, о наших движениях, конфликтах, о наших героях. Они, конечно, понимают меньше, но фактов о нас самих они знают больше, и это часто освобождает их от наших заблуждений. Мы не хотели бы добавлять к этому спонтанному и необъятному незнанию нашими читателями самих себя, своей истории и своих героев еще и нашу сознательную злую волю.

К. Любарский правильно догадался, что наша мысль шире публикации "Дневника" Э. Кузнецова и повести Ю. Милославского и что мы хотели бы заставить читателя задуматься о том, всегда ли его "прогрессивные взгляды" оправдывают его неприглядное поведение. Здесь у нас есть опыт, которого нет у К. Любарского и который сравним только с долгим лагерным опытом. Здесь тот факт, что все мы живем в Израиле и видим, как ведут себя в условиях свободы наши бывшие соотечественники, наши герои и мученики, наши вожди и рядовые, оказывается очень существенным. В Мюнхене это,

может быть, не так заметно, но здесь бросается в глаза. И это поведение бросает ретроспективный свет на наше прошлое в России, которое теперь тоже кажется нам небезупречным. Для К. Любарского, который встречается с 10–20 выходцами из СССР и не должен думать о том, как организовать дальнейшую жизнь этой группы, может быть, нет такого вопроса. Но для нас, живущих в окружении тысяч этих выходцев, вопрос о взаимоотношениях людей, о дозволенном и недозволенном, об авторитете и репутациях, о соотношении политики и морали — вопрос насущной жизни. Благородный Алик Гинзбург мудро сказал о К.: “Пересидел...” Но ответ ведь зависит от контекста, в котором задан вопрос. Вряд ли тот же Гинзбург был бы так же сдержан, если бы у него спросили: “А не выбрать ли нам К. в депутаты парламента?” И наконец его сдержанности, я думаю, совсем бы пришел конец, если бы К. уже был избран и выступал бы от его, Алика, имени.

В этих условиях мы не можем не восхищаться Э. Кузнецовым, который в обстоятельствах, казалось бы, исключающих такие мысли, чувствует, однако, такую ответственность, как будто он и его коллеги-узники именно и представляют парламент России — парламент ее совести. В этом смысле он уже живет на свободе. И думает о том, что было бы с Россией в условиях свободы. Провозглашая общие истины милосердия, К. Любарский не чувствует ответственности, которая ложится на человека в связи с историческим действием, и не представляет себе людей, о которых говорит, в условиях свободы. А мы только это и видим вокруг и знаем, что это проблема не менее трудная, чем борьба с режимом.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЕВРЕИ ОБЪЕКТОМ СОВЕТСКОГО АНТИСЕМИТИЗМА?

У каждого живого существа бывает такой импринтный возраст, когда яркие впечатления навеки запечатлеваются в сознании и надолго определяют предрасположения и страхи, которыми руководствуется взрослый. При этом его взрослый опыт иногда не может соперничать по силе влияния с этим первым впечатлением, которое отнюдь не всегда обосновано, но оказывается сильнее логики и реальной жизни. Возможно, нечто подобное произошло в истории русского народа в пору его младенчества, когда русские княжества оказались в вассальной зависимости от Хазарского каганата (VIII-IX вв. н. э.) и образ "Хазарина" или "Жидовина" приобрел в русском сознании черты фантастической мощи, непреодолимого государственного, финансового и культурного могущества, которые присутствуют в русском государственном мышлении и поныне. Хазарский каганат распался в X в., однако, следы подобных взаимоотношений сохранились в описании еврейского погрома в Киеве (XI в.), рас-

Впервые опубликовано в "22" № 3, август 1978.

пространения "книжной премудрости" киевского жиды Эхари в Новгороде, свидетельствах о ересь стригольников и жидовствующих (XV-XVI в.). Иван IV, получив донесение о захвате группы евреев при взятии Полоцка, приказал немедленно всех утопить, чтобы избежать возможного вредного влияния их на дела молодого русского государства. Что такое влияние предполагалось очень опасным, видно из категорического, можно даже сказать, испуганного тона царского указа. В XVIII в. русский вельможа украинского происхождения Разумовский написал государыне Елисавете Петровне, что он предвидит "большие пользы от допущения жидов из Западных областей для торговли и ремесла", а Елисавета кратко, но твердо ответила: "От врагов Христовых и пользы не надобно". И в дальнейшей истории Российской империи можно проследить следы этого мистического страха, подчас преодолевающего естественное корыстолюбие. Например, уже в XIX веке был неожиданно издан указ: запретить евреям проживать на Рижском взморье и даже посещать его. Жители Рижского взморья буквально взмолились отменить это ограничение, потому что они начали разоряться без евреев, которые уже тогда, видимо, взяли современную моду ездить по курортам.

По-видимому, почти такой же длинной историей обладает и другое, гораздо более трезвое (хотя отнюдь не более дружелюбное) отношение к евреям, сложившееся на территории Польши и Украины (и того же Рижского взморья), занесенное в Россию вместе с присоединением этих стран. В отличие от русского отношения, исходящего из мистических источников и не основанного на реальном опыте общения с еврейским народом, польско-украинское отношение целиком проникнуто идеей практичес-

кой пользы (или вреда), безотносительно к идеологии. Так, польская шляхта защищала евреев от украинских погромов, конечно, не по идеологическим мотивам, а исходя из своей выгоды, и теперь некоторые украинцы призывают евреев к объединению не потому, что они, наконец, осознали какие мы хорошие, а потому что они считают нас как потенциального союзника в своей борьбе и трезво оценивают свои выгоды и возможные потери. Их отношение к евреям основано на реальных факторах потому, грубо говоря, что они не боятся евреев, так как знают их хорошо.

Все века, что евреи проживали на территории Польши и Украины, они были лишены собственной государственности, в большинстве не носили оружия и представляли собой легкую добычу для вольного рыцарства и одновременно единственную мишень для народного гнева, благо другие мишени больно кусались. И образ жида в украинской фантазии скорее юмористический, чем демонически грозный, как в фантазии великорусской. Достаточно сравнить антисемитские страницы Гоголя с соответствующими страницами из Достоевского (или Некрасова), чтобы увидеть эту разницу. В политической истории Российской империи эти два отношения сосуществовали, так что до XVIII века преобладало русское идеологическое отношение, а к середине XIX века явно возобладала трезвая оценка политических и экономических факторов, связанных с еврейской проблемой. В начале XIX века можно видеть как меняется этот государственный взгляд по тем компромиссам, которые совершало правительство. Так, мне пришлось ознакомиться с письмом Виленского губернатора на Высочайшее имя, где он предлагает отдать винные откупа в Литве

“жидам-караимам, поскольку те не такого вредного вероучения и не признают богомерзкого Талмуда”. Таким образом он уже готов признать каких-нибудь жидов, но еще панически боится Талмуда (каким образом Талмуд может помешать или помочь содержанию кабаков, остается задачей для историков русского политического мышления). Также и концепция Николая I, создавшего школы кантонистов “для перевоспитания и наставления заблуждающихся евреев” еще отдает мистикой, которая внушает монарху, что оставить евреев заблуждаться опасно для его государства, но уже отличается трезвым убеждением, что после “перевоспитания” николаевские солдаты могут рассматриваться, как и все прочие люди в империи, даже оставаясь евреями. В дальнейшем русское правительство было избавлено от слишком глубоких размышлений над еврейской проблемой вмешательством Ротшильда, который обуславливал свои займы отношением к евреям, и потому мистически настроенные сановники во многих своих начинаниях, вроде дела Бейлиса, наталкивались на сопротивление министра финансов.

В общем в XIX веке в Российской империи, поскольку она управлялась в основном европеизированными людьми, победило чисто практическое отношение к евреям. Евреи заняли достаточно прочные позиции в русском обществе, вопреки многим легальным ограничениям, хотя и русская мистическая тенденция время от времени снова просыпалась и явственно напоминала о себе.

Интересно, что все это время коренные русские люди по-прежнему никогда в глаза не видели еврея (благодаря черте оседлости) и давали основания утверждать, что в русском народе нет антисемитизма.

Еврей впервые опять появился в, собственно, России в начале XX века и опять он явился как представитель могучих мировых сил (с одной стороны, Капитала, с другой стороны, Революции). Настоящее знакомство с евреем в России произошло во время революций, когда еврей был суперменом Революции, вооруженным до зубов партийными словами (разных партий, но для обывателя неразлично), наганом и невообразимой дерзостью. Это не было такой уж неожиданностью для украинца, который и сам грешил нелояльностью, вовсе ничто для поляка или латыша, которые двести лет ждали своего часа, но потрясло воображение русского обывателя из глубинки, который не мог даже вообразить, как без страха разговаривать с городовым, а не то что захватить городскую думу. И в сознании этого обывателя восторг и страх опять, как десять веков назад, перемешались, так что еврей вырос для одних в сказочного чудо-богатыря (Левинсон, Фадеева), а для других — в сатанинскую силу, несть ей предела и отпору. И теперь, и, тем более, во время революционных событий, ни один обыватель не поверил бы, что в России живет только около трех миллионов евреев. Да если вы даже скажете ему, что их десять миллионов, он все равно ответит: "Что вы, что вы, их гораздо больше!" Действительно, как их может быть так мало, когда во время революции, да и сейчас в некоторых отношениях, он буквально окружен ими. Они всем владеют, всем руководят и все возглавляют. Ни о чем нельзя подумать, ничего написать и ничего выполнить без их значительного участия, поддержки или сопротивления во всех отраслях и направлениях. Тем более, что некоторые из них так удачно маскируются, что их и не заподозришь. "Нет, нет, их

очень, очень много! Гораздо больше, чем вы думаете!”

Мне кажется, что такое деление — на мистическое и практическое отношение к евреям — более плодотворно для понимания исторических событий, чем деление на антисемитское и филосемитское. И то, и другое может быть как практическим, так и мистическим. Русский филосемитизм также построен на мистических основаниях. Он основан на вере в то, что евреи, наверное, что-то “такое” знают, исторически якобы наследуют и нечто метафизическое в себе несут. Но и антисемитизм, страх по отношению к евреям, растет из внутренней слабости, ожидающей сверхприродной одаренности, непредсказуемого коварства от этого “особенного” племени.

Что произошло после Октябрьской революции? Какая бы революция ни произошла в России и как бы радикально она ни изменила общественную структуру, в общем она не может выйти за пределы необходимости, диктуемой русской историей. Русская история остается историей народа, живущего на этой территории в определенных условиях. Поэтому и советская власть оказывается в рамках той же необходимости. Она нуждается, как нуждалась в свое время и царская власть, в некоем квалифицированном меньшинстве, которое по отношению к основному населению было бы несколько чуждым. Царская власть всегда для этого использовала немцев. Весь XVIII век и начало XIX-го заполнены полемикой русского дворянства с немецким. Еще в середине XIX века Менделеев, достаточно просвещенный человек, не постыдился черным по белому написать, что русская наука потому в плохом состоянии, что немцы ей мешают.

Но это была конструктивная полемика, поскольку никаких мистических особенностей за немцами не признавалось. Это была обычная конкурентная борьба, и как всякая борьба она вызывала некоторые преувеличения.

Нечто подобное происходит и сейчас. Советская власть полностью уничтожила дворянство и средний класс. В 30-е годы она вдобавок уничтожила даже свои собственные партийные кадры, в результате чего лишилась громадного человеческого капитала. Поэтому евреи (а также армяне и всякие другие инородцы с культурной традицией) выдвинулись в ряды квалифицированного меньшинства, и европеизированная государственно ориентированная часть партийной верхушки их приняла — обычно на вторые роли, но тем не менее приняла. И они работали. Работают и сейчас. Одновременно, поскольку Россия — это большая империя, в ней происходит рост национализма, развитие национальной идеологии, которая ощущает это квалифицированное меньшинство как конкурентоспособное, слишком сильное для них. Националисты начинают бороться с “засильем евреев”, как они это называют, и борются довольно успешно, потому что “засилье”, как мы знаем по статистике последних лет, непрерывно ослабевает.

Но одновременно на всю эту реальную, я бы сказал — “польско-украинскую”, ситуацию накладывается древнее противостояние, которое имеет идеологический характер и связано с мистическим отношением к евреям. И я думаю, что сейчас наступает момент, когда конструктивное отношение русской государственной администрации к евреям меняется на опасливо-мистическое. Это продолжение той же синусоиды: где-то на рубеже

XVIII—XIX веков русское мистическое отношение сменилось польско-украинским, которое, хотя и было антисемитским, но тем не менее практическим. Затем, в рамках того же практического отношения, стал преобладать филосемитизм, чтобы в 30-е—40-е годы уступить место антисемитизму. Наконец, сейчас, после 60-х годов, снова начинает преобладать мистическое отношение к евреям, как к чему-то невидимому и страшному.

Чем это вызвано и с чем связано? Тут я подхожу к главному, ради чего я позволил себе такое большое предисловие. В самой резкой, парадоксальной формулировке мое предположение звучит так: **современная антисемитская кампания в СССР не имеет никакого отношения к евреям.** Она не направлена против евреев. В Советском Союзе происходит очень серьезная внутрипартийная борьба, связанная с тем, что старшее поколение вымирает и в России меняется элита. Сейчас идет борьба за то, каков будет состав элиты, которая сменит старую. В этих условиях крайняя группировка, настроенная весьма националистически, выбирает то направление борьбы, которое по общественным условиям в СССР не может быть наказуемо. Она развязывает грандиозную антисемитскую кампанию, потому что знает, что в существующих общественных условиях ни один влиятельный партийный работник не посмеет открыто выступить против антисемитизма. Таким образом, у претендента, который выступает против старого эстаблишмента, оказывается в руках мощнейшее оружие. Бороться с ним можно только тоже на антисемитской почве, а для этого власти должны заявить себя еще большими антисемитами, чем он. Но, во-первых, большими антисемитами

быть невозможно, потому что антисемитизм русских националистов приобрел уже прямо фантастические масштабы, а во-вторых, это перестает быть государственно разумным, — тогда уже нужно перейти к прямым погромам или к чему-то такому, что нарушает нормальное существование государства.

Сегодня против эстаблишмента, который — как любой эстаблишмент — заинтересован в стабильности, выступает очень сильная группа, которая идет все дальше и дальше, провозглашает все более радикальные антиеврейские лозунги. Эта группа знает, что, если она провозгласит, скажем, антиармянские или антиказахские лозунги, она немедленно будет разгромлена. Но антиеврейская пропаганда в СССР — это беспроектная кампания. Обратите внимание на состав группы, которая сочиняет эту безумную антиеврейскую литературу. Вот, например, Емельянов. Это не какой-то неизвестный человек, управляемый чьей-то рукой. Это вполне известный человек, он работал в Институте востоковедения, он многократно страдал за свой антисемитизм, у него были неприятности с КГБ, его выгнали из института. Он действительно "диссидент". Но это диссидент, который обладает громадной силой. Или вот, Скурлатов. Многие москвичи знают, кто такой Скурлатов. Это фашист, причем слово "фашист" я употребляю сейчас не в оценочном, а в чисто идеологическом смысле. Он это понимает, он сам считает себя нацистом, и будучи работником Московского горкома комсомола, сотрудником "Университета молодого марксиста", разослал в качестве инструктивной бумаги этого университета некий документ, который имел настолько чудовищно-фашистский ха-

ракти, что его выгнали из горкома. И вот теперь он нашел себе применение в антисемитской кампании.

Эти люди действительно рискуют, потому что они ведут настоящую политическую борьбу. Общеизвестно, что в России есть подпольные националисты, которые издают журнал "Вече", и есть открытые националисты, которые сидят в ЦК, в Институте мировой литературы, в Центральном доме литераторов. Такие люди, как Палиевский, Кожин и другие известные критики и литературоведы, всерьез разрабатывают русскую националистическую идеологию. Им покровительствуют несколько членов ЦК. Когда особенно рьяных антисемитов сажают, выгоняют или наказывают, это не означает, что восторжествовало правосудие. Это означает, что один член ЦК дал по рукам другому члену ЦК, который протянул руки слишком близко к его карману. "Дать по рукам" — это значит дать Осипову 8 лет за издание "Вече", это значит протолкнуть в "Литературную газету" статью против русского национализма. Судьба самого Осипова при этом во внимание не принимается, — как и судьба евреев в этой кампании.

КГБ тоже очень сильно вовлечено в эту борьбу. Я не знаю, на чьей стороне; возможно, КГБ тоже не едино в этом вопросе, но я уверен в том, что перед нами политическая игра, которая является борьбой за власть. Вот почему я сказал, что это не имеет никакого отношения к еврейскому народу.

Теперь я скажу нечто совершенно противоположное. **Эта борьба целиком определит судьбу еврейского народа в СССР.** Точно так же, как борьба, допустим, Полянского с Брежневым не имела ни-

какого отношения к Осипову, но Осипов получил 8 лет и сидит в лагерях, так для еврейского народа исход такой борьбы может означать жизнь или смерть.

В современной ситуации антисемитизм в СССР становится в какой-то степени государственной идеологией. Чем ближе к власти окажется какая-то группа, тем более она вынуждена будет отказаться от чисто национальной идеологии, потому что империей нельзя управлять с помощью чисто русских национальных лозунгов. Поэтому по мере приближения к власти такие группы вынуждены будут расставаться с национальной идеологией в целом. Есть, однако, один пункт этой идеологии, который можно сохранить, потому что он не затрагивает ни одну из колоний этой империи — антисемитизм. Антисемитизм так удачно расположен на карте националистической идеологии, что оказывается единственной ее чертой, которая устраивает и правых, и левых, и националистов, и империалистов. Брежнев, Кириченко, Подгорный — они все родом с Украины, у них у всех есть родственники-евреи. Все они антисемиты, но для них евреи — это люди, как они сами: они знают, что могут с ними конкурировать, могут разрешить им уехать или не разрешить, но они делают это по чисто практическим соображениям, и такие соображения для них достаточны.

Националистическая группа, которая пытается столкнуть Брежневых и Кириченко, только на поверхности возглавляется фанатиками. В действительности и ею руководят люди, далекие от фанатизма. Но для них характерно мистическое отношение к евреям. Они не могут позволить евреям сделать ничего такого, что евреи хотят. Если они

хотят уехать, их надо не выпускать; если они не хотят уезжать — их надо выгнать. Они будут все делать так, чтобы не дать еврейскому народу восторжествовать. Такова их идея.

Но они вряд ли сознают, как далеко эта идея может завести их самих и их народ, который так или иначе соблазнится на эту вековую приманку.

Антисемитизм — тот компромисс, на котором могут помириться эти две большие группы, помириться и поделить власть. Ведь даже в сталинские времена власть в СССР не была единоличной, хотя такое представление всячески насаждалось. Даже в сталинские времена существовала инициатива снизу, и те работники, которые ее проявляли, смертельно рисковали — но некоторые выигрывали. Теперь же это почти целиком так: не вся внутренняя политика планируется сверху и, в частности, антисемитизм. Такие общие установки, как ограничение приема в институт и на работу, действительно планируются, но антисемитизм, как параноидальная идеология, антисемитизм, как мистическое отношение к евреям, идущее даже на нарушение собственных практических интересов, не планируется никем. И это значит, что он еще опаснее, потому что это — единственный вид идеологической инициативы, который не может быть не поддержан сверху. Партийный работник, желая доказать свою лояльность и проявить качества, которые сделают его популярным в определенных кругах, просто обязан поддержать инициативу таких безумцев, как Емельянов или Скурлатов. Он может сознавать, что это глупо, это может вредить ему в его непосредственной деятельности, но он вынужден это сделать. А тот, который готов — ради практических выгод — идти с евреями на

компромисс, всегда, в конце концов, отступает перед антисемитом, потому что его компромисс — всегда тайный. Потому что он боится сознаться, что вступил в гнусные сделки с мировым сионизмом.

А отсюда уже недалеко и до обвинения в скрытом еврействе. Ибо "всем известно, как они умеют маскироваться и как они всюду умеют пролезть".

Это и есть та главная опасность, которая угрожает сейчас еврейскому народу в СССР. Даже эстаблишмент, даже сравнительно умеренная группа партийных работников имеет только один выход в борьбе с "правым" экстремистским крылом — уступить в отношении евреев.

Таким образом никакой разумный баланс в этом вопросе невозможен и советское общество неудержимо сползает к самым крайним формам шовинизма. Однако только на первый наивный взгляд этот оползень угрожает одним лишь евреям. Очень скоро окажется, что "их очень, очень много". Гораздо больше, чем мы с вами думаем. Гораздо больше, чем мы даже можем себе представить.

ТРАГИЧЕСКАЯ НАИВНОСТЬ

Случалось ли вам краснеть за другого человека? Когда, например, милый, честный, наивный человек отколет номер, который ставит под удар его доброе имя, или появится в компании недостойных людей, не понимая своего положения, или ведет себя как мальчишка в кругу людей, которые уже давно все поняли.

Такое чувство возникает при чтении книжки Михаила Хейфеца "Место и время", опубликованной недавно во Франции издательством "Новая волна".

Автор назвал свою книгу "Еврейские заметки", и, кроме их общечеловеческого содержания, в них есть специфический еврейский элемент, который может привлечь внимание, даже взволновать читателя с еврейскими интересами. Дело в том, что М.Хейфец последовал призыву А. Солженицына ко всем народам покаяться и искренне пытается это сделать за весь еврейский народ. Еврею вообще и еврейскому народу в целом всегда есть, конечно, в чем каяться. Много мы грешили против Господа! И каж-

Опубликовано в "22", № 3, август 1978 г.

дый из нас много грешил против других людей. Есть в чем каяться! Но есть ли перед кем?

Суть бестактности всегда не в содержании действия, а в его несоответствии обстановке. М. Хейфец выбрал прекрасный адрес. Он покаялся перед Дмитро Квецко, "прекрасным, убежденным украинским патриотом". И этот выдающийся патриот отпустил ему грехи: "Ничего, Миша, — ответил мне Дмитро, — за тридцать последних лет, что вы боретесь с дьяволом, вы искупили свои грехи". Оказывается, решен уже этот старый, многовековой спор между украинцами и евреями! Убежденный украинский патриот уже простил нам грехи, совершенные против его народа, за нашу самоотверженную борьбу в течение последнего тридцатилетия. С кем там, бишь, борьбу? Чтой-то я не вспомню нашей тридцатилетней совместной еврейской борьбы. Грешен, увы. Грешен — именно тем, что, по-моему, ни в какой совместной еврейской борьбе русские евреи уже шестьдесят лет не участвуют.

Хейфец кается не за себя, конечно, а за грехи отцов. Но спросил ли он прежде у Квецко, что делали его отцы с отцами Хейфеца? Да. Какое-то сомнение все же у него возникло. И он его высказал своему другу. Убежденный патриот Украины ответил ему: "Ты прав, но ты прав от ума, а у нас душа окровавлена..." Не могу не восхититься этим пронизательным патриотом, который правильно заметил, что сочувствие Хейфеца своим единокровным идет от ума, и почти правильно отметил, что у него самого, вот, душа окровавлена. Она окровавлена не только кровью ран, нанесенных украинскому народу жидами, но прежде всего еврейской кровью, которую обильно пролили украинцы во время гражданской войны (предвидя, по-видимому, будущее участие

евреев в ЧК) и во время второй мировой войны, когда сотни тысяч евреев были убиты украинцами, не дожив до встречи с немцами и нашей тридцатилетней "борьбы с дьяволом", которая могла бы их реабилитировать.

Примерно такие же разговоры ведет наш автор с литовскими националистами, которые тоже, как на подбор, оказываются необыкновенно честными людьми, испытавшими необыкновенные гонения. Автор описывает эти гонения с ужасом, который наводит на мысль, что аналогичные, но более массовые гонения на евреев, наверно, были морально оправданы, раз они не вызывают у такого чувствительного автора такого же чувства. При общении с литовцем автор позволяет себе также теоретическое обобщение, которое вызывает оптимизм: "Антисемитизм был неодолим, когда капланы разных степеней стояли у власти и трубили на весь мир, что "антисемитизм в СССР искоренен навсегда". Антисемитизм стал исчезать как раз тогда, когда евреев стали дискриминировать, и вопли о советском антисемитизме разнеслись по всему миру". Не будем говорить о времени, "когда капланы стояли у власти", но утверждение, что теперь антисемитизм в России стал исчезать, должно заинтересовать и позабавить всякого, кто знает Россию не понаслышке. "Евреи страдают эгоцентризмом, они часто не умеют посмотреть на себя глазами других народов. Поэтому, случается, они искренне считают себя благодетелями этих других народов и весьма удивляются, встречая вдруг в ответ ненависть". Все верно, все верно, кроме того, что это могло бы быть сказано и про любой другой народ и что евреи давно уже не удивляются. А возможность погрешить как народу против другого народа, пожалуй, нам предоставляется

впервые за 3000 лет в Израиле, да и то арабы всячески нам препятствуют, предвосхищая наши возможности грешить своим непотребством.

Что по-прежнему удивительно, — это, что манера смотреть на себя “глазами других народов” так принята среди интеллигентных евреев, что они даже не сознают моральной сомнительности такой позиции. Например, тот факт, что всю первую половину этого века евреи играли в России роль цивилизованного меньшинства — роль, которую предыдущие два века играли в России немцы, роль, исполнение которой связано со служением существующему порядку и не может быть причиной самоосуждения, потому что по этой роли ни евреи, ни немцы самой этой политики не определяли, а лишь служили — кто за страх, а кто и за совесть, — вызывает у Хейфеца бурный поток покаяния. (Он, например, чувствует вину за то, что его однофамилец, адвокат Хейфец склонил к “чистосердечному раскаянию” в КГБ ленинградского писателя Владимира Мрамзина, написавшего предисловие к нынешней книжке Хейфеца. Володя! Восстань и отведи вину от фамилии Хейфец! Неужто ты бы без него не раскололся?! Выскажи миру правду, что тебе стоит!) Кстати, эта роль цивилизатора, никогда в прошлом не вызывавшая у других чувства вины, а, напротив, являвшаяся поводом для гордости культурно одаренных народов, вроде греков в античные времена и германцев в средние века, превратилась в повод для моральной рефлексии только в наше апокалиптическое время, когда все, что угодно, может оказаться губительным — автомобильный выхлоп или телеграф, так что морально невинен лишь тот, кто никогда в жизни ничего не создал. Кто из проживавших на территории России за последние 60 лет вовсе не был полезен советской

власти? Боюсь, что только Трофим Денисович Лысенко. Он уничтожил советское сельское хозяйство, загубил животноводство и сгноил в тюрьмах советских ученых, которые могли бы прекрасно работать на советскую власть. Так как некоторые из них были евреи, Хейфец бы стыдился родства с этими извергами, а украинцы могут, конечно, гордиться таким выдающимся геростратом и врагом советской власти, как Трофим Денисович, отомстившим ненавистным москалям и большевикам за все страдания крестьян.

В работе Л. Лурье "Антисемитизм в древнем мире" отмечается, что одной из причин презрительного отношения эллинизированных народов к евреям было их непонятное поведение, продиктованное иной концепцией личности в иудаизме, позволявшей и даже предписывавшей еврею каяться и смирять свою гордость перед другими людьми — в противоположность греческому идеалу героя, готовому умереть, но не смириться или признать вину. Это связано с различием в микрокосме, при котором в иудаизме совесть абсолютна, а положение среди людей преходяще, а в эллинизме, напротив, положение в обществе абсолютно, а понятие совести относительно. Таким образом, евреи еще в античные времена обладали сознанием, близким к современному. Напротив, даже современный христианский мир еще в очень сильной степени находится под влиянием эллинской концепции героического поведения, и евреи все еще вызывают презрительное отношение своей готовностью каяться, раскрывать свои душевные раны и извещать мир о своих национальных недостатках. Я в принципе сочувствую М. Хейфецу, А. Суконику и другим авторам, которые готовы обсуждать наши вины, думать о наших грехах и не-

достатках, но совершенно не могу понять, почему при таком глубоком внимании к нашим еврейским делам эти люди печатаются в Париже! Я безусловно поддерживаю призыв А. Солженицына покаяться. Но нам нужно покаяться прежде всего перед своим народом за многолетнее пренебрежение его коренными интересами, за недостаток родственного чувства к своим, толкающий на заискивание перед другими, за отсутствие исторического такта, заставляющее вечно совать нос не в свои дела и танцевать на всех свадьбах. (В книге, например, приводится заявление М. Хейфеца о вступлении в Армянскую национальную партию, — глядишь, лет через двадцать придется каяться и перед армянами; до сих пор Бог миловал.)

Группе парижских друзей М. Хейфеца, которые всячески хотят подчеркнуть общечеловеческий (т.е., "русский") характер книжки, следовало бы честнее отнестись к ее автору, попытавшемуся все же в робкой форме высказать свой сионизм, и не выбрасывать этих признаний из журнальной публикации ("Эхо", № 1, Париж, 1978) — и честнее отнестись к русским делам и русско-еврейским отношениям, не навязывая эту внутриеврейскую дискуссию русской эмигрантской прессе. В конце концов, они делают то самое, в чем Хейфец кается: "Там, где сидели цари и генералы, теперь сидим там мы..." — здесь это относится не к преуспевающим советским бюрократам, а к новой волне эмиграции. Пусть уж цари и генералы сами обойдутся! Но, быть может, друзья Хейфеца хотели его руками, не пачкая своих, тоже как бы покаяться скопом перед этими самыми царями и генералами, благо их в Париже и Нью-Йорке пруд пруди? А заодно и перед украинцами, литовцами, армянами — и кем там еще? Благо Хей-

фец всю черную работу взял на себя, так что они могут задешево заработать одобрительное: "Осознали? Ну, то-то" — и, чем черт не шутит, согласие забыть, что они тоже — евреи... Вот почему я так настойчиво говорю о бестактности.

Эта книга издана таким образом, что к ощущению бестактности добавляется еще и ощущение трагедии: в предисловии В. Марамзина и вступительном слове А. Глезера назойливо подчеркивается, что автор — закоренелый враг советской власти и что на днях-де кончается срок его заключения, так что, может быть, советская власть захочет надбавить ему срок в связи с выходом этой книги. Ей-Богу, будучи другом человека и учитывая эту опасность, я бы уж подождал полтора месяца с публикацией, до его выхода из лагеря. Но друзья не остановились и на этом. На последней странице обложки напечатано "Письмо к Председателю Президиума и т.д.", в котором авторы просят выпустить М. Хейфеца за рубеж, помиловать его в связи с состоянием здоровья и проч. Хорошо, вроде? Позаботились ребята о своем товарище, тем более, что он, сидящий в лагере, их — не сидящих и не севших — неявный заказ выполнил искренне и честно, выдав им вроде бы коллективное отпущение грехов за подписью всевозможных патриотов. Но в последнем абзаце "Письма" читаем: "Поверьте, господин Президент, что, если Вы не сочтете возможным прислушаться к нашей разумной просьбе, мы сумеем найти более действенные способы мобилизации мирового общественного мнения, к которым нам не хотелось бы обращаться (почему, собственно? — А.В.) и которые Вам, мы надеемся, были бы также достаточно неприятны". Ай да, молодцы! Как Ленку-то напугали! Если Хейфецу и после такого

не дали добавочный срок, значит, силен еврейский Бог...

В начале книги — портрет автора: беззащитно наивное лицо, детские глаза, складка губ, которая бывает у раненого беспомощного человека. Как он мог прожить до 45 лет советским писателем? Но вот и наступил предел. Эти заметки он написал уже в лагере, между голодовками и сидением в карцерах, после тяжелой работы и под страхом обыска. Я вижу его, как живого, и это можно назвать литературным успехом, ибо он сам виден в своих заметках со всеми своими обаятельными недостатками, из которых главный состоит в том, что он человек ...невзрослый. Он по-детски увлечен лагерем, его романтикой, его "окопной правдой", он упивается "жизнью в коллективе", обществом диссидентов, "борьбой за права". Его рассказ пестрит такими выражениями, как "вызывают меня ребята", "прекрасно образованный, безупречно честный, безумно отважный", "он соединяет безумную смелость с мягкостью, отвагу прирожденного борца с застенчивостью девушки, смекалку политика с открытостью души". Это не стилистическая безвкусица, а романтический склад личности, живущей и в лагере "высокой жизнью", которой не хватало ему на воле, среди обыденных житейских обстоятельств.

Человек одаренный, он эту свою особенность отчасти понимает и посвящает эту книжку "ленинградским чекистам Г. Носареву, В. Рябчуку и др., пошедшим на должностные преступления, чтобы организовать мне посещение секретных зон Мордовии", иронией снимая парадокс, состоящий в том, что всю жизнь человек жил около тюрьмы, мыслью о тюрьме, для тюрьмы и вот — наконец, дорвался, попал, удостоился и живет в ней, как рыба в воде. Чтобы не было у читателя рецензии сомнений — вот цитата:

“Отчетливо помню, когда вели на первый в жизни личный обыск, я радостно впитывал каждую деталь, каждую секунду моей новой жизни. Интересно-то как!”

Поразительно, что такой, в сущности, детский тип личности очень часто встречается среди нас. Как это возможно среди старого, умудренного тысячелетиями народа, я не понимаю, но при обсуждении любых еврейских проблем, грехов и подвигов эту детскость, это неуверенное отношение к жизни, эту неокончателность нашего облика необходимо помнить и учитывать. Мы все еще в переходном возрасте...

ВОКРУГ Ю. МИЛОСЛАВСКОГО

Однажды мы с приятелем вместе смотрели фильм Бюнюэля. Под конец приятель сказал, что фильм — дрянь, а я не согласился. И мы заспорили. Про все, что мне казалось черным, приятель говорил, что это белое, но зато все, что мне казалось белым, он решительно определил как черное. Мы никак не могли сговориться, пока приятелю не пришла в голову счастливая мысль. "Давай расскажем друг другу, что мы, собственно, видели, а потом вернемся к разговору, хороший это фильм или дурной", — так он предложил и неожиданно открыл для нас обоих новый способ общаться, понимать друг друга, а иногда и новый способ понимать себя. После того, как мы рассказали друг другу содержание фильма, который мы смотрели из соседних кресел, мы поняли, что видели два разных фильма. Но мы поняли также, что в одном и том же фильме можно увидеть разные (и даже противоположные) вещи и по-разному понять и принять (или не принять) это

Впервые опубликован в "22", № 5, 1979, как реплика в дискуссии вокруг повести Ю. Милославского "Собирайтесь и идите" (первая часть романа "Укрепленные города", издво "Москва — Иерусалим", 1980 г.).

разное содержание. В конце концов мой приятель пожалел, что не может посмотреть его еще раз, чтобы теперь увидеть также и то новое, что он узнал от меня.

Нечто подобное происходит сейчас с повестью Ю. Милославского "Собирайтесь и идите!", опубликованной в № 3 нашего журнала. Я прочитал письмо М. Улановской об этой повести и выслушал множество возмущенных откликов и даже согласен со многим сказанным в письме и со многим гораздо худшим, высказанным мне устно. Но все это не может отменить того, что я почувствовал, прочитав саму повесть.

Прежде всего, о чем эта повесть? Наверное, многие удивятся, если я скажу: это повесть о любви. Во-первых, об отчаянной и неутоленной любви к Анечке Розенкранц, безвольной и обаятельной, как Манон Леско, героине повести.

"Появилась девушка — бледная, в черном прямом платье с вырезом, босая... но такая трепетная, культурная, невесомая! Анечка". "Текут две речки — Ворскла и Мерла... Там, где речки те сходятся, становятся они похожими на Анечку..." Несколько таких признаний в повести пересиливают все потуги героя повести казаться бравым и циничным хозяином жизни, лихачом.

Затем, это повесть о нежданной, запоздавшей любви к новой родине, "своей земле", "стране Веселых Солдат, Одноглазых и Суровых Даянов":

"Родиться с тобою утром, вечером — умереть, шагать по земле, текущей молоком, горечью и медом, и с каждым днем любить тебя сильнее, и идти за тобой, как пленный..."

Это вставлено не только для красного словца.

Наконец, о любви невысказанной, невыразимой:

“До Стены метров сто. Получаю при подходе шапчонку из черного картона, кладу винтовку наземь и прислоняюсь лбом и открытыми ладонями к пегому камню... Нахожу в кармане ручку и клочок писчий, пишу записку... — для запикивания в щель между камнями Стены. “Спаси, Господи, всех, кого люблю:.....,и Анечку Розенкранц”. Среди тех, кто скрывается под этими многоточиями, могло бы нам встретиться много всяких людей и, в частности, общих знакомых, но не таков этот автор, вернее его лирический герой, чтобы выдать свою тайну. Нет, он “не открывает своего поганого клеветнического рта”, иначе как для похабной шутки или какого-нибудь грязного псевдоразоблачения.

Почему он пишет так, будто нет для него ничего святого? Почему так старательно (так, что ему при этом даже изменяет литературный вкус) мажет все дерьмом, включая даже саму... Анечку Розенкранц? Почему он видит вокруг себя столько грязи?

Первый, предварительный ответ, который я хотел бы дать на последний вопрос, состоит в том, что он видит вокруг себя столько грязи, потому что вокруг него (но, отчасти, и вокруг нас) действительно очень много грязи. И, конечно, ни возмущенная повестью М. Улановская, ни потрясенный смелостью редакции, напечатавшей повесть М. Агурский не станут отрицать, ни даже умалять масштабы этой окружающей нас гомерической грязи. Они только справедливо подчеркивают, что жизнь протекающая среди этой грязи, не сводится к ней. Тем более не сводятся к этой грязи Правозащитное и Сионистское Движение в России. Теперь зададим вопрос себе: почему нам показалось, что у Ю. Милославско-

го они сводятся? Мне кажется, что ответ на этот вопрос станет ясным в конце.

А пока: верно ли нам показалось, что для автора нет ничего святого? Вот, например, цитаты. О себе: "Я умею обмануть вдохновение (оно мне про любовь, а я ему — о героических успехах всякого народа)". Или об Алие: "Нет силы, что остановила бы нас! Пусть стоматологи, пусть капроновые сетки: все, все станет на уготованные нам свои места... Прав ты, бен-Ханукия, и я прав, и все мы правы. До сих пор были неправы, а теперь правы". А вот и о главном: "Не верую я сегодня ни в Отца, ни в Сына, ни в Святого Духа, ни в нашего Того, что сотворил небо и землю, сломал меня пополам, так что от хруста собственного станового хребта ничего другого не услышишь..." Вслушайтесь в эту цитату. Ее написал человек, богохульствующий потому, что он верит... Он не верует сегодня, потому что он куржится, но он знает, Кто сломал его пополам и у подножия Кого он корчится, как раздавленный червь...

Герой повести Ю. Милославского присутствовал и участвовал в Событии, которое превосходило человеческие силы и разумение. Алия сломала его судьбу и робкие честолюбивые замыслы и наполнила ощущением присутствия Великого, при котором все человеческое уже кажется ему мелким. Дыхание Высшего сожгло его — литературного недоросля и провинциального лоботряса ("я сам со студии буду родом") — и определило ему в новой, потустороннепатетической жизни, стать чуть ли не Воином у Западной Стены, Рукой Провидения, Средством для Его целей. Они же неисповедимы... По-человечески герой раздавлен свалившимся на него и потому так подозрительно, мизантропически относится ко всякому идеализму. Мысль о своей великой миссии не

столько греет, сколько холодит его. Наиболее знакомое герою чувство, которое он описывает с недюжинным талантом, это страх... Вначале это обыденный страх:

“Фельдфебель Фридман рассказывал, что грибы во рту расти могут... Лежит в блиндаже труп, во рту у трупа — земля, а в земле — грибы...” “Только в полной темноте решался Плотников раздеваться догола, раз в неделю ходил в гости к одному профессору на дачу — там принимал душ; ни единого лишнего движения сделать не мог, ел, отвернувшись к стене, в нужник ходил только при полном нетерпении, а лучше — на улице, а еще лучше — у знакомых...” “Гниды, твари, какая армия!!! Я никуда не пойду, они не имеют права, там все спят вместе, срут вместе по команде. Ах, так вот что они решили со мной сделать, и за что? За разговоры... Боже мой, что я им напишу? Нельзя ничего писать, почему я сижу, как... “Володя, прости, я сдохну в лагере, я не виноват, что не занимался спортом, не рубил дрова...” “Мандельбойм считал, что трупы надобно хорошенько смочить бензином и поджечь. Так поступают сирийцы и египтяне с нашими трупами...”

Но постепенно мы начинаем различать в этом многообразии страхов оттенок метафизического страха, страха Присутствия:

“От непредставимой обычному незадействованному человеку жути постоянного присутствия посторонних говорил Плотников негромко и внятно, без интонаций”. “Ты знаешь, я думаю, что уже жила раз на свете, совершила что-то страшное: может, убила кого-нибудь. И поэтому теперь так мучаюсь...” “Неведомо откуда прошли по противоположной окну стене медленные белесые световые квадраты — троллейбус? В такое время троллейбусы не ходят.

Господи, что случилось? Ничего не случилось. Господи, что случилось!!!...” “Зачем тебе мой малоаппетитный труп? Я сделаю все, что ты попросишь, но не проси!”

Именно этот страх, это постоянное ощущение присутствия, направленного на него внимания, сначала КГБ, потом товарищей и слушателей (“Лили — нет, Ванюхи — нет, тайных агентов... Нету никаких агентов, ни тайных, ни явных. Некому стихи почитать”), и, наконец, Всевышнего (вспомните “Я и Ты” Абрама Терца), заставляет героя повести все время ерничать, хихикать, острить, прямо приседать как-то от смущения: “Вдохновение начинает обманывать меня, а я категорически отказываюсь”... “Анечка была околелитературный бабасик”... “Не могу без гнусной шутки, плачу, мешаю собственному художественному процессу... Острою я, острою, остроумно себя веду... И сам я не знаю, чего хихикаю. Завидую, что ли?..”

Уж что верно, то верно, завидует он несомненно и болезненно. Герой повести остро завидует всякому, кто уверен в себе, всякому, кто твердо знает свое место, всякому, кто... не завидует другому. Он завидует и легкому, неверному Минкину, и одержимому автодидакту Полторацкому, просто потому что эти люди не играют ролей, а живут в согласии с собой, хорошо это или плохо (они даже не задаются вопросом, хорошо это или плохо). Он завидует своим товарищам-солдатам, Рами и Шуки, потому что они родились в Израиле и постоянно чувствуют себя дома. Он завидует командиру Дану и сержанту-профессору Мандельбойму, потому что их не отягощает груз прошлого и они твердо знают, что делают свое дело.

Два персонажа увиденные глазами и описанные

словами главного героя, "демократ" Плотников и "еврейский активист" Липский, снабжены таким подавляющим запасом человеческих слабостей, что уже после нескольких страниц становится ясно, как глубоко он им завидовал, как мучительно ревновал (хотя бы и задним числом, ретроактивно) свою единственную сегодняшнюю отраду — Анечку, вращавшуюся среди этих столичных светил, даже не замечавшую скромного, "но такого талантливомго" провинциального поэта, любимца Лили Ландесман, собутыльника Ванюхи Разина. Он так мастерски приписал этим "знаменитостям" свои страхи и душевные муки, что почти защитил себя от этой бесплодной зависти и заставил поверить наивного читателя, что он оклеветал их.

Единственные герои, от зависти к которым лирический герой Милославского полностью свободен — это Абрам Ошеревич Тираспольский, Валя Чаговец и другие его собратья по "гетто родных причалов" — члены и вожди родной литературной студии, где суждено было ему прозябать в счастливом единстве с соприродной средой, если бы "Тот, кто сотворил небо и землю", не "сломал его пополам" и не перенес к Стене, на муку и ответственность... Это Он разбил уютные мечты ("Да откуда ж она знает, что именно этим и прекрасны мои стихотворения? Как она понимает!.."), разорвал дружеский тесный круг меча и лиры ("тайные агенты", "гениальные поэты" и "артисты кукольного театра имени Клары Цеткин"), взвалил фантастические, неподъемные задачи трагического героя на плечи провинциального комика. Да! Главный герой повести принадлежал к кругу непризнанных гениев, ярких бездарностей, одаренных ничтожеств, к кругу, который мог только мечтать о печати ("Скоро в печать пойдем! Не

пойдем. Никуда не пойдем, но уж в печать — это точно, не пойдем”), о славе, о письмах “в ООН Центрального Комитета при Совете Министров”. Анечка ушла к столичному поэту Марку Левину, а ему осталось сухое вино с селедкой, местный мэтр — поэт Георгий Айрапетян, винегрет с постным маслом, дышащая тресковой печенью Лиля Ландсман, дружба “настоящего алкоголика” Ванюхи Разина. Ему осталось биться на полу в редкие минуты прозрения, подобно прозаику Вале Чаговцу; “Еще лежа на полу, цеплялся жидкими руками за Анечкину шею: “Сделай мне что-нибудь, я не могу так больше”... “Спели — спели. Кроме правды — все ничего”. О, это была, по-своему, богатая жизнь...

И тут вдруг подул неземной ветер. Он подул так резко и стремительно, что герой даже не заметил, с чего началось, как вышло. “Писем вдруг стало так много — по всем адресам, по всем каналам, шла невидимая возня... И вылезал на поверхность вопрос, стыднее которого не придумаешь: “А почему их не сажают?”... Его подхватило, как щепку. Ему показалось даже, что он всегда к этому стремился, что Липский, у которого он “консультировался” (“Как вы думаете, меня выпустят? Я ведь, как-никак, артист Государственного кукольного театра имени Клары Цеткин. Такие еще не выезжали”), был тут ни при чем. Ведь это было чудо! Разве мог этот (или любой другой) преуспевший, наделенный всеми пороками, какими только могло его наделить воображение завистника, обыкновенный человек быть истинной причиной того необыкновенного, невероятного душевного подъема, который заставил героя забыть на время свой цинизм, страх и неукрытое честолюбие? “Нет силы, что остановила бы нас! Через двое—трое суток стану я похож на все

имеющиеся у моего государства речки. А если речек мало — выкопаем!.. Как легко забывать... Проверьте, проверяйте, фоньки, ничего вашего не возьмем!..” Разве мог он быть благодарен тому, кто отнимал у него право ощущать этот первый, и пока единственный в жизни, поступок полностью самостоятельным? Он заметил виски, и куриный суп в его холодильнике. Он обратил внимание на импортный приемник на его окне. Он точно запомнил цену — “26 сертов”...

Друзья мои! Активисты, сионисты, демократы, диссиденты и отказники! Разве мы ожидали благодарности? Разве мы не боролись также и за себя? Дадим же ему бороться за себя, как он умеет! Ведь он ехал в искреннем опьянении на Вечный Праздник! А приехал на Вечный Труд, когда об опьянении все уже и забыли. Он ехал в страну Чудесных Побед, а приехал в страну Постоянных Опасностей. Не судите его слишком строго. Он — не редкий выродок. Посмотрите вокруг себя... Сходите на собрание, послушайте русских иммигрантов. Кого они разоблачают охотнее всего? Разве не тех людей, благодаря которым они здесь? Да и то сказать, разве мы без греха? Разве любой из нас, покопавшись в памяти, не может привести на выбор не менее “вопиющие” факты из истории любого из затронутых движений? Для нас ведь суть не в этих “фактах”, а в том, что мы считаем “главным” в этом деле. Но действительно ли так далека от нашей позиция автора? Вот, я цитирую внутренний монолог Липского, еврейского активиста, обрисованного довольно мрачными красками: “Они все стучат: Фимка и Арон, кусок дерьма, и Ханькин, которого КГБ назначило евреем, и те, что приезжают из Киева, из Минска, и все эти провокаторы, что устраивают демонстрации, а демо-

краты — вообще настоящие работники ГБ. А те, кто звонит из-за границы, на самом деле не звонят, все организуется здесь, на Лубянке. А эта Анна-Хана, блядища, спит по заданию: стучат друг на друга...”

(И надо сказать, что для всякого, кто поварился в атмосфере диссидентско-сионистской Москвы, этот монолог не кажется гротескным. Достаточно сказать, что вплоть до самого бегства из СССР А. Белинкова обвиняли за глаза в провокационных разговорах, а многие еврейские активисты и сейчас в Израиле подозревают друг друга в сотрудничестве с ГБ). Какой же вывод делает из всего этого наш злодей Липский, на всю жизнь раненный своей слабостью, проявленной на допросе: “...Готовясь ко второму разу, перестал встречаться с упомянутыми в заявлении, — чтобы не о чем было более упоминать. Нашел других, подал с ними за компанию документы в ОВИР, получил отказ, подписал сотню обращений черт знает куда, полтора года не работал, беседовал по своему домашнему телефону с Нью-Йорком, Лондоном и Амстердамом, ходил по необходимости на демонстрацию к приемной Верховного Совета”. Да он герой, этот Липский! Насколько же нужно быть замороженным стандартами социалистического реализма, чтобы не распознать в нем настоящего и истинного смельчака. Он совершил все это, все время колеблясь и боясь, что его провоцируют, но он совершил **небывалый в своей среде поступок!** Он прыгнул в полную неизвестность. Сделал это по чисто нравственным причинам, ибо его слабость на допросе отравила ему жизнь и не давала ему успокоиться, как его необыкновенное обоняние не дает ему переносить никаких признаков нечистоплотности в себе и других... При его мнительности, нервности и эгоцентризме, он подписал крамольные пись-

ма, несмотря на опасность подвоха (а что, разве не было такой опасности?), ходил на демонстрации, хотя и "по неизбежности" (а что, кто-нибудь ходил на эти демонстрации, как на именины сердца?) и подал заявление в Израиль — "вроде это не я — Миша Липский, — но другой человек, которого никакой лейтенант не решится угостить своим приплюснутым бутербродом: он, бутерброд, — некашерный, и я, советский еврей, желающий выехать в государство Израиль на постоянное место жительства, вашего едова жевать не стану! А если позовут — я знаю, как с вами, скотами, разговаривать..." Если это не героизм, то я не знаю, что такое героизм, и если Липский не возвысился при этом нравственно, то тогда нравственного возвышения вообще не бывает. Еще легче по тексту показать истинное величие Славы Плотникова, смертельно раненного памятью о своем унижительном избиении и тем не менее продолжающего свое дело... Интереснее обратить внимание на сходство в их душевных муках и истерических всплесках: "...Бил его Лешин сапог, а он уделался, как маленький, цеплялся за голенище... Убью, убью, всех убью, сначала всех — потом себя..." — это Плотников. А вот Липский: "...Понимает он, чем и как они его победили, заставили заявить на имя Председателя их Комитета... А эта проблядь, стукачиха, ей все равно — кому давать, — и я пойму, пойму, догадаюсь — откуда позор мой и лязганье в сердце... я вас всех пойму, сначала всех — потом себя..." Это — не случайное совпадение, это — писательский почерк.

И вот пора, наконец, сказать и об авторе, ибо до сих пор я говорил только об авторском герое, что отнюдь не одно и то же. Автор — жесток. Это жестокость человека с сокрушенным сердцем. Только прочитав всю повесть, понимаешь ее эпиграф: "стра-

шнее страшных пыток и схваток родовых меня гнетет избыток познаний путевых". Может быть, автор и не хотел бы видеть всю эту грязь вокруг себя, но что ему делать, если он буквально облеплен ею, почти уже утонул... Он отчаянно мечется: "Разозлили меня, вовремя не утешили — значит, извергну я накопленную информацию... Я намеревался сочинить нечто совершенно иное... Я знаю силу слов, я знаю слов набат. То есть, на самом деле я не согласен..." Он борется с собственным цинизмом и взывает: "Боже, помоги моему неверию!" Он выплюнул в литературной форме громадную порцию грязных чувств, которыми заражены мы все, которые обуревают время от времени почти любого, но которых люди привыкли стыдиться. Вопрос, который вертится на языке после прочтения повести: "Неужели это правда? Так, может быть, не стоило бороться, может быть, никогда ничего нельзя улучшить, может быть, все эти жертвы (да иногда и жертвы фальшивые) совершенно напрасны?" Ответ на этот вопрос у каждого свой, но в чем я уверен нерушимо, что такой вопрос должен быть задан. И для этого нужна нам эта повесть.

Если думать, что в России никогда больше ничего не будет, и наше сионистское движение захлебнулось в грязных волнах искателей заработка, рвущихся в Бруклин, а демократическое движение погибло под тяжестью надвигающейся и торжествующей шовинистической идеологии, как русские князья были раздавлены когда-то задами пирующих татар, тогда и правда — печатать такую жестокую повесть — грех. А сама повесть есть род мародерства. Но я верю, что эта история еще не кончилась сегодня, что правозащитное движение в России еще возродится, что новый сионизм в России еще

сделал только свои первые шаги и мы увидим следующие. И если это так, ложка дегтя не может нам повредить. Она необходима нам, как воздух, ибо мы еще немного совершили, а уже привыкли хвалить друг друга. Еле-еле отошли от привычного в России страха, а уже выступаем с воспоминаниями о своем героическом прошлом. Эта повесть нам нужна не для оценки прошлого, а для нашего будущего. Нам предстоит еще много горького, и автор повести это знает. Он знает, что Алия – Восхождение – это возвышение из глубин падения (весьма уютных порой) на трагическую высоту (где нечем иногда дышать), и он рассчитанно помещает своих героев на самое дно человеческой низости, чтобы мы могли увидеть и оценить высоту, на которую они способны подняться. Можно подумать, что автор почти хирургически жестоко следит за операцией, предсказанной в Книге: "Вот выну из тебя сердце каменное и дам тебе сердце из плоти". Вот отсюда и "лязганье в сердце", и "грибы во рту", и "хруст костей". Сердце из плоти болит сильнее, разбивается легче...

Единственный вопрос, который мы, читатели, могли бы еще задать писателю: а не упивается ли и он иногда падением своих персонажей и не сливается ли он в эти моменты с героем своей повести? Этот вопрос мы можем задать не потому, что нас обижает его отношение к нашим ценностям, а потому, что от ответа на этот вопрос зависит его масштаб как писателя и наше будущее внимание к нему.

НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Очень немногие люди способны учиться на собственных ошибках. Тем более почти никто не способен учиться на ошибках чужих. Поэтому, хотя бывшие немецкие евреи не склонны посещать Германию даже в качестве туристов, находится еще достаточно русских и израильских евреев, которые не прочь пополнить поредевшую еврейскую общину этой страны.

По-видимому опыт всех еврейских общин мира свидетельствует против ассимиляции. Но в каждом поколении находятся люди, готовые начать все сначала, если им позволят. Так как ассимиляция в СССР технически затруднена из-за отметки во внутреннем паспорте, а спорам об автономизме И. Сталин положил конец, расстрелявши всех участников, советским евреям остался только сионистский вариант на все случаи жизни.

Впервые опубликовано в "22", № 31, 1983, как послесловие к дискуссии между А. Воронелем и Г. Фрейманом (в том же номере журнала). Проф. Фрейман, активист алии и недавний репатриант из СССР, отстаивал необходимость помогать выезду евреев из СССР независимо от выбора ими дальнейшего маршрута — в США или Израиль.

Сионизмом зовется теперь в СССР всякое проявление еврейских чувств независимо от состава и намерений действующих лиц. Также и всякое движение, в котором заметное участие принимают евреи, будет в СССР объявляться с и о н и с т с к и м, независимо от его идеологии и политических целей. Так было в свое время с демократическим движением, так случилось позднее с движением за эмиграцию и так будет и впредь со всеми течениями, в которых позволят себе участвовать русские евреи. Этот особый российский опыт, эта мнимая глухота советских властей (и советских граждан) ко всем нюансам еврейских устремлений вовсе не свидетельствует об антисемитизме или примитивности советского политического мышления. Скорее, напротив, эта черта ярко подчеркивает, что русским, даже и в советском обличье, все еще свойственно обостренное онтологическое чутье, которое приписывали им Ф. Достоевский и В. Розанов. Они лучше самих евреев чувствуют конечный адрес всяких проявлений еврейской солидарности. И не меньше нас заинтересованы, чтобы евреи не отклонялись от предписанного историей маршрута...

Собственно, с точки зрения Свободного Мира для СССР, страны, выпускавшей эмигрантов, должно было бы быть безразличным, куда они поедут. Однако, с точки зрения Свободного Мира невозможно понять и все остальные аспекты советской политики. Поэтому попробуем опереться на факты. Боролся ли кто-нибудь внутри СССР за американскую визу? Да, такая группа существует в диссидентском движении, и я приведу несколько недавних сообщений "Хроники" о их буднях: "Инженер В. Барац, член группы "Право на эмиграцию" был принудительно госпитализирован в психбольнице № 15 горо-

да Москвы. Барацу была сделана инъекция большой дозы аминазина... Учительница английского языка из города Гижай Литовской ССР З. Шалашевичюте вышла на Красную площадь в Москве с плакатом "Требую права на эмиграцию!" В течение последующих трех месяцев она подвергалась усиленной инсулиновой терапии в психбольнице № 3 города Москвы... Двенадцать членов семейства Ващенко вышли на демонстрацию с требованием эмиграции в США. Милиция начала их избивать. Лидия и Людмила Ващенко потеряли сознание, у Дины Ващенко выбиты зубы, у Якова Ващенко сломана нога..."

И так далее, в том же духе. Сообщений подобного рода довольно много.

Выходцам из СССР не приходится объяснять, почему к этим людям власти относятся более жестоко, чем к евреям, подающим заявления в Израиль (и даже, чем к евреям, устраивающим демонстрации по этому поводу). Собственный опыт бывших советских граждан совершенно достаточен, чтобы исключить случайную ошибку в этом жизненно важном вопросе. Действительно, подавляющее большинство советских евреев подает заявления только в Израиль. (Стоит отметить, что Лидия Ващенко, получив такую возможность, также подала заявление в Израиль.) Таким образом, в пределах СССР мы откуда-то знаем, что советским властям небезразлично направление нашей эмиграции.

Однако, оказавшись в Вене, вне зоны досягаемости советских властей, советские евреи уже чувствуют себя готовыми к восприятию идеологии Свободного Мира, основанной на идее с в о б о д н о г о в ы б о р а, и в значительном большинстве меняют свой маршрут ради более комфортабельных стран.

(Здесь опять стоит отметить, что Лидия Ващенко, возможно, помня об оставшихся одиннадцати родичах, свободный выбор отвергла и направилась, без всякого поощрения со стороны Сохнута, именно в Израиль. Может быть, ей не пришло в голову, что вызовы остальным Ващенкам мог бы выслать и Рабинович?) Таким образом, в Вене нам, бывшим советским евреям, становится непонятным (уже вместе со всем еврейством Свободного Мира), почему наш свободный выбор может как бы то ни было повлиять на советскую эмиграционную политику.

Так как советская власть сейчас закрыла свои ворота, лишив евреев какого бы то ни было выбора, у нас остается не так уж много возможностей для иллюзий. Советские власти в принципе могут позволить (если захотят) только то, что не подрывает основной стержень их господства — о т с у т с т в и е в ы б о р а. Они открывают и закрывают свои двери на 90 процентов по своим внутренним причинам, о которых мы можем только гадать, но наличие свободного выбора даже для небольшой части населения СССР справедливо рассматривают как смертельную угрозу своему режиму. Спрашивается, ну почему бы им не разрешить крымским татарам поселиться, где им захочется? И почему бы не разрешить месхам (есть такая национальная группа, выселенная Сталиным с Кавказа) уехать в Турцию, раз они считают себя родственными туркам? Но это будет означать, что люди (и народы) в СССР сами способны выбирать свою судьбу, место жительства (а прописка?) и национальность. Почему бы тогда и евреям не разрешить писать в паспорте национальность, какую они захотят? А заодно и немцам, которых в СССР столько же, сколько и евреев? Тут-то и

зарыта собака. У людей появится выбор... Будет беспорядок.

Советские руководители могут смягчить свою политику или ужесточить ее. Они могут пустить евреев в Израиль или немцев в Германию, или не пускать их. Выбор остается за ними. Они могут принимать евреев на работу или дискриминировать их. Порядок по-прежнему остается нерушимым. Но никогда, ни при каких условиях они не могут оставить людей на их собственное усмотрение. Позволить человеку в СССР самому решать, еврей он или нет, позволить самому немцу решать, в Германию ему ехать или в США, означает для них лишиться той натуральной почвы, на которой процветает их власть — кому положено, а кому — не положено! Беспорядок неминуем...

Как удалось вырваться первой четверти миллиона? Для евреев в начале 70-х годов еще не было вопроса "куда ехать?" Они бы отшатнулись от более поздней постановки того же вопроса — "где лучше?" Они боролись за то, чего можно было достигнуть — р е п а т р и а ц и и в И з р а и л ь — и их это действительно вдохновляло. Еврейское движение 70-х преуспело не столько благодаря Джексону и Киссинджеру, сколько благодаря собственному энтузиазму и ограниченности задач, которые оно себе ставило. Своими жертвами и решимостью первые сионисты создали ситуацию, которую поддержали сто пятьдесят тысяч человек, репатриировавшихся в Израиль, и которой воспользовались сто тысяч, эмигрировавших в США. Мы не можем вернуться к ситуации 70-х. Но мы должны обдумать наше отношение к этим событиям и их внутреннему значению. Еврейское движение 70-х годов сумело преуспеть и превратиться в фактор международной

политики, не нарушив серьезно основного принципа советской жизни — отсутствия выбора. “Свободный выбор” пришел позже.

Если с точки зрения советских властей (и какой-то части советских евреев) уехать в Израиль означает лишиться свободы выбора, мы должны обдумать нашу позицию не по отношению к эмиграции, а по отношению к Израилю. Считаем ли мы Израиль свободной страной или мы тоже верим, что жизнь в Израиле лишает человека свободы выбора?

Если у нас самих есть сомнения относительно свободы в Израиле, мы должны задуматься, чего мы хотим от СССР. Обязан ли СССР предоставить евреям то, чего не в силах им обеспечить Израиль? Или мы можем требовать от СССР, чтобы он предоставил своим евреям привилегию, которой лишены мы сами? Нет, конечно, никто из евреев на Западе всерьез не сомневается в демократическом характере Еврейского государства. Но все хорошо знают множество практических трудностей израильской жизни, которые являются для них достаточным основанием, чтобы не спешить присоединиться к своим братьям.

Тут мы подходим к парадоксальному выводу, что ситуация русских евреев и проблема их освобождения есть только отражение общего кризиса всего еврейства, а не специфический вопрос политики СССР или по отношению к СССР. Спасти советских евреев сейчас означает для еврейства спасти самого себя. Разве это СССР мешает остальным евреям переселяться в Израиль? Разве богатые персидские евреи, даже под страшной опасностью полного уничтожения, поспешили в Израиль? Куда устремились ливанские евреи, когда в Ливане разра-

зилась гражданская война? Я уж не говорю об аргентинских, чилийских, уругвайских евреях, которые так бойко разоблачают свои недемократические правительства. Проблема советских евреев помогает нам увидеть смятение в собственных рядах. Разве только у русских евреев историческая родина в Израиле?

Здесь мы подошли ко второму важному фактору, обусловившему успех эмиграционного движения в 70-х годах и его провал в 80-х. Энтузиазм сионистских лидеров движения в СССР, восторг чудесного освобождения всех участников был так высок, что вызвал в свою очередь подлинный энтузиазм евреев Свободного Мира. Сионистское движение в СССР добилось поистине массовой поддержки на Западе и превратилось всерьез в значащий международный фактор. Тогда оказалось, что и другие факторы международной политики могут сочетаться или сталкиваться с этим. Тогда именно евреи и стали товаром в отношениях великих держав. Тогда только и возникло поле действия для Джексона с Киссинджером.

Но этот первоначальный импульс, этот восторг сопереживания возник у западного еврейства под влиянием пророческой одержимости первых сионистов, под впечатлением драматизма первых антисионистских процессов, под давлением отчаянной убежденности первых, вырвавшихся из СССР, одиночек.

Западные евреи увидели свои идеалы в действии. Они поверили в русских евреев. Они поверили, потому что это означало для них верить в лучшие качества в себе. Эти качества по-прежнему — идеализм целей, преданность Израилю, готовность к борьбе. Все то, что западные евреи хотели бы постоянно видеть вокруг себя и... не видели. Они легко

поверили, что русские евреи лучше их. Они поверили, что русские евреи — другие и способны не только верить, но и жить, и действовать по своей вере. Они поверили, что советские евреи сами по доброй воле выполнят задачу, с которой может справиться только весь еврейский народ в целом: построить и защитить Еврейское государство.

Взглянем опять на сегодняшнюю ситуацию советского еврея. Хуже ли он, чем другие? Разве он любит своих детей меньше, чем американские родители? Почему именно он должен ехать в Израиль, когда столько горячих сионистов в Америке продолжают практиковаться в сионизме без всеобщей воинской повинности? Несправедливо обвинять его в недостатке еврейских чувств. Когда он читает газету, этих чувств у него даже больше, чем нужно. Когда он болеет за израильскую баскетбольную команду, он свистит и топает не хуже других. Нет ему равных в сочувствии израильским военным операциям! Если бы военные победы решались одним только его энтузиазмом, израильский флаг реял бы над всеми арабскими столицами. Но должен ли этот энтузиазм толкнуть его также и на покупку израильского автомобиля? И телевизора? Если есть в ы б о р, купить лучше тот автомобиль, что практичнее, не так ли? И если советского выходца, у которого глаза разбегаются от всего, что он впервые увидел в Вене, спрашивают, куда он п р е д п о ч и т а е т поехать, к тому же за чужой счет, не естественно ли ему ответить:

“По велению души я, конечно, никуда бы не поехал, кроме Израйля, но жене вреден жаркий климат, мне легче будет найти работу в Америке, а сын мой слишком впечатлительный мальчик, чтобы служить в армии. Передайте в Израиль мои искренние и го-

рячие пожелания. Не уступайте этим негодьям ни пяди в Бейруте! Да! Не забудьте выслать вызов моему брату и тете жены от родственника с моей фамилией! Не перепутайте! А то, говорят, у вас там балаган. Шалом! В будущем году — в Иерусалиме!”

Шутки шутками, а не всякий знает, что никакой аналогии между выбором при покупке автомобиля и выбором страны проживания (особенно в израильской ситуации) нет. Свободный выбор в жизненно важных вопросах — не рыночное понятие и всегда включает ф а к т и ч е с к и е о г р а н и ч е н и я. Мы теоретически свободны плевать на родителей, бросать жен и оставлять детей, но фактически все это не так просто. К жизни нельзя относиться, как к бизнесу. Есть в мире неизмеримые ценности. И вызов из Израиля — неизмеримая ценность для человека, покинутого своими родственниками в советском пожизненном заключении. А этот вызов может сделать только полноправный израильский гражданин своею собственной рукой, а не советско-американский беженец, сколь бы горячо он ни сочувствовал Израилю. И здесь мы особенно ясно видим, как “свободный выбор” для одних в Вене оборачивается лишением всякого выбора и всякой надежды для других в Москве, Ленинграде, Киеве. Под влиянием бизнеса, конкуренции и неограниченных возможностей Свободного Мира вопросы совести отодвигаются все дальше. А вопросы выгоды, практической целесообразности, сегодняшней пользы превращаются в первостепенные. И цинизм советских евреев, предпочитающих из Америки искать (и находить) взяточников в Сохноте для посылки фальшивых вызовов, а не покориться судьбе, предписывающей им дорогу чести, есть не более чем отражение цинизма и разложения,

коснувшихся всего еврейского (и нееврейского) мира. В конце концов, несмотря на горькое разочарование в "русских", западные евреи нашли естественным, что они не едут в Израиль. Не могут же они требовать от русских евреев больше, чем от себя!

Здесь-то и обнаруживается страшная для судьбы советских евреев ловушка! Западное еврейство, в отличие от бывших активистов, ничего от "русских" не требует. Но оно ничего больше от них и не ждет! И когда американские евреи начали русских евреев "понимать", они утратили к ним интерес. Их энтузиазм невозможно возродить даже с помощью финансирования, потому что американские евреи привыкли сами финансировать свои кампании. Что делать? Люди, которыми движут такие же заурядные соображения, как и их собственные, не вдохновляют американских евреев.

Справедливо ли это? Нет. Но это — то, что мы видим вокруг себя.

Весь мир хочет героев, и евреи хотят видеть своих еврейских героев, справедливо это или нет.

Я думаю, что мы еще их увидим.

Я не думаю, что советские евреи лучше западных. Я также не думаю, что хуже. Но я думаю, что они действительно другие. Советская жизнь формирует другие характеры. Русско-еврейская традиция действительно сильно отличается от западного стандарта. Расстояние от веры, убеждения к действию у русского еврея действительно короче. И отношение к опасности, особенно опасности со стороны властей, у русских евреев совершенно другое. Еврейская проблема в России по-прежнему остается нерешенной, и по-прежнему в еврейских семьях в СССР рождаются способные мальчики и девочки. Этим детей по-прежнему воспитывает еврейская семья и

русская школа. По-прежнему вся советская жизнь вокруг оскорбляет их. По-прежнему открытая дискриминация и скрытое недоброжелательство их унижает. Все — как прежде. Кроме одного — их памяти.

Они знают, что однажды евреям удалось вырваться. Они знают, что унылая советская жизнь — не единственная возможная реальность. Они уже знают, что все может перемениться. Память о том, что это удалось однажды, поможет им преодолеть страх и лишения.

Возникнет новое движение, и оно будет сионистским. Русские евреи осуждены историей на героические поступки. У них нет другого выхода. Как всегда — их выбор ограничен, но свободная воля у них есть.

Израиль — свободная страна и отсутствие выбора при выезде является не более, чем иллюзией, необходимой советским властям для их политики, которая вся построена на различных человеческих иллюзиях. Но нам не следует спешить рассеять эту иллюзию у советских руководителей и некоторых советских евреев. Кстати, ни те, ни другие не хотят с этой иллюзией расставаться и при случае согласно вторят, что Израиль — ужасная страна, жизнь в которой — сплошная мука. Доказывать обратное для нас — значит подрубать тот единственный сук, на котором эмиграция может выехать. Именно и только "эта ужасная" страна (и чем ужасней, тем вернее) может стать тем единственным адресом, куда советского еврея, может быть, пустят, если он опять обещает настолько, чтобы променять свое нескончаемое советское благополучие на израильский пороховой погреб. Эмиграция из СССР всегда будет возможна только, если она не нарушает советского

психологического баланса: "из великой страны — в малую, от хорошей жизни — к плохой, из советской безопасности — под бомбы! от великой культуры — в азиатскую провинцию, от обеспеченности — к безработице". Нам не следует их опровергать.

Можем ли мы, должны ли до такой степени принимать советские правила игры? Может быть, я был бы иного мнения, если бы речь шла о какой-нибудь борьбе идей. Может быть, я был бы иного мнения, если бы меня не так волновала судьба советских евреев. Может быть, если бы я сам находился в СССР, а не судил бы о их положении из безопасной позиции, я позволил бы себе больше. Может быть, я тогда провозглашал бы что-нибудь вроде: "Лучше умереть стоя (в очередях), чем жить на коленях (у еврейских организаций)!" Но в настоящем своем положении я подчеркну, что русским евреям предстоят героические поступки, и мы не имеем права осложнять их ситуацию. Их спасение должно быть для нас важнее мнимого торжества благородных общих принципов. Обсуждая пути помощи, мы тем самым вызываем советских евреев на те или иные действия, мы невольно подаем им знаки. Я призываю быть предельно ответственным и не подавать им знаков, которые могут спровоцировать их на безнадежную и гибельную борьбу.

Произнося приятные уху западного человека слова, вроде прав человека, свободного выбора и т.п., мы невольно ставим перед советскими евреями задачу либерализации советского режима, с которой не справился американский президент, не могут справиться 100 миллионов поработанных народов Восточной Европы и вряд ли вскоре сумеют справиться 270 миллионов коренного населения СССР. Достаточно с советских ев-

реев своих собственных задач, которые превосходят обычные человеческие силы. Ведь им предстоит во многом начать сначала. И прежде всего — убедить самих себя.

МЕЧТА О СПРАВЕДЛИВОМ ВОЗМЕЗДИИ

Полемика в печати вокруг посещения президентом Рейганом военного кладбища в Битбурге заставила меня задуматься, почему меня не возмущает его поступок. Если бы в это дело не вступили такие люди, как Эли Визель, я, быть может, и не обратил бы внимания на весь инцидент, посчитав его просто политическими придирками престижноориентированных групп. Однако эта полемика заставила меня ощутить отличие моего подхода от общепринятого на Западе, и я подумал, что это отличие не принадлежит только мне лично. За ним стоит другой опыт, другое воспитание чувств, другое видение жизни.

Я никогда не изучал Катастрофу и мысленно отталкивал от себя полную ее картину, быть может, подсознательно избегая психологической травмы. Однако, непроизвольно сведения о Катастрофе с детства настигали меня, и поскольку это началось в детстве, сведения эти неотделимы для меня от других моих детских впечатлений. Я постараюсь их сейчас проанализировать.

Впервые напечатано в "22", № 45, 1985 г.

В моем детском сознании Катастрофа представлялась мне исключительно проблемой убитых стариков, женщин и детей, так как детские воспоминания не включают возможности остаться при немецкой оккупации кому-нибудь, кроме беспомощных людей. Все известные мне взрослые мужчины были в то время в армии и мне трудно вообразить их в числе жертв Катастрофы. Отчасти поэтому Катастрофа в моем воображении выглядит не предусмотренным и запланированным политическим действием, а исключительным зверством, вспышкой варварства, дикарством. Естественно, и ответственность за дикие поступки, как и за всякое преступление, должна была бы быть индивидуальной.

Мы знаем однако, что на самом деле ужас Катастрофы не в ожесточенном зверстве, которое всегда индивидуально, но в продуманном планировании гибели целых народов (не только евреев, также и цыган). И тут чувство подводит меня. Вместо того, чтобы ужаснуться еще больше, я неожиданно возвращаюсь к знакомому мне и лишенному ужасных подробностей воспоминанию, естественно сопровождавшему мое детство, как постоянный фон. Я помню бесчисленные летние палатки на окраине сибирского городка, где мы были во время войны, в которых всю зиму жили "эстонцы". Так у нас называли иностранного вида рослых, красивых людей, работавших в своих когда-то аккуратных мундирах на открытом воздухе при температуре -40° и умудрявшихся даже при этих условиях сохранять бравый вид. Это, на самом деле, были сосланные в Сибирь латыши, литовцы и эстонцы, от которых ожидали вскоре полного вымирания. Действительно, каждую ночь хоронили их несколько сотен и к лету не осталось уже ни одного. Тогда на их место

прислали "узбеков", которые выглядели гораздо хуже, но умирали так же хорошо. Весь город, конечно, это знал и видел. Но если про "эстонцев", по крайней мере, говорили: "Жалко, такие красивые люди", об "узбеках" никто не сожалел, потому что они были грязные и некрасивые. По городу ходило множество смешных анекдотов о их жадности и коварстве в соединении с глупостью. В общем, их грехи сводились к мелкому воровству, торговле урюком и плохому владению русским языком в соединении со стремлением выжить. Это стремление и урюк затянули их пребывание в нашем городе на все годы войны, так что я допускаю даже, что некоторые из них действительно выжили.

В 14 лет, через год после конца войны, я сам попал в лагерь по политическому обвинению (в антисоветской пропаганде) и не считал себя пострадавшим несправедливо, ибо действительно пытался, насколько я мог в этом возрасте, вести антисоветскую пропаганду. Срок, к которому присудили нас с другом (тоже 14 лет), был всего три года, но первые же месяцы убедили нас, что мы не протянем и года. Мы начали готовить для себя наиболее безболезненное самоубийство, но через полгода дело было пересмотрено Верховным Судом. Хотя семья и уплатили грандиозную взятку, перемена судебного решения была все же неслыханной удачей, и мы вернулись к жизни, не очень веря в окончательность своей счастливой судьбы. Отец моего друга и подельника погиб в лагерях восемью годами раньше. Друг получил еще один срок спустя всего два года. Я отделался почти только легким испугом. Мой отец, дядя, двоюродный брат и бабушка провели в разное время в тюрьмах и лагерях, где люди мерли, как мухи, от года до десяти. Бабушка отметила, как

удачно произошло, что меня посадили в таком раннем возрасте, т. к. по ее словам "прививку лучше делать пораньше". При этом я подчеркиваю, что происхожу из обычной семьи технических интеллигентов, не склонных не только к правонарушениям, но даже незаинтересованных в политике. По нашим стандартам семья обошлась, в общем, благополучно. Никто ведь не был расстрелян. Однако, такая обстановка при воспитании не могла способствовать моему восприятию Катастрофы, как чего-то из ряда вон выходящего.

Возможно, я с детства зачерствел душой.

Нельзя сказать, что я не был задет Катастрофой лично. Наши родственники погибли в гетто в Харькове. Вернувшись в Харьков после войны, мы от соседей узнали, что Лева — мальчик из этой семьи, с которым я дружил, тайком прибегал из гетто за провизией для сестры и матери. Соседи говорили, что предлагали ему скрыться, но он не мог бросить мать и сестренку и предпочел смерть с ними вместе. Я очень ясно представлял себе его жизнь и даже гибель. Мне труднее было себе представить жизнь соседей в таких обстоятельствах. Я полагал естественным, что оккупанты убили Леву и всех остальных. А чего же еще можно было ожидать от оккупантов? Но как умудрились выжить соседи? И у них даже нашлось, как будто, что Леве подать?

Почему все же по вопросу о нацистских преступниках и их преступлениях против нашего народа я склонен скорее к компромиссной позиции? Тот факт, что я с детства был свидетелем сравнимых по масштабу и жестокости преступлений, настраивает меня скорее мстительно...

Однако, глядя на эти беспримёрные преступления, так сказать изнутри, я вижу ясно, что их причи-

ной, по крайней мере в знакомом мне случае, являлось, в первую очередь, порочное государственное и общественное устройство, к которому и должна быть обращена наша бескомпромиссность. Хотя ответственность отдельных людей подчас оказывается решающей, она может и должна рассматриваться лишь индивидуально и в связи с обстоятельствами жизни именно этих отдельных людей. Я не знаю, кто был комендантом лагеря уничтожения "эстонцев" в нашем городке. Но, если бы он оказался евреем, я не считал бы эстонцев на этом основании вправе плюнуть на могилу моего дедушки. Я знаю, что даже членство в такой организации, как КГБ, не мешало отдельным (редким, впрочем) людям совершать порядочные поступки, даже подвиги милосердия, в то время как отдельные же беспартийные индивиды возвышались в своем неистовстве до уровня добровольных палачей, заслуживших быть исключенными из человечества.

Исходя из этого опыта, я легко могу себе представить, что мой родственник Лева сбежал из гетто вследствие халатности, или даже снисходительности, охранника-эсэсовца, закрывшего глаза на бегство мальчишки, а затем был выдан на расстрел теми самыми соседями, у которых он пытался укрыться и которые так живо описывали мне свое сочувствие. Немец-то ведь и не разберет, какой советский мальчишка еврей, а какой украинец. Тут нужно особый глаз иметь...

После войны растяпа-эсэсовец был, допустим, повешен (как раз в Харькове произошла публичная казнь нескольких нацистских преступников, а отношение советских следователей к истине мне известно), или просто пропал в Сибири, или танком его раздавило, а смекалистый Левин сосед отсидел-

ся возле своего огорода и пережил даже сталинские чистки. Должен ли я сейчас, спустя сорок лет, осквернить могилу этого предполагаемо нестигаемого эсэсовца и послать цветы на могилу предполагаемо добросердечного соседа? А что, если именно сосед — предатель и виновник? Кто во всем мире может ответить мне, как было на самом деле?

Конечно, эти мои подозрения не имеют силы доказательств и основаны лишь на гипотетических возможностях и обширной статистике массовых преступлений на оккупированной территории. Но вот товарищ Сталин все учел и всех подряд, оставшихся на оккупированной врагом территории, поставил под подозрение, заставив отмечать этот факт во всех их документах. Таким образом Сталин разрабатывал и осуществлял не только планы собственных грандиозных преступлений, но и процедуры не менее грандиозных наказаний и отщепеней за косвенное пособничество чужим преступлениям. Прямое пособничество наказывалось отдельно*. До самой его смерти, и даже несколько позже, все 50 миллионов потенциальных коллаборантов еженощно дрожали, опасаясь ареста, и оставались гражданами второго сорта в глазах всех официальных инстанций в СССР. Хотим ли мы того же самого для оставшегося в живых немецкого народа? И уже без ограничения срока?

Разумеется, мы не можем им реально насолить, но морально нанести им такой тотальный ущерб мы бы хотели? Я не уверен в этом. Я почти уверен в

* Таким образом И. Сталин крепко держал в руках Добро и Зло. Жаль только, что и его добро тоже всегда проявлялось в форме зла. Это происходило именно вследствие абсолютного характера его действий.

обратном. Божественное правосудие не передано в наши руки...

Значит ли это, что я считаю возможным их простить? — Нет. Никак.

Преступления нацистов во многих других аспектах имеют аналогии и параллели в истории человечества. Их преступление против еврейского народа беспрецедентно. Даже сходное по масштабам убийство армян турками радикально отличается от Катастрофы своей примитивной эмоциональностью. Другие преступления нацистов, хотя не могут быть оправданы, но, по крайней мере, объяснимы. Их преступление против евреев необъяснимо и бесполезно для них самих. Банальность мотивов отдельных исполнителей и очевидная мелкость многих вдохновителей этого преступления не должны затмевать его уникальный характер и небанальный замысел. Это событие останется среди феноменов, которые должны быть рассмотрены на более широком фоне, чем только история Европы середины XX века.

Сравнимое во многих отношениях событие описано в книге Бытия, в главе 4: "восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его". Сходство состоит не только в том, что в отличие от обычных междоусобиц, Каин убил брата, который не защищался. Оно состоит также в том, что мотив убийства был исключительно идеалистическим: "...призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел". Спор шел о ценностях невидимых и Божественная справедливость остается для нас необъяснимой. Таинственность смысла этого преступления подчеркивается таинственностью кары: "...что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты... И сказал Каин Гос-

поду: наказание мое больше, нежели снести можно... и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы, никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня..."

Что за странная забота о безопасности убийцы со стороны Бога Мщения? И не столь же ли странно звучит увещание, обращенное к Каину еще до убийства: "...отчего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним". Бог знал о преступлении и дал ему свершиться. Его счеты с Каином выше плоского понимания антитезы преступления и наказания. Ведь наказание снимает вину...

Мы вправе прощать либо наказывать только несомненные, банальные преступления. Эйхман, к собственному облегчению, мог быть повешен, потому что он был лишь ничтожным исполнителем, жалким пособником Преступления... Истинных виновников мы не можем не только наказать, но, в сущности, даже обнаружить...

Как люди, а не боги, мы не имеем права огульно объявлять преступниками не только целые народы ("всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро..."), но даже и отдельные категории граждан (нацистов, коммунистов) без четко ограниченной общепризнанной судебной процедуры. Не можем мы также добиваться от нового поколения немцев (а почему об австрийцах, кстати, никто не упомянул?), чтобы они огулом признали своих отцов падалью, которая заслужила свою собачью смерть от бомбы или от русского штыка. Это не было бы моральной победой. Наша еврейская история к то-

му же такова, что если мы захотим дальше пойти по этому непримиримо разоблачительному пути, нам придется проклясть все человечество. Однако, наша способность прощать и забывать все еще выше общемировых стандартов. Может быть, оставаться избранным народом, это значит позволить другим народам быть такими, каковы они есть?

Возможно, кто-нибудь из американских евреев возразит, что в том и состоит миссия еврейской диаспоры, чтобы принудить народы стать выше, чем они есть. Чтобы толкать их по пути нравственного совершенства выше их сегодняшних возможностей...

Может быть, и в этом правда... Но ведь — это дело веры. Веры в миссию. Веры в диаспору. Веры в то, что влияние евреев диаспоры на окружающие народы ведет к повышению их нравственности. Израильтянину позволено в этом сомневаться. Нравственность — такая зыбкая вещь. Уследить бы за своей.

В конце концов Р. Рейган достойно вышел из положения, призвав рассматривать также и убитых в боях немцев, как жертв безумного режима, основанного на безумной идеологии. Само это определение уже исключает тех из них, кто был в действительности сознательным преступником. Что ж, он простил своих врагов. Его прощение несколько не снимает их вины по отношению к нам. Никто не может простить от чужого имени. Но и осудить заочно не дано никому.

Мне кажется, что под непосредственным впечатлением Катастрофы Э. Визель и многие другие усвоили такой апокалиптический взгляд на мир, что подсознательно ожидают осуществления справедливости в реальной политической жизни после Катастрофы. В ходе Катастрофы зло проявлялось столь абсолютно, что победа над ним во второй мировой

войне могла быть понята, как торжество добра (тоже, возможно, абсолютного). А сама эта Война, как некий "последний и решительный бой". Во всяком случае, следы этого ощущения очень ясно сказываются в абсолютности их требований к американскому и немецкому правительствам в отношении нацистских преступников. Однако, в мире нет ни одного правительства, которое могло бы удовлетворить таким требованиям. Беспрецедентность нацистских преступлений отнюдь не обеспечила ни беспрецедентной справедливости наказаний, ни даже полной правоты победителей. Катастрофа уже ушла в прошлое, а Страшный Суд еще не наступил.

Мир после Катастрофы остался таким же несовершенным, каким был и до нее... В известном смысле он стал хуже. Мы можем обсуждать, прощать ли или не прощать убийц, но мы уже не в силах отменить ужасающий прецедент. Его соблазняющее влияние на умы людей, которых не волнует наше прощение, несомненно. Его значение для будущей истории не может внушить оптимизма, позволяющего сосредоточиться на символическом наказании побежденных преступников.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАК СУБ'ЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ ЕВРЕЕВ	7
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАК СУБ'ЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ	26
О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ	45
ИУДЕЙСТВО И ЭЛЛИНСТВО В НАУКЕ	73
ПО ТУ СТОРОНУ УСПЕХА	95

ИЗРАИЛЬСКОЕ ГРАЖДАНСТВО КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ

УНИКАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА И ВЫЗОВ	107
В МИРЕ НЕТ ЦЕНТРА	122
РУССКАЯ АЛИЯ И ИЗРАИЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА	135
БИБЛЕЙСКИЙ РЕАЛИЗМ	147
ДОВОЛЬНО И ЭТОГО	155
ЛЮДИ НА ВОЙНЕ.	163
ИАКОВ ОСТАЛСЯ ОДИН	182

МИР КАК ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

АНДРЕЙ САХАРОВ, ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ	199
АЛИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИЗ РОССИИ	205
ПАРЛАМЕНТ СОВЕСТИ	230
ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЕВРЕИ ОБ'ЕКТОМ СОВЕТСКОГО АНТИСЕМИТИЗМА?	241
ТРАГИЧЕСКАЯ НАИВНОСТЬ	254
ВОКРУГ Ю. МИЛОСЛАВСКОГО	263
НАЧАТЬ СНАЧАЛА	276
МЕЧТА О СПРАВЕДЛИВОМ ВОЗМЕЗДИИ	289

КНИГОТОВАРИЩЕСТВО "МОСКВА—ИЕРУСАЛИМ"

предлагает следующие книги:

David Takser. The Suit. A short novel.

Давид Таксер. Иск.

Повесть о необычайной судьбе молодого советского офицера оккупационных сил в Германии, влюбленного в немку, бежавшего на Запад и выданного англичанами советским властям. Автобиографичность в сочетании с ярким описанием первых дней оккупации делают "Иск" интересным свидетельством эпохи.

200 стр.

10 долларов

Eduard Kuznetsov. Russkyi roman. A novel.

Эдуард Кузнецов. Русский роман. Роман.

Напряженная интрига и неожиданные повороты драматического сюжета отличают этот роман о "лишнем человеке" 60-х годов, о его несостоявшейся любви и мести. Вобрав в себя все традиционные темы русской литературы и размышления о природе современной жизни, этот роман по праву называется "Русским".

12 долларов

Kniga Makaveev.

"Книга Маккавеев". (Главы Библии, не вошедшие в русский канонический текст.)

Хроника первой в истории человечества религиозной войны с ее героизмом и жестокостью, отчаянием и неожиданным исходом.

6 долларов

Ilya Rubin. Oglanis' v slezach. Collection of verses and essays.

Илья Рубин. Оглянись в слезах. Стихи, эссе, главы из романа.

Посмертное издание стихов и эссе безвременно скончавшегося талантливой и острого автора, продолжившего традиции Мандельштама в своей поэзии и эссеистике.

7 долларов

Nina Voronel'. Prach i pepel. Collection of plays.

Нина Воронель. Прах и пепел. Сборник пьес.

Короткие одноактные пьесы о жути советского бытия, его абсурдной свирепости и ошеломляющей нищете; созданные в России, эти пьесы были экранизированы на израильском и британском телевидении и в немецком кино и поставлены в театрах Израиля и США.

4 доллара

Adin Steinzalz. Kontury Talmuda.

Адин Штайнзальц. Контуры Талмуда. (Популярный очерк. Перевод с иврита.)

Первый на русском языке рассказ о сущности и особенностях Талмуда, принадлежащий перу автора, которого журнал "Комментарии" охарактеризовал как "одного из крупнейших религиозных мыслителей современного Израиля". Русскоязычный читатель, знающий о Талмуде понаслышке, получит неоценимый путеводитель по этой энциклопедии еврейской мудрости.

9 долларов

Kiryll Henkin. "Russkyye prishli".

Кирилл Хенкин. "Русские пришли".

Неожиданный анализ особенностей "третьей эмиграции", которая, по утверждению автора, во многом формируется в интересах КГБ. Автор, в прошлом сам сотрудник советской разведки оперирует множеством неизвестных читателю фактов.

10 долларов

Alexander Voronel'. Trepet zabor iudejskyych. 2nd Edition.

Александр Воронель. Трепет забот иудейских. Издание второе, переработанное и дополненное.

Художественно-философская проза, запечатлевшая опыт духовной биографии интеллигента, сформировавшегося как личность в советской России, и его размышления об особенностях советской системы и русской истории и взаимоотношениях их с историей еврейской.

8 долларов

Eduard Kuznetsov. Mordovskiy marafon. Diaries.

Эдуард Кузнецов. Мордовский марафон. Лагерные дневники.

Дневники всемирно известного автора, ныне — руководителя Интернационала Сопротивления, вынесенные из-за колючей проволоки каторжных лагерей Мордовии, включают его размышления о России, свободе и ответственности, человеческом призвании и экзистенциальном выборе, перемежаемые яркими зарисовками лагерной жизни и короткими рассказами-притчами.

10 долларов

Nisan Ruda. Vozvrashchenie na Rodinu. Memoirs.
**Нисан Руда. Возвращение на Родину. Воспоми-
нания.**

Подкупающие искренностью, воскрешающие аромат первых лет заселения Палестины, воспоминания израильского адвоката позволяют понять, почему три миллиона евреев вернулись на свою историческую родину, несмотря на все трудности, разочарования и лишения.

6 долларов

Gillel Galkin. Pis'ma amerikanskomu drugu. A Zionist Polemics.

Гиллель Галкин. Письма американскому другу. Сионистская полемика. (Перевод с английского.)

Острое и полемичное обсуждение самых "больных" проблем израильской и еврейской жизни, перспектив Израиля и диаспоры, спорных вопросов еврейского прошлого и будущего, названное журналом "Мидстрим" "важнейшей еврейской книгой последнего десятилетия".

10 долларов

Sihon (Russian-Hebrew Conversation Book).

Сихон (русско-ивритский разговорник, сост. И. Палхан).

Новое пособие для желающих овладеть начатками разговорного иврита. В отличие от других пособий, ивритский материал в "Сихоне" транскрибирован русскими буквами для удобства изучающих. 100 стр.

6 долларов

Joel Carmichfel. Trotsky.

Джозель Кармайкл Троцкий. Опыт ретроспективной оценки. (Перевод с английского.)

Впервые на русском языке дан увлекательный психологический портрет человека, который был главной движущей силой октябрьского переворота в России, прослежена его биография во всех ее драматических зигзагах — от взлета на гребне революции 1905 года через триумфальную популярность времен гражданской войны до безнадежной борьбы со Сталиным, эмиграции и гибели в изгнании.

14 долларов

Alexander Vail, Petr Genis. Poterjany raj.

Александр Вайль и Петр Генис. Потерянный рай. Книга очерков.

Книга известных яркостью и увлекательностью стиля журналистов посвящена ироническим зарисовкам советского и эмигрантского быта. Каждая ее глава — очерк одной из сторон советского "рая", того, что называется в СССР "трудом", "досугом", "любовью", "культурой" и так далее, а все вместе они создают выразительную картину, во многом сходную с нарисованной А. Зиновьевым в "Зияющих высотах".

10 долларов

ЗАКАЗ НА ЛЮБЫЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ КНИГ И ОБЩИЙ ЧЕК, ВЫПИСАННЫЙ НА ИМЯ "FOUNDATION MOSKOW-JERUSALEM", НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ: "22", P. O. B. 7045, RAMAT-GAN, ISRAEL.



Александр ВОРОНЕЛЬ (1931 г. р.) профессор физики Тель-Авивского университета. Приехал в Израиль из Москвы в 1974 г., после нескольких лет борьбы. С 1972 по 1974 г. издавал самиздатский журнал "Евреи в СССР". Основатель Московского Семинара ученых-отказников.